

Список литературы

1. Эптон Синклер «[Джунгли](#)»
2. Френк Норрис «[Спрут](#)»
3. Теодор Драйзер «Сестра Керри» [1] [2], «[Финансист](#)», «Американская трагедия» [1] [2] [3]
4. Шервуд Андерсон «[Уайнсбург, Огайо](#)»
5. Синклер Льюис «[Бэббит](#)»
6. Эрнест Хемингуэй «Прощай, оружие!» [1] [2] [3], «[И восходит солнце...](#)», «[В наше время](#)», «По ком звонит колокол» [1] [2], «Старик и море» [1] [2]
7. Ф.С. Фицджеральд «Великий Гэтсби» [1] [2] [3]
8. Джон Дос-Пассос «[Манхэттен](#)»
9. Уильям Фолкнер «Шум и ярость» [1] [2] [3], «Авессалом, Авессалом» [1] [2], «[Осквернитель праха](#)», «Свет в августе» [1] [2] [3]
10. Джон Стейнбек «Гроздь гнева» [1] [2] [3], «[О мышах и людях](#)», «[Зима тревоги нашей](#)», «[К востоку от рая](#)»
11. Роберт Пени Уоррен «Вся королевская рать» [1] [2] [3]
12. Джеймс Джонс «[Отныне и вовеки](#)»
13. Норманн Мейлер «[Нагие и мертвые](#)»
14. Ирвин Шоу «[Молодые львы](#)»
15. Джозеф Хеллер «Уловка -22» [1] [2] [3]
16. Курт Воннегут «Бойня номер пять» [1] [2] [3]
17. Д.Джером Сэллинджер «Над пропастью во ржи» [1] [2] [3]
18. Трумен Капоте «[Луговая арфа](#)», «[Обыкновенное убийство](#)»
19. Карсон Маккалерс «[Гостья на свадьбе](#)», «[Сердце - одинокий охотник](#)»
20. Фланнери О'Коннор [Рассказы](#)

Бенджамин Фрэнк Норрис

Спрут (The Octopus)

Роман (1901)

«Спрут» — произведение о жизни и борьбе за свои права фермеров долины Сан-Хоакин, созданное на основе реального события — вооруженного столкновения между фермерами и представителями властей в округе Муссельслаф в 1880 г.

Поэт Пресли приехал из Сан-Франциско в этот благодатный край, где раскинулись необозримые поля пшеницы, не только с целью поправить здоровье. Он мечтает создать великую Песнь о Западе, этом рубеже романтики, где селились новые люди — крепкие, мужественные, страстные. Он мечтает о «великой Песне», которая охватит всю эпоху, голос всего народа — его легенды, его фольклор, борьбу и надежды. А постоянные разговоры фермеров долины о тарифах на провоз пшеницы к морю и о ценах на нее Пресли только раздражают. В картину того огромного романтического Запада, которая рисуется в его воображении, жизнь фермеров с ее заботами врывается грубой нотой, нарушая гармонию его грандиозного замысла, неся с собой что-то «материальное, грязное, смертельно пошлое».

Пресли говорит себе, что, являясь частицей народа, любит этот народ и разделяет все его надежды, страхи и радость. Но в то же время вечно жалующийся мелкий фермер-арендатор немец Гувен, грязный, потный и ограниченный, возмущает его. Гувен арендует землю у крупного фермера Магнуса Деррика, в доме которого живет Пресли. И часто объезжая на лошади или обходя владения Деррика и его соседей-фермеров Аникстера, Бродерсона, Остермана и других, глядя на необъятные просторы этого благословенного края, Пресли испытывает чувство нерушимого покоя, тишины, безмятежного счастья и безопасности. Но однажды диссонансом в его мечтания врывается сцена гибели овец, которых раздавил мчавшийся на всех парах паровоз. Чувство безмятежного покоя и безопасности у Пресли исчезает. Теперь ему кажется, что это мчащееся чудовище из стали и пара с единственным, как у циклопа, огненным глазом является символом огромной силы, великой и страшной, оглашающей громовым раскатом все пространство долины, несущей кровь и разрушение на своем пути. Это — чудовище со стальными щупальцами, бездушная сила с железным сердцем — исполин, колосс, спрут.

Такие картины, вновь и вновь нарушающие покой и довольство вокруг, будут еще не раз встречаться в повествовании. Например, в описании празднества по случаю постройки нового амбара у Аникстера, когда в толпу веселящихся гостей врывается на лошади ковбой Делани, ранее рабочий на ферме Аникстера, которого тот несправедливо уволил. Начинается стрельба. Вслед за этим тут же фермеры получают извещение о том, что правление железной дороги назначило к продаже землю, на которой стоят их дома и на которой они трудятся много лет. Цена же на землю установлена в среднем двадцать пять долларов за акр.

Враждебные отношения между фермерами долины Сан-Хоакин и железной дорогой существовали с давних времен. Много лет назад американское правительство отдало корпорации Тихоокеанской и Юго-Западной железной дороги в виде премии за прокладку путей часть земель по обе стороны дороги. Железная дорога выпустила ряд брошюр и циркуляров о предоставлении поселенцам богатых земель в округе Туларе. Было обещано, что при продаже земли таким поселенцам отдадут предпочтение перед всеми другими лицами, а цены будут установлены на основе стоимости земли в среднем по два с половиной доллара за акр. Магнус Деррик взял тогда себе десять тысяч акров земли, Аникстер, Остерман и другие — значительно меньше. Из года в год они успешно хозяйствовали, не раз поднимая перед руководством железной дороги вопрос о покупке этой земли. Но его представители в лице юриста Роггlsa и агента-маклера Бермана каждый раз уходили от ответа. Корпорация последовательно и безжалостно вела свою политику. Сначала был повышен тариф на провоз груза к морю. При этом должны были пострадать не только крупные, но и мелкие производители, для которых это означало разорение. Характерна в этом отношении история бывшего паровозного машиниста Дайка. Его уволили, предложив перейти на более низкооплачиваемую работу, и он отказался. Чтобы прокормить семью, он начинает заниматься разведением хмеля, заложив у Бермана свой дом и землю. Но тариф на провоз хмеля повышается с двух до пяти центов за фунт в зависимости от стоимости, а не веса груза, и Дайк разоряется. Под влиянием анархиста Карахера он решает отомстить и грабит почтовый вагон, убив при этом кондуктора, но взяв всего пять тысяч долларов — ту сумму, на которую его обмануло руководство дороги. Голодного и измученного Дайка в конце концов настигают преследователи — ему грозит пожизненное заключение.

фермеры, проиграв дело о снижении тарифов в железнодорожной комиссии штата Калифорния, решают на совещании у Магнуса Деррика выбрать в новую комиссию своих людей. Магнус Деррик, казалось бы, человек неподкупный и строгих правил, однако игрок в душе, после долгих колебаний становится руководителем союза фермеров, выступающих против правления железной дороги. Ему приходится втайне от всех, кроме Аникстера и Остермана, дать взятку двум делегатам съезда фермеров, где выбираются члены комиссии. По предложению фермеров в число членов комиссии включают и старшего сына Магнуса — Лимана, известного в Сан-Франциско адвоката. Запоминается сцена в кабинете Лимана Деррика, когда он рассматривает новую официальную карту железных дорог Калифорнии. Вся она испещрена обширной сложной сетью красных линий, — на белом фоне разные части штата, его города и поселки были опутаны щупальцами этого огромного организма. Казалось, кровь всего штата была высосана до капли и на бледном фоне резко вздувались красные артерии чудовища, разбухшие до предела, уходившие в безграничное пространство, — какой-то нарост, гигантский паразит на теле всего штата,

Однако Лиман Деррик давно уже подкуплен правлением железной дороги, обещавшим ему поддержку на выборах в губернаторы штата. На заседании комиссии, как бы в насмешку над чаяниями фермеров, тариф на провоз пшеницы был снижен лишь для тех мест штата, где

ее не выращивают. Фермеры опять проигрывают, и Магнус изгоняет из своего дома Лимана, поступившего как предатель. В довершение всего редактор местной газеты «Меркурий» узнает о взятках, которые давал Магнус, и тому грозит разоблачение, если он не даст редактору десять тысяч долларов на расширение газеты. Магнус отдает все, что у него есть.

Фермеры продолжают бороться и подают апелляцию в суд Сан-Франциско, который выносит решение не в их пользу, подтвердив, что земля является собственностью железной дороги. Вскоре наступает кровавая развязка.

Для исполнения решения суда в долину Сан-Хоакин прибывает шериф в самый удачный момент, когда фермеров нет дома — они устраивают облаву на зайцев, портящих посевы. Автор рисует впечатляющую картину (и символическую одновременно) этой облавы, когда повозки фермеров окружают зайцев, сбивающихся в кучу, потом начинается избиение. И в этот момент проносится слух, что шериф приступает к захвату фермерских земель. В сопровождении отряда конных полицейских он разоряет усадьбу Аникстера и встречается с группой вооруженных фермеров. Однако их совсем немного — Магнус Деррик, его младший сын Гаран, Аникстер, Остерман и еще кое-кто, вместо предполагавшихся шестисот человек всего лишь девять.

Остальные не присоединились, заколебались, испугались. Слишком велик риск братья за оружие, хотя правление железной дороги здорово провело их, пишет автор. Эти люди считают, что сейчас важнее всего созвать совещание исполнительного комитета союза фермеров.

Тем временем Магнус Деррик, желая избежать кровопролития, направляется к шерифу для переговоров, а остальные занимают позицию в сухом оросительном канале, служащем как траншея. Переговоры кончаются безрезультатно — шериф лишь выполняет свой долг. Пресли все это время находился с Магнусом, присматривал за лошадьми. Но он вышел на дорогу и видел, как в перестрелке были убиты Аникстер и другие фермеры. К месту происшествия собираются толпы людей, еще не понимающих толком, что произошло,

Во взглядах Пресли к тому времени происходит резкая перемена. Эпическая поэма о Западе отложена, а на свет появилась социальная поэма «Труженики». Она стала выражением мыслей Пресли о социальном переустройстве общества. Трагическая судьба Дайка, повышение тарифов, речи анархиста Карахера о том, что железнодорожный трест страшится только народа с динамитом в руках, — все это повлияло на поэта. «Тебя вдохновлял народ, — говорит пастух Ванамы, друг Пресли, — и пусть твоя поэма идет к народу... «Тружеников» должны читать труженики. Поэма должна быть простой, чтобы ее понимали массы. Ты не можешь свысока смотреть на народ, если хочешь, чтобы твой голос был услышан». Поэма оказывается очень популярной, и это приводит Пресли в недоумение. Но теперь он хочет обратиться ко всей нации и рассказать о драме в долине Сан-Хоакин — может быть, это послужит общему благу. Ведь и в других штатах есть свои угнетатели и свои «спруты». Пресли хочет объявить себя защитником народа в борьбе с трестами, мучеником во имя свободы. Хотя он скорее мечтатель, чем человек дела.

Теперь же, после гибели своих друзей-фермеров, Пресли выступает с горячей и взволнованной речью на массовом митинге в городском театре Бонвилля. «Мы в их руках, этих наших хозяев-эксплуататоров, наши семейные очаги в их руках, наши законодательные органы в их руках. Нам некуда уйти от них, — говорил Пресли на митинге. — Свобода — это не дар богов. Свобода не дается тому, кто ее только просит. Она — дитя народа, рожденная в пылу борьбы, в смертельных муках, она омыта кровью, она несет с собой запах порохового дыма. И она будет не богиней, а фурией, страшной фигурой, равно уничтожающей врага и друга, яростной, ненасытной, безжалостной — красным террором».

И хотя после речи Пресли раздались громкие аплодисменты, он осознал, что ему не удалось до конца проникнуть в сердца своих слушателей. Народ не понял, не поверил, что Пресли может быть ему полезен.

Тяжело переживая случившееся, Пресли воспринял бедствия фермеров как личную трагедию. Ведь фермеры до последнего момента надеялись, что закон будет на их стороне, полагали, что уж в Верховном суде Соединенных Штатов они найдут правду. Но и этот суд решил дело в пользу железной дороги. Теперь всем фермерам уж точно придется покинуть свои фермы. Им дали всего лишь две недели отсрочки.

Под влиянием Карахера Пресли идет на отчаянный поступок. Он бросает бомбу в дом Бермана, но неудачно: враг уцелел.

Тогда Пресли отправляется на поиски семьи погибшего арендатора Гувена.

Блуждая по Сан-Франциско, Пресли останавливается перед огромным зданием главного управления Тихоокеанской и Юго-Западной железной дороги. Это цитадель врага, центр всей той обширной системы артерий, по которым откачивались жизненные соки всего штата; центр паутины, в которой запуталось столько жизней, столько судеб человеческих. И здесь сидит сам хозяин, всесильный Шелгрим, думает Пресли. Ему семьдесят лет, а он все еще работает. «Это жизненная сила людоеда,» — решает Пресли. Но перед ним оказывается человек большого ума, разбирающийся не только в финансах, но и в искусстве. «Железные дороги строятся сами собой, — поучает Шелгрим Пресли. — Пшеница растет сама по себе. Пшеница — одна сила, железная дорога — другая. Закон, которому они подчиняются, — это закон спроса и предложения. Люди во всем этом играют ничтожную роль. Надо винить условия, а не людей, — заключает Шелгрим. — А от меня ничего не зависит. Я не могу подчинить железную дорогу своей воле... Кто может остановить рост пшеницы?»

Значит, думает Пресли, никого нельзя винить за ужасы, происшедшие у оросительного канала... Значит, Природа только гигантская Машина, не знающая ни сожаления, ни прощения...

В таком настроении расстроенный и измученный Пресли пытается найти семью Гувена. Он знал, что после похорон Гувена его жена и две дочери, маленькая Гильда и красавица Минна, уехали в Сан-Франциско, надеясь найти там работу. Но в большом городе эти сельские жительницы оказались в тяжелом положении. Деньги скоро кончились, хозяйка меблированных комнат выгнала их, и Минна, потеряв мать и сестру, вынуждена была после

нескольких дней поисков, когда у нее буквально крошки во рту не было, согласиться на предложение хозяйки публичного дома. А миссис Гувен просто умерла от голода на каком-то пустыре. Маленькую Гильду подобрала одна сердобольная женщина. Когда Пресли случайно встретил Минну на улице в новом шелковом платье и шляпе, надетой чуть набок, то понял, что его помощь опоздала. «Я попала черту в зубы», — говорит о себе Минна.

И Пресли опять отправляется в долину Сан-Хоакин, чтобы в последний раз увидеться с теми из своих друзей, кто еще остался жив.

Но «золотой» урожай, которого здесь давно не бывало, созрел не для них. В усадьбе Дерриков дорожки зарастают сорной травой. Теперь тут хозяйничает маклер Берман. Это ему досталось огромное владение Магнуса, о чем он мечтал давно. А железная дорога установила для Бермана специальный сниженный тариф, чтобы перевозить пшеницу к морю.

Магнус Деррик и его жена собираются покинуть свое гнездо. Миссис Деррик на склоне лет вновь должна стать учительницей музыки в городе Мерисвилль, где оказалась вакантной ее прежняя должность в средней женской школе. Возможно, это будет их единственным источником существования. Ведь Магнус Деррик теперь просто расслабленный и плохо соображающий старик. Берман издевательски предлагает ему стать весовщиком на местной товарной станции и перейти на сторону железной дороги, делать то, что ему прикажут.

Пресли, присутствовавший при этом разговоре, не в силах далее наблюдать ту глубину падения, до которого дошел Магнус. Он спешит покинуть усадьбу Дерриков и направляется к усадьбе Аникстера. Над ней повис мертвый покой, а у разбитых ворот на дереве была прибита дощечка с надписью, что проезд и проход тут строго воспрещаются.

В долине Сан-Хоакин Пресли ожидает еще одна, очевидно, последняя встреча с его старым другом Ванами. Этот пастух, похожий на провидца из библейских легенд, как можно предположить, является носителем философии автора. Он интересен потому, что, как мы сказали бы теперь, обладает даром парапсихолога и умеет действовать на сознание людей, находящихся от него на расстоянии. Такое не раз испытывал на себе Пресли, когда словно какая-то неведомая сила заставляла его направляться к месту, где находится Ванами. Он интересен и тем, что, по мысли автора, Ванами постиг суть каких-то глобальных явлений. Нужно смотреть на все происходящее, считает Ванами, с огромной вершины человечества, с точки зрения «величайшего блага для величайшего числа людей». И если человек обладает широким взглядом на жизнь, то он поймет, что не зло, а добро побеждает в конце концов. И потому Берман тонет в потоке сыплющейся на него пшеницы в трюме корабля, который повезет теперь уже его пшеницу голодающим в Индии.

Но каков же тот полный круг жизни, только часть которого он, Пресли, видел и о котором говорил Ванами? Так размышляет Пресли, направляясь на этом же корабле в Индию. В борьбе между фермерами и железной дорогой пострадали фермеры, продолжает рассуждать Пресли, и, возможно, прав Шелgrim, что, скорее, силы, а не люди сомкнули рога в страшной борьбе. Люди лишь только мошки в лучах горячего солнца, они погибали, убитые в самом расцвете жизни. Но оставалась пшеница — могучая мировая сила, кормилица народов.

Она окутана покоем нирваны, безучастна к человеческим радостям и печалям. Из борьбы сил возникает добро. Аникстер погибает, но голодающие в Индии получают хлеб. Человек страдает, но человечество идет вперед.

Теодор Драйзер

ДРАЙЗЕР ТЕОДОР (Dreiser Theodore) (1871—1945), основоположник натурализма в американской литературе, удостоился у критики шутливого звания «самый великий плохой писатель в мире». Автор романов «Дженни Герхардт» (1911), трилогии о Каупервуде: «Финансист» (1912), «Титан» (1914), «Стоик» (1947).

Сестра Керри (Sister Carrie)

Роман (1900)

Америка, 1889 г. Восемнадцатилетняя Каролина Мибер, или, как ее ласково называли домашние, сестра Керри, покидает родной городок Колумбия-Сити и отправляется на поезде в Чикаго, где живет ее замужняя старшая сестра. В кошельке у Керри всего четыре доллара и адрес сестры, но ее окрыляет надежда на новую счастливую жизнь в большом и прекрасном городе.

Поначалу, однако, ее ожидают сплошные разочарования. Сестра обременена семьей и хозяйством, ее муж работает уборщиком вагонов на скотобойне и зарабатывает совсем немного, и потому каждая лишняя трата проделывает в их скудном бюджете серьезные бреши. Керри отправляется на поиски работы, но она ничего не умеет делать, и лучшее, что ей удастся отыскать, — это место работницы на обувной фабрике. Однообразная, плохо оплачиваемая работа сильно тяготит девушку, но, заболев, она лишается и этого заработка. Не желая быть обузой для сестры и ее мужа, она уже собирается возвращаться домой, но тут случайно встречает молодого коммивояжера Чарлза Друэ, с которым познакомилась в поезде по пути в Чикаго.

Друэ искренне готов помочь Керри, уговаривает взять у него денег взаймы, потом снимает для нее квартиру. Керри принимает ухаживания Друэ, хотя никаких серьезных чувств к нему не испытывает. Впрочем, она готова выйти за него замуж, но стоит ей завести разговор об этом, Друэ пускается на различные отговорки, уверяя, что он непременно женится на ней, но сперва должен уладить формальности с получением какого-то наследства.

Именно Друэ знакомит Керри с Джорджем Герствудом, управляющим весьма престижным баром «Мой и Фицджеральд». Ценой большого усердия и настойчивости Герствуд за долгие годы работы сумел подняться от буфетчика в третьеразрядном салуне до управляющего баром, где собиралась самая респектабельная публика. У него собственный дом и солидный счет в банке, но тепла семейных отношений нет и в помине. Элегантный, обладающий безукоризненными манерами Герствуд производит сильное впечатление на Керри, а Герствуд, в свою очередь, проявляет интерес к хорошенькой юной провинциалочке, тем более что его отношения с собственной женой заметно ухудшаются.

Поначалу Герствуд и Керри встречаются в обществе Друэ, затем тайком от него. Герствуд предлагает Керри переехать в другое место, чтобы их отношениям уже никто не мешал, но Керри готова это сделать, только если он женится на ней. Между тем Друэ рекомендует ее для исполнения главной роли в любительском спектакле. Отсутствие сценического опыта, разумеется, дает о себе знать, тем не менее дебют проходит вполне успешно.

Тем временем и у Друэ, и у супруги Герствуда растут подозрения. Положение Герствуда осложняется тем, что он все свое имущество записал на имя жены, и теперь она намерена на самых законных основаниях оставить его без гроша. Оказавшись в крайне сложной ситуации, Герствуд решается на отчаянный поступок.

Воспользовавшись тем, что хозяева полностью ему доверяют, он похищает из кассы бара десять с лишним тысяч долларов и увозит Керри.

Сначала он сообщает ей, что с Друэ случилось несчастье и надо ехать к нему в больницу, и только в поезде он объясняет Керри смысл своего поступка. Он уверяет ее, что окончательно порвал с женой, что скоро добьется развода и что, если Керри согласится уехать с ним, он никогда не помыслит о том, чтобы ее оставить. Он, правда, умалчивает о том, что присвоил чужие деньги.

Однако его обман быстро всплывает, и в Монреале, где Герствуд и Керри обвенчались как мистер и миссис Уилер, его уже ждет нанятый хозяевами бара частный детектив. Вернув большую часть украденного, Герствуд получает возможность беспрепятственно вернуться в Соединенные Штаты. Он и Керри поселяются в Нью-Йорке.

Там ему удается вложить оставшиеся деньги в бар, и какое-то время жизнь входит в нормальное русло. Керри успевает подружиться с соседкой миссис Вэнс, посещает с ней и ее мужем театры и рестораны, знакомится с изобретателем Бобом Эмсом, кузеном миссис Вэнс. Эмса заинтересовала Керри, но он не ловелас, с уважением относится к брачным узам, и развития знакомство не имеет. Затем молодой инженер возвращается в свой родной штат Индиану, но на Керри он произвел глубокое впечатление: «Теперь у Керри появился идеал. С ним она сравнивала всех других мужчин, особенно тех, которые были близки ей».

Так проходит три года. Затем над Герствудом снова сгущаются тучи. Дом, в котором располагался его бар, переходит к другому владельцу, намечается перестройка, и его партнер разрывает с ним контракт. Герствуд начинает лихорадочно искать работу, но годы у него уже не те, никаких полезных навыков он не приобрел, и ему снова и снова приходится выслушивать отказы. Время от времени он встречает давних знакомых по бару «Мой и Фицджеральд», но воспользоваться былыми связями не может. Они с Керри меняют квартиру, экономят на всем подряд, но денег остается все меньше и меньше. Чтобы поправить дела, Герствуд пытается воспользоваться былым умением играть в покер, но, как обычно случается в таких ситуациях, он проигрывает последнее.

Понимая, что надежды на Герствуда теперь призрачны, Керри предпринимает попытки найти работу. Вспомнив свой успех в любительском спектакле, она пробует устроиться на

сцену, и в конечном счете ей улыбается удача: она становится артисткой кордебалета в оперетте. Постепенно она выбивается из статисток в солистки.

Тем временем Герствуд, измученный постоянными отказами при поисках работы, решает на отчаянный шаг. Когда бруклинские трамвайщики устраивают забастовку, Герствуд нанимается вагоновожатым. Но хлеб штрейкбрехера очень горек. Герствуду приходится выслушивать оскорбления, угрозы, он разбирает завалы на рельсах. Затем в него стреляют. Рана оказывается пустяковой, но терпению Герствуда приходит конец. Так и не доработав смену, он бросает трамвай и кое-как добирается до дома.

Получив очередное повышение, Керри уходит от Герствуда. На прощание она оставляет ему двадцать долларов и записку, где сообщает, что у нее нет ни сил, ни желания работать за двоих.

Теперь они словно движутся в противоположных направлениях. Керри становится любимцей публики, к ней благосклонны рецензенты, ее общества добиваются богатые поклонники, Администрация шикарного отеля в рекламных целях приглашает новую знаменитость поселиться у них за символическую плату. Герствуд бедствует, ночует в ночлежках, стоит в очередях за бесплатным супом и хлебом. Как-то раз управляющий отеля, сжалившись над ним, дает ему место — он делает черную работу, получает гроши, но рад и этому. Впрочем, организм не выдерживает, заболев воспалением легких и отлежав в больнице, Герствуд снова вливается в армию нью-йоркских бездомных, довольных, если удастся раздобыть несколько центов на ночлег. Герствуд уже не гнушается попрошайничать и однажды просит милостыню под огнями рекламы, сообщающей о спектакле с участием его бывшей жены.

Керри снова встречается с Друэ, который не прочь возобновить их связь, но для Керри он уже неинтересен. Приезжает в Нью-Йорк Эмс. Добившись успеха у себя на Западе, он намерен открыть лабораторию в Нью-Йорке. Посмотрев очередную оперетку с участием Керри, он внушает ей, что пора заняться чем-то посерьезнее, надо попробовать себя в драме, ибо, по его убеждению, она способна на нечто большее, чем шаблонные роли, которые ей достаются.

Керри соглашается с его мнением, но не предпринимает попыток изменить свою судьбу. Она вообще впадает в тоску и апатию. Друэ ушел из ее жизни, по-видимому, навсегда. Не стало и Герствуда, хотя Керри об этом не догадывается. Не выдержав ударов судьбы, он покончил с собой, отравившись газом в нью-йоркской ночлежке. Впрочем, «вернись даже Герствуд в своей былой красе и славе, он все равно уже не прельстил бы Керри. Она узнала, что и его мир, и ее нынешнее положение не дают счастья». Внешне дела ее идут хорошо, она ни в чем не нуждается, но снова и снова ее победы кажутся ей призрачными, а настоящая жизнь необъяснимо ускользает.

СЕСТРА КЕРРИ (Sister Carris) (роман, 1900) Миббер Кэролин (Meeber Caroline) — 18-летняя девушка, одна из тех многих, кто (как и сам Л. Т. в юности) отправляется из захолустного городка искать счастья в Чикаго «плохо вооруженный маленький рыцарь, который отважно ринулся на огромный загадочный город, чтобы попытаться счастья, лелея безумную мечту о неясной, далекой победе». Эгоизм, природная сметливость, пылкая мечтательность и отсутствие склонности к анализу делают М. К. в глазах автора «прекрасным образцом американского среднего класса», внутри которого сталкиваются, взвихриваются мощные восходящие и нисходящие людские потоки. Гудящий, как улей, заряженный энергией и поражающий соблазнительными контрастами город составляет фон бесчисленных человеческих драм. Жизнерадостного бонвивана, коммивояжера Друэ М. К. встречает осенью 1889 г. в поезде по дороге в Чикаго. Столкнувшись по приезде с унылой ограниченностью нищего быта в семье сестры, с грубостью и однообразием (единственно ей доступного) конвейерного труда, она вскоре уступает ухаживаниям Друэ, становится его содержанкой. При всей наивности, М. К. ясно сознает, что эта связь для нее лишь подручное средство в стремлении к комфорту и богатству. Новое, через Аруэ, знакомство — Джордж Герствуд, зрелый мужчина, управляющий в модном чикагском баре. Он превосходит первого любовника М. К. и умом, и тактом, и светским лоском. Поддавшись в критическую минуту соблазну, Герствуд решается бежать с М. К. и десятью тысячами долларов из кассы бара сначала в Канаду, потом в Нью-Йорк, где тщетно пытается восстановить прежний финансовый и социальный статус Увы, не имея запаса сил и жизненной энергии, он постепенно опускается и в финале кончает жизнь самоубийством. Зато М. К., вынужденная обстоятельствами искать заработок, обнаруживает в себе артистический талант и преуспевает в популярном жанре музыкальной комедии под артистическим псевдонимом Керри Маденда. Душа бесхитростно-наивная, непосредственная, М. К. во многом сохраняет в себе эти свойства до конца, несмотря на мрачно двусмысленные опыты жизни. По внушенной с детства привычке она беседует иногда с совестью, но не придает этой инстанции большого значения, предпочитая ощущать себя игрушкой неподвластных человеку сил: «былинкой, увлекаемой бушующими во вселенной ветрами». Как подсолнух поворачивается к солнцу, М. К. инстинктивно ищет удовольствий, с бездумной легкостью расставаясь с одним любовником, потом с другим: в ее глазах они не более чем «полномочные послы» жизненного успеха, который, в свою очередь, олицетворяет нечто еще большее, притягательно-недостижимое: «сияние великой радости, озаряющее отдаленные вершины жизни». М. К. слишком внятен голос неодоушевленного: соблазнительное красноречие вещей, призывающих овладеть ими. Снова и снова она проходит путь от соблазна через слепую и необоримую жажду присвоения к обесценению присвоенного. Устремление к красоте и гармонии всякий раз оборачивается хватанием того, в чем видится их материальный эквивалент. Ничто не может окончательно удовлетворить драйзеровскую героиню: горизонт каждый раз отодвигается, каждый раз заманчив и — пуст. В Нью-Йорке, где она достигла, кажется, предела своих мечтаний, ей открывается мир творчества, возможно, запредельный для «бедной Керри» (о дальнейшей ее

судьбе и потенциале развития читатель может только гадать в финале романа), но своим косвенным присутствием заведомо обесценивающий ее предшествующие успехи. Человек, по Д. Т, пребывает в трагически двусмысленном состоянии: не в силах, подобно животному, найти защиту в слепом подчинении инстинкту и не в силах последовательно руководствоваться голосом разума; его глаза вечно устремлены к иллюзии, ноги неизменно стреножены обстоятельствами. Домашнее имя М. К. — «сестра Керри» — единственный раз в романе используется ее сестрой («Бедная сестра Керри!») в момент, когда та интуитивно чувствует неизбежность и необратимость их разрыва. Ничья сестра и ничья жена, без дома и пристанища, которых ищет, но не найдет никогда, М. К. строит свое преуспеяние на таланте мимикрии. Все прочие персонажи занимают свои социальные ниши и не умеют меняться, выпрыгивать из себя; редкой способностью к самопревращению — из деревенской простушки в изящную городскую даму, потом в блестящую звезду шоу-бизнеса наделена М. К. Ее душа — «зеркало, составленное из представлений, своих и чужих», ее жизнь — движение от одного самообмана к другому. Покачивание в кресле-качалке, любимое времяпровождение на досуге, символично, как вечное движение в никуда.

Американская трагедия (An American Tragedy)

Роман (1925)

Канзас-Сити, жаркий летний вечер. Двое взрослых и четверо детей распевают псалмы и раздают брошюры религиозного содержания. Старшему мальчику явно не нравится то, чем он вынужден заниматься, но его родители с жаром отдаются делу спасения заблудших душ, каковое, впрочем, приносит им лишь моральное удовлетворение. Эйса Гриффитс, отец семейства, отличается большой непрактичностью, и семья еле-еле сводит концы с концами.

Юный Клайд Гриффитс стремится вырваться из этого унылого 'Мирка. Он устраивается помощником продавца содовой в аптеке, а затем рассыльным в отель «Гри-Дэвидсон». Работа в отеле не требует никаких особых навыков и умений, но приносит неплохие чаевые, что позволяет Клайду не только вносить свой вклад в семейный бюджет, но и покупать себе хорошую одежду и кое-что откладывать.

Товарищи по работе быстро принимают Клайда в свою компанию, и он с головой окунается в новое веселое существование. Он знакомится с хорошенькой продавщицей Гортензией Бригс, которая, однако, не по годам расчетлива и не собирается оказывать кому-либо благосклонность исключительно за красивые глаза. Ей очень хочется модный жакет, который стоит сто пятнадцать долларов, и Клайду трудно устоять перед ее желанием.

Вскоре Клайд с компанией отправляется на увеселительную прогулку в роскошном «паккарде». Эту машину один из молодых людей, Спарсер, взял без разрешения из гаража богача, у которого служит его отец. На обратном пути в Канзас-Сити погода начинает портиться, валит снег, и ехать приходится очень медленно. Клайд и его товарищи опаздывают на работу в отель и поэтому просят Спарсера прибавить скорость. Он так и поступает, но, зазевавшись, сбивает девочку, а потом, уходя от преследования, не справляется с управлением. Водитель и одна из девиц остаются лежать без сознания в разбитой машине, все прочие разбегаются.

На следующий день газеты помещают сообщение о происшествии. Девочка умерла, арестованный Спарсер назвал имена всех остальных участников пикника. Опасаясь ареста, Клайд и кое-кто из других членов компании покидают Канзас-Сити. Три года Клайд живет вдали от дома под чужим именем, выполняет грязную неблагодарную работу и получает за нее гроши. Но однажды в Чикаго он встречает своего приятеля Ретерера, который тоже был с ним в «паккарде». Ретерер устраивает его в «Юнион-клуб» рассыльным. Двадцатилетний Клайд вполне доволен своей новой жизнью, но как-то раз в клубе появляется Сэмюэл Гриффитс, его дядя, живущий в городе Ликурге, штат Нью-Йорк, и владеющий фабрикой по производству воротничков. Результатом встречи родственников становится переезд Клайда в Ликург. Дядя обещает ему место на фабрике, хотя златых гор не сулит. Клайду же контакты с богатыми родственниками кажутся перспективнее работы в «Юнион-клубе», хотя зарабатывает он неплохо.

Сын Сэмюэла Гилберт без особой радости принимает двоюродного брата и, убедившись, что тот не обладает никакими полезными знаниями и навыками, определяет его на достаточно тяжелую и малооплачиваемую работу в декатировочном цехе, размещенном в подвале. Клайд снимает комнату в дешевом пансионе и начинает, что называется, с нуля, надеясь, однако, рано или поздно преуспеть.

Проходит месяц. Клайд исправно делает все, что ему поручено. Гриффитс-старший интересуется у сына, какого тот мнения о Клайде, но Гилберт, весьма настороженно отнесшийся к появлению бедного родственника, прохладен в оценках. По его мнению, Клайд вряд ли сумеет выдвинуться — у него нет образования, он недостаточно целеустремлен и слишком мягок. Впрочем, Сэмюэлу Клайд симпатичен и он готов дать племяннику шанс показать себя. Вопреки желанию Гилберта, Клайда приглашают в дом на семейный обед. Там он знакомится не только с семейством своего родственника, но и с очаровательными представительницами ликургского бомонда, юными Бертиной Крэнстон и Сондрой Финчли, которым вполне приглянулся красивый и воспитанный юноша.

Наконец, по настоянию отца, Гилберт находит для Клайда менее тяжелую и более престижную работу — он становится учетчиком. Впрочем, Гилберт предупреждает его, что он должен «соблюдать приличия в отношениях с работницами» и всякого рода вольности будут решительно пресекаться. Клайд готов свято выполнять все предписания своих работодателей и, несмотря на попытки некоторых девушек завязать с ним отношения, остается глух к их заигрываниям.

Вскоре, однако, фабрика получает дополнительный заказ на воротнички, и это, в свою очередь, требует расширения штатов. На фабрику поступает юная Роберта Олден, перед обаянием которой Клайду нелегко устоять. Они начинают встречаться, ухаживания Клайда делаются все более настойчивыми, и воспитанной в строгих правилах Роберте все труднее и труднее помнить о девическом благоразумии.

Тем временем Клайд снова встречается с Сондрой финчли, и эта встреча круто меняет его жизнь. Богатая наследница, представительница местной денежной аристократии, Сондра проявляет неподдельный интерес к молодому человеку и приглашает его на вечер с танцами, где собирается ликургская золотая молодежь. Под натиском новых впечатлений скромная прелесть Роберты начинает меркнуть в глазах Клайда. Девушка чувствует, что Клайд уже не так внимателен к ней, ей страшно потерять его любовь, и однажды она поддается искушению. Роберта и Клайд становятся любовниками.

Сондра Финчли, однако, не исчезает из его жизни. Напротив, она вводит Клайда в свой круг, и заманчивые перспективы кружат ему голову. Это не остается незамеченным Робертой, и она испытывает тяжкие муки ревности. В довершение ко всему выясняется, что она беременна. Она признается в этом Клайду, и он лихорадочно пытается найти выход из создавшегося положения. Но лекарства не приносят желанного результата, а врач, которого они находят с таким трудом, категорически отказывается сделать аборт.

Единственный выход — жениться, решительно не устраивает Клайда. Ведь это означает, что ему придется расстаться с мечтами о блестящей будущности, которые вселили в него отношения с Сондрой. Роберта в отчаянии. Она готова пойти на то, чтобы рассказать о случившемся дяде Клайда. Это означало бы для него конец карьеры ч крест на романе с Сондрой, но он проявляет нерешительность, надеясь что-то придумать. Он обещает Роберте или подыскать какого-то врача или, если за две недели такового не отыщется, жениться на ней, пусть даже формально, и поддерживать ее какое-то время, пока она не сможет работать.

Но тут Клайду попадается на глаза заметка в газете, повествующая о трагедии на озере Пасс — мужчина и женщина взяли лодку, чтобы покататься, но на следующий день лодку нашли перевернутой, позже обнаружили и тело девушки, но мужчину так и не удалось отыскать. Эта история производит на него сильное впечатление, тем более что он получает письмо от Роберты, которая уехала к родителям: она не намерена больше ждать и обещает вернуться в Ликург и все рассказать Гриффитсу-старшему. Клайд понимает, что времени у него в обрез и он должен принять какое-то решение.

Клайд приглашает Роберту совершить поездку на озеро Большой Выпи, обещая затем обвенчаться с ней. Итак, вроде бы страшное решение принято, но он и сам не верит в то, что найдет в себе силы осуществить задуманное. Одно дело совершить убийство в воображении и совсем другое — в реальности.

И вот Клайд и Роберта отправляются кататься на лодке по пустынному озеру. Мрачно-задумчивый вид Клайда пугает Роберту, она осторожно подбирается к нему, спрашивает, что с ним случилось. Но когда она пытается дотронуться до него, он, не помня себя, ударяет ее фотоаппаратом и толкает так, что она теряет равновесие и падает. Лодка переворачивается, и ее борт ударяет Роберту по голове. Она умоляет Клайда помочь ей, не дать утонуть, но он бездействует. То, о чем не раз он думал, свершилось. Он выбирается на берег один, без Роберты.

Но и перевернутую лодку, и тело Роберты быстро находят. Следователь Хейт и прокурор Мейсон энергично берутся за дело и вскоре выходят на Клайда. Тот поначалу запирается, но опытному прокурору не составляет труда загнать его в угол. Клайд арестован — теперь его судьбу решит суд.

Сэмюэл Гриффитс, разумеется, шокирован случившимся, тем не менее он нанимает хороших адвокатов. Те сражаются изо всех сил, но и Мейсон знает свое дело. Долгое и напряженное судебное разбирательство заканчивается вынесением смертного приговора. Состоятельные родственники прекращают оказывать помощь Клайду, и только его мать пытается для него что-то сделать.

Клайда переводят в тюрьму Оберна, именуемую Домом смерти. Отчаянные попытки матери найти деньги для продолжения борьбы за жизнь сына успеха не приносят. Общество утратило интерес к осужденному, и ничто теперь не помешает машине правосудия довести дело до конца.

«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» («An American Tragedy») — роман Теодора Драйзера, основоположника натурализма в американской литературе, удостоившегося у критики шуточного звания «самый великий плохой писатель в мире». Вышел в свет в 1925 г. Над «Американской трагедией» Драйзер работал с лета 1920 по осень 1922 года, напряженно, иные главы переписывая по семь-восемь раз. В основе романного сюжета лежали реальные события. В 1906 г. некто Честер Джиллет убил свою любовницу Грейс Браун, был осужден и казнен. Драйзер воспроизвел в романе факты и документы судебного процесса (в частности, подлинные письма Грейс), специально посетил озеро, где произошло убийство, немало времени провел на фабрике по производству воротничков, куда намеревался «определить» своего героя. Протагонист романа Клайд Гриффитс, выросший в семье кочующих по среднему Западу сектантов-проповедников, мучительно переживает свою обделенность чувственными удовольствиями, которые так соблазнительно выставляет напоказ окружающая жизнь: «Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе». Заполучив место рассыльного в гостинице, герой открывает для себя дешевые радости жизни, но несчастный случай опрокидывает его радужные планы: он вынужден бежать из города, скрываясь под чужим именем. Встреча (опять-таки случайная) с богатым родственником, владельцем фабрики по производству воротничков в городке Ликурге, штат Нью-Йорк, внушает Клайду новые надежды. На дядиной фабрике он работает сначала в незаметной должности, потому повышен в заведующие отделением, где под его началом трудятся два десятка девушек. Влюбившись в одну из работниц, Роберту Олден, юноша вынужден скрывать свое чувство, отчасти из трусости («производственные романы» не поощряются хозяевами фабрики), отчасти из честолюбия (уповая втайне на куда более блестящее будущее). И действительно, благодаря капризу Сондры Финчли, наследницы одного из богатейших семейств Ликурга, он оказывается вхож в круг местной золотой молодежи и уже готов надеяться на немыслимое: избалованная и влюбленная Сондра может позволить себе каприз безрассудного замужества. Однако прожекты-грезы входят в противоречие с докучными, но слишком реальными обстоятельствами: Роберта беременна, настаивает на браке, хотя бы временном, во избежание бесчестья. Сложившуюся ситуацию Клайд переживает как неразрешимую: с одной стороны — искушение любовной страстью, богатством и свободой, с другой — суровая необходимость навязывает свои постылые узы. Для инфантильного «эстета», привычно идущего на поводу своих вождельных, чуждого ясности мышления и внутренней целеустремленности, такое напряжение заведомо непосильно. Случайно попавшаяся на глаза газетная заметка о несчастном случае на озере предлагает готовый вариант развязки. Клайд тщательно, в деталях планирует убийство, но осуществить его в последний момент оказывается не в силах: на него находит странный паралич воли, и роковой удар, в результате, нанесен случайно, почти бессознательно. Такого же поведение Клайда и после ареста. Вокруг следствия переплетаются и сталкиваются

политические интересы, ломают копья профессионалы, юристы и репортеры, которым нет дела до личности обвиняемого, а интересна лишь эффектная история, где «налицо все интригующие, красочные, но в моральном и религиозном смысле ужасные атрибуты: любовь, романтика, богатство, бедность, смерть». Что до самого героя, то даже и после обвинительного приговора, наедине с собой, в ожидании казни, он не в силах ответить на вопрос, виновен ли он по-настоящему, а если виновен, то в чем. Драйзер представил трагедию человека безнадежно среднего, «никакого» — раба своей чувственности и раба общественных иллюзий. Взгляд Клайда, сызмала устремленный к социальному верху, привычном зачарован мечтой (о комфорте, роскоши, красоте, любви) и не в силах сосредоточиться на ближайшем. Отсюда бессвязность и противоречивость поступков, сочетание детского простодушия с детской же безответственностью. Безличной громаде мира в трагическом мире «по Драйзеру» предстоит человеческое «я», одержимое аппетитами и жадой самоутверждения, которое на поверку — не более, чем самообольщение. Не будучи художественным шедевром, «Американская трагедия» принадлежит, безусловно, к числу наиболее значительных литературных памятников XX века.

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ (An American tragedy) (роман, 1925) Гриффитс Клайд (Griffiths Clyde), вырос в семье кочующих по Среднему Западу сектантов-проповедников, повседневно и мучительно переживая скудость жизни, обделенность чувственными радостями и удовольствиями, доступными сверстникам и завлекательно выставляемыми напоказ жизнью. При первой возможности он пускается в погоню за ними: получив место рассыльного в самой роскошной гостинице Канзас-Сити, открывает для себя череду дешевых соблазнов — красивая одежда, ухаживание за красивой девушкой, возможность добиться от нее большего. Случай опрокидывает его планы: увеселительная поездка за город с товарищами и подружками заканчивается катастрофой (задавлена девочка, разбит чужой автомобиль), Г. К. вынужден бежать из города, скрываться под чужим именем. В Чикаго, в деловом клубе, где он снова находит место рассыльного, Г. К. встречает богатого родственника, брата отца. Сэмюэл Гриффитс, владелец фабрики по производству воротничков в городке Ликурге, штат Нью-Йорк, приглашает племянника к себе, пообещав подыскать ему работу. На фабрике он работает сначала чернорабочим, потом, во избежание вреда для семейной репутации, повышен в заведующие отделением: теперь под его началом трудятся два десятка девушек. Г. К. влюбляется в одну из работниц, Роберту Олден, но вынужден скрывать свое чувство: «производственные романы» не поощряются хозяевами фабрики, да и сам он честолюбиво уповает на куда более блестящее будущее. И действительно, благодаря капризу Сондры Финчли, наследницы одного из богатейших семейств Ликурга, он оказывается вхож в круг местной богатой молодежи и начинает надеяться на прежде немыслимое: взбалмошная Сондра может позволить себе каприз безрассудного брака. Но на плечи его ложатся неожиданно тягостные обязанности: Роберта беременна, настаивает на браке, хотя бы

временном, во избежание бесчестья. С одной стороны — искушение любовной страстью, богатством и свободой, с другой — суровая реальность навязывает свои постылые узы: для Г. К., инфантильного «эстета», привычно идущего на поводу материальных appetitov, вожделений, чуждого ясности мышления и внутренней целеустремленности, напряжение заведомо непосильно. Случайно попавшаяся на глаза газетная заметка о несчастном случае на озере предлагает готовый вариант развязки. Г. К. отправляется в поездку (якобы предсвадебную) с Робертой на уединенное озеро Биг-Битерн, но там в последний миг оказывается неспособен совершить тщательно спланированное убийство: на него находит столбняк или судорога, странный паралич воли, и роковой удар оказывается нанесен случайно, почти бессознательно. Неумелый злоумышленник вскоре арестован. Вокруг следствия переплетаются психологические, политические интересы, ломают копья профессионалы — юристы и репортеры. Всем им нет дела до личности Г. К. — интересна эффектная история, где «налицо все интригующие, красочные, но в моральном и религиозном смысле ужасные атрибуты: любовь, романтика, богатство, бедность, смерть». Если она далека от истины, даже лучше, поучает Г. К. его адвокат: присяжные едва ли поймут правду в чистом, неприкрашенном виде. Впрочем, знает ли ее сам Г. К.? Уже и после обвинительного приговора, в ожидании казни на электрическом стуле, наедине с собой в камере смертников он не в силах ответить на вопрос, виновен ли он по-настоящему, а если виновен, то в чем. В основе романного сюжета лежали реальные события. В 1906 г. некто Честер Гиллет убил свою любовницу Грейс Браун, был осужден и казнен. Д. Т. воспроизвел в романе факты и документы судебного процесса (в частности, подлинные письма Грейс), использовал газетные материалы того времени. Вместе с тем он достиг большой силы обобщения, представив трагедию не героя, а человека безнадежно среднего, «никакого», раба своей чувственности и общественных иллюзий. Взгляд Г. К., сызмала устремленный к социальному верху — комфорту, роскоши, красоте, любви, привычно зачарован мечтой и не в силах разглядеть ближайшую реальность. Отсюда бессвязность и противоречивость поступков, сочетание обаяния, детского простодушия с детской же безответственностью: в итоге — короткая жизнь и смерть в слепоте. Безличной громаде мира предстоит человеческое Я, которое есть не более чем самообольщение, дешевая заемная фикция, лакуна, которая тшится себя заполнить, но затем равнодушно поглощаема небытием.

Синклер Льюис

СИНКЛЕР ЭПТОН БИЛЛ (Sinclair Upton Beall) (1898—1968), американский писатель, автор романов «Дневник Артура Стирлинга» (1903), «Манассас» (1904), «Джунгли» (1905), «Король уголь» (1917), «Джимми Хиггинс» (1919) и др., пьес «Принц Гаген» (1903), «2000й год» (1914), а также серии романов о Ланни Бэдде (1940—1953). Много работал в публицистических жанрах. Активный участник социалистического движения.

Бэббит (Babbitt)

Роман (1922)

Действие романа происходит в довольно крупном американском городе под громким названием Зенит. Главный герой романа, Джордж Бэббит, сорокапятилетний владелец агентства, занимающегося продажей и сдачей внаем недвижимости, живет на окраине города, в престижном, быстроразвивающемся районе «Цветущие Холмы». У него есть семья, состоящая из его жены и троих детей. Бэббит доволен жизнью, своим положением, как социальным, так и материальным, однако все чаще по ночам ему снится юная волшебница, за которой он бежит и, склонившись к ее коленям, находит покой и понимание. Женится он двадцать три года назад без особой любви на дочери его нынешнего компаньона. учился в университете, мечтал стать адвокатом, со студенческих лет имеет друга, Поля Рислинга, к которому относится чуть по-отечески и ощущает большую привязанность, чем когда бы то ни было испытывал к женщине. Поль женат на Зилле, вечно недовольной жизнью, ворчливой и грубой женщиной. Когда-то Поль мечтал стать знаменитым скрипачом, уехать учиться музыке в Европу, а теперь страдает оттого, что жизнь его не сложилась и приходится торговать толем да терпеть рядом с собой ворчливую, ревнивую и злую жену.

Для своего сына Тела Бэббит мечтает об университетском образовании и карьере адвоката, однако сам Тед, оканчивающий школу, хочет посвятить свою жизнь технике.

Главными событиями весны для Бэббита становятся тайная скупка земли для аферы, предпринимаемой некоторыми дельцами из Транспортной компании, а также обед на двенадцать персон, задуманный Бэббитом как «высококультурная встреча», на которой будут блистать лучшие умы города и самые изящные дамы. Прием проходит как нельзя более весело благодаря стараниям хозяина дома. Гости даже устраивают спиритический сеанс и вызывают дух Данте.

Ради того, чтобы отдохнуть от своих семейств, Джордж Бэббит и Поль Рислинг едут в Мэн на рыбалку несколько раньше остальных домочадцев. Воздух свободы словно бы очищает их кровь от какого-то ядовитого возбуждения, раздражения и делает ее здоровой и свежей.

Когда Бэббит возвращается в Зенит, ему по чистой случайности удается выступить на собрании Всеобщей ассоциации посредников по реализации недвижимости. Этот доклад

кладет начало новому витку в карьере Бэббита. Однако и на пути к величию и славе он иногда встречает обидные препятствия. Известность как оратора не помогает Бэббиту продвинуться в те круги общества, где ему полагалось бы вращаться: его не приглашают вступить в самый престижный загородный клуб, не приглашают на приемы к наиболее влиятельным людям. Он с волнением ждет, когда же состоится ежегодный обед его товарищей по университетскому выпуску — вечер самой пылкой фамиллярности с такими столпами общества, как Чарльз Мак-Келви — миллионер-подрядчик, Макс Крюгер — банкир, Эрвин Тэйт — фабрикант станков и Адалберт Добсон — модный архитектор. Внешне он с ними находится в таких же приятельских отношениях, как и в университете, но встречаются они теперь очень уж редко, а к себе домой на Ройал-ридж, на обеды (где дворецкий разливает шампанское) они его никогда не зовут.

Обед выпускников устраивается в зале клуба «Юнион», самого фешенебельного из всех зенитских клубов. Мак-Келви проявляет интерес к Бэббиту и даже высказывает неопределенное пожелание как-нибудь встретиться. Бэббит чувствует, что никогда жизнь не будет так прекрасна, как сейчас, когда он вместе с Полем Рислингом и вновь обретенным героем Мак-Келви горланит изо всех сил старую студенческую песню. Бэббиты приглашают чету Мак-Келви к обеду, на который та после нескольких переносов даты в конце концов является. Кроме них на обеде присутствует еще несколько супружеских пар. Прием проходит необычайно скучно, поскольку Бэббит всеми силами старается не выйти за рамки установленных, по его понятиям, в высшем свете приличий. После этого обеда Бэббиты целый месяц следят за светской хроникой и ждут ответного приглашения, дожидаться которого им так и не суждено. Зато имя Мак-Келви всю неделю не сходит с первых страниц газет по иному поводу: у них гостит английский лорд, сэр Джералд Доук, в честь которого Мак-Келви даже устраивают великосветский бал.

В такое невеселое время Бэббиту, как назло, приходится думать об Овербруках. Эд Овербрук, товарищ Бэббита по университету, оказался неудачником. Он крайне гордится своим знакомством с Бэббитом и приглашает его с супругой к себе в гости. Обед у них производит на Бэббитов столь же удручающее впечатление, какое, судя по всему, произвел обед у Бэббитов на Мак-Келви. После обеда об Овербруках в семье Бэббита больше не вспоминают, не вспоминают также о том, что собирались пригласить их к себе в дом.

Когда Бэббит окончательно убеждается, что Мак-Келви не принимают его в свой круг, он чувствует себя попавшим в нелепое положение и, чтобы снова ощутить себя выдающимся гражданином Зенита, принимает активное участие в собраниях нескольких клубов, членом которых состоит. Однако самую большую известность Бэббит приобретает благодаря своей деятельности при воскресной школе, которой он помогает выйти на второе место по посещаемости во всем штате.

Однажды Бэббит по делам едет в Чикаго, там он застаёт одинокого, жестоко скучающего сэра Джералда Доука, недавнего гостя Мак-Келви, который, оказывается, невероятно страдал от необходимости вести бурную светскую жизнь в Америке, к чему его

принуждали местные столпы общества, и теперь с удовольствием проводит вечер с Бэббитом, сначала в кино, затем у себя в номере за бутылкой виски и разговорами «по душам». Бэббиту нестерпимо жаль, что он не познакомился с высокородным англичанином еще в Зените. На следующий день после вечера, проведенного с Джералдом Доуком, Бэббит случайно встречается с Полем Рислингом, обедающим в обществе незнакомой Бэббиту женщины, что удивляет и огорчает его. Вернувшись домой, Бэббит присутствует на втором в марте завтраке клуба «Толкачей», где ежегодно избирают президента. Бэббита избирают вице-президентом, о чем он немедленно хочет сообщить Полю, но, к своему изумлению, узнает, что Поль находится в тюрьме, потому что днем стрелял в Зиллу, свою жену. Зилла после ранения благополучно поправляется, а Поля приговаривают к трем годам тюрьмы, что подкашивает Бэббита не меньше, чем его друга.

Однажды в контору к Бэббиту приезжает некая дама лет сорока, желающая снять небольшую квартиру. У Бэббита есть именно то, что ей нужно, и он пользуется случаем, чтобы поближе с ней познакомиться. Он выбит из колеи несчастьем с Полем, на понимание жены не рассчитывает, успел потерпеть неудачу в попытке поухаживать за молоденькой девушкой и приходит к выводу, что его новая знакомая, вдова по имени Танис Джюдик, с мягким голосом и ласковым взглядом — это то, что ему надо, чтобы хоть сколько-нибудь утешиться и вновь почувствовать вкус к жизни. Пользуясь отсутствием жены, Бэббит заводит бурный роман с Танис. В это время в городе начинаются массовые забастовки, расколовшие Зенит на два враждебных лагеря — белый и красный. Бэббит проявляет снисходительность по отношению к рабочим, чем вызывает недовольство всех предпринимательских слоев города, которые решают поддержать начинание, идущее из восточных штатов, и создать в Зените Лигу честных граждан как оплот против всякого рода смутьянов. Они предлагают в весьма настоятельной форме и Бэббиту вступить в Лигу. Бэббиту же не нравится, что его к чему-то вынуждают, и он отказывается вступать в ее ряды.

Домой возвращается несколько месяцев гостившая у родственников жена Бэббита. Между тем и Танис заявляет на него все больше прав. Бэббит решает отвоевать для себя побольше свободы и резко порывает с Танис. Отказ Бэббита вступить в Лигу самым плачевным образом сказывается на отношении к нему его сокаллубников, а также на делах фирмы. Самые выгодные заказы достаются отныне его конкурентам. Но больше всего его задевает то, что его стенографистка, мисс Мак-Гаун, вдруг уходит от него, словно сбегая с тонущего корабля. Тесть Бэббита и одновременно его компаньон, мистер Томпсон, убеждает зятя принять экстренные меры, с чем Бэббит сгоряча и соглашается. Он решает все же вступить в Лигу честных граждан, как только ему снова предложат. Однако о нем в высоких кругах, похоже, больше и не вспоминают. Ему начинает казаться, что все шушукуются о нем, его нервы все больше и больше расшатываются. Он уже жалеет, что потерял Танис, ему необходим человек, с которым он мог бы поговорить откровенно, жена кажется ему чужой. Однажды ночью с Майрой случается приступ. Бэббит вызывает доктора, который сообщает о необходимости операции. Бэббита охватывает страх, что он может потерять жену и остаться

один. Утром, после бессонно проведенной ночи, Майра кажется ему уже не просто женщиной, которую можно сравнивать с любой другой, а его собственным «я», порвать с которым он не в силах. Во время операции он мечтает лишь о том, чтобы еще раз увидеть ее и сказать, что всегда любил только ее одну; мысленно он клянется в верности Майре... в верности Зениту, клубу «Толкачей»... верности всему, во что верит Клан Порядочных Людей.

Операция проходит успешно; после нее уже никто не шепчется о Бэббите, но, напротив, — все заботливо осведомляются о здоровье миссис Бэббит. Его опять, но уже без давления, а по-дружески просят вступить в Лигу, на что Бэббит, не роняя собственного достоинства, соглашается и навсегда перестает быть комнатным революционером. Его вновь с распростертыми объятиями встречают в его клубах, и финансовые дела опять идут в гору. Он представляет свое будущее не очень ясно, но чувствует, что попал в те же самые сети, из которых вырывался с такой яростью, и, по иронии судьбы, его же заставили радоваться, что он опять пойман. Однако к сыну он теперь относится с большим пониманием и позволяет ему самому выбрать свой жизненный путь.

Андерсон Шервуд

АНДЕРСОН ШЕРВУД (Anderson Sherwood) (1876—1941), американский прозаик, автор романов «Марширующие люди» (1917), «Белый бедняк» (1920), «Темный смех» (1925), «По ту сторону желания» (1932), книг автобиографической прозы «История рассказчика» (1924), «Тар. Детство на Среднем Западе» (1926), «Мемуары» (1942), публицистических очерков «Америка в замешательстве» (1935), рассказов «Триумф яйца» (1921), «Кони и люди» (1923), «Смерть в лесу» (1933) и др.

УАЙНСБУРГ, ОГАЙО (Winesburg, Ohio) (сборник рассказов, 1919) Уиллард Джордж (Wfflard George). Ею образ выполняет в книге особую композиционную функцию, превращая сборник новелл в своего рода «роман воспитания». Есть определенный парадокс в выделении У. Дж. как центральной фигуры и наделении его столь важной ролью в структуре книги. В подавляющем большинстве рассказов он не более чем эпизодическое лицо, а в некоторых он даже не упоминается. Более того, характер У. Дж. не столь ярко и выпукло очерчен, как образы многих других персонажей. Его облик расплывчат, лишен той определенности и законченности, которая отличает, к примеру, Крыло Бидлбаума с его порхающими руками, фермера Джесси Бентли, одновременно набожного и жестокого, доктора Рифи, постигшего истину, которая остается достоянием клочков бумаги, образующих затем гору бумажных шариков, или мать самого У. Дж. Элизабет. Однако именно такой, зыбкий, сформировавшийся, не имеющий четких очертаний характер более всего отвечал художественной логике, из которой исходил автор книги, назвавший ее в своем предисловии «книгой гротесков». Окружающие люди, которым противопоставлен у. Дж., и старые, и молодые, в самой своей завершенности заключают деформацию, искажение заложенного в них природой, а потому прекрасного естества. Под воздействием враждебного человеку мира целостная личность распалась, предстывая теперь лишь какой-то одной своей стороной. Непомерно разросшаяся, она полностью заслоняет всего человека, подменяя его неисчерпаемую многомерность одной-единственной гранью или даже приметой, которая в глазах других выглядит чудачеством, нелепостью, печатью безумия или уродства — «гротеском». В отличие от всех персонажей, однобоких, застывших в своей чудовищной «осколочности», У. Дж. лишь проходит пору становления личности, которое не завершается и к концу книги. Развитие и становление — ее смысловой стержень. Оно представлено физическим и духовным взрослением героя, в жизни которого выделен период между отрочеством и юностью. Начинающий репортер местной газеты «Уайнсбургский орел», который носится по городу, «словно азартная гончая», У. Дж. не просто рыщет в поисках новостей, чтобы поскорее пустить их в номер. Он жадно наблюдает жизнь, замороженный ее таинством, открывающимся в будничном облике крошечного захолустного городишка и его обитателей, у. Дж. еще не под силу разглядеть в привычной, давно надоевшей обстановке, в пошлом обличье заурядности подлинный драматизм, красоту и высокий трагизм бытия,

которые с поразительной силой передает Ш. А., в контрапунктическом соединении этих линий открывая перспективу движения своего юного героя. Однако душа у Дж. распахнута навстречу впечатлениям жизни, пусть даже от него пока ускользает их истинный смысл» Недаром по большей части у Дж. предстает в качестве не участника, а свидетеля событий, зачастую случайного. При этом неоднократно подчеркивается, что У Дж. не понимает происходящего, слов и поступков людей. Не менее трудно оказывается для него и разобраться в том, что творится в его собственной душе. В хаосе роящихся у него в голове размышлений, впечатлений, пробрдающихся и набирающих силу инстинктов постепенно вызревает, приобретая характер главного жизненного импульса, желание У. Дж. стать писателем. Это тоже не черта характера, которому предстоит сформироваться позже, но оно заставляет молодого человека разорвать узы, связывающие его с родным городком, и уйти в широкий мир. В этом юношу страстно поддерживает его мать, сама мечтавшая вырваться из узкого провинциального мирка, финал книги оставляет вопрос о судьбе героя, как и о его характере, открытым: подобно оставленным им навсегда жителям Уайнсбурга, У. Дж. может потерпеть жизненное крушение, а значит — превратиться в «гротеск», т. е. стать одним из них, хотя город, где он будет жить, возможно, будет носить другое название. Но он может и познать высшую тайну и высшую радость творчества, искупающего трагедию жизни. Финал включает обе эти перспективы, сообщая всей книге через ее героя устремленность в будущее. Существенно также, что в обрисовке У Дж. упор делается не на прямую его характеристику, а на косвенную, притом читатель даже не столько видит его глазами других персонажей, сколько узнает о нем по их реакциям, их отношению к нему. В переломные моменты жизни они почти неизменно устремляются к у. Дж., ищут его общества, сами толком не понимая отчего, словно их гонит к нему какая-то непостижимая, вне их находящаяся неодолимая сила Среди этих персонажей учительница Кейт Свифт, прозревшая в желторотом юнце писательский дар» и Крыло Бидлбаум, заклинающий У Дж. «отвратить слух от людского гвалта», «научиться мечтать», и тихий, робкий Том фостер, которому потребовалось выпить, чтобы воздвигнуть для себя заслон от мирового зла, и священник Кертис Хартман, который, обуянный вожделением, возжелал Кейт Свифт, а потом увидел в ней «орудие Божие, посланницу истины», и сын лавочника-неудачника Элмер Каули, решивший бежать из города. Эта сила — и неспособность выразить свои переживания и мысли, составляющая неотъемлемую часть характера-гротеска. В лучшем случае их душевные порывы разряжаются бессвязными восклицаниями или просто междометиями, но нередко, когда поиски слова оказываются напрасны, в ход идут кулаки, свидетельствующие о силе охватившего их эмоционального напряжения. Как и Элмер, все обитатели Уайнсбурга мучаются безъязыкостью. Безотчетно, на уровне подсознания они чувствуют, что, став писателем, У Дж. станет их «языком», выразит «невыразимую» для них суть их собственной жизни. Потому Кейт Свифт с такой истовостью внушает своему повзрослевшему и выпорхнувшему из-под ее крыла ученику, что «нельзя баловаться словами. <...> Нельзя превращаться в словесного менялу». В нем — вся их надежда на искупление страданий, на приобщение к истине и

красоте. Образ У. Дж. стягивает воедино все нити и линии повествования. Отдельные, не связанные между собой, подчеркнута фрагментарные, калейдоскопически мелькающие зарисовки складываются в результате в единую картину, в которой сквозь реалистически воссозданное существование провинциального городка и его «гротесков» ощутимо проступает символический смысл поэтически претворенного бытия. Повествовательные принципы, открытые А. Ш. в сб. «Уайнсбург, Огайо», со связующей персоной в лице У. Дж., оказали заметное влияние на развитие американской прозы, получив непосредственное продолжение в творчестве крупнейших мастеров XX в. — Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека, Э. Колдуэлла, Т. Вулфа.

Эрнест Хемингуэй

ХЕМИНГУЭЙ ЭРНЕСТ (Hemingway Ernest) (1889—1961), американский писатель, автор романов «Фиеста» (1926), «Прощай, оружие» (1929), «По ком звонит колокол» (1940), повести «Старик и море» (1952), множества рассказов, очерков, репортажей. Участник двух мировых войн и гражданской войны в Испании. Лауреат Нобелевской премии.

Прощай, оружие (A Farewell to Arms)

Роман (1929)

Действие романа происходит в 1915—1918 гг. на итало-австрийском фронте.

Американец Фредерик Генри — лейтенант санитарных войск итальянской армии (итальянской — потому что США еще не вступили в войну, а Генри пошел добровольцем). Перед наступлением в городке на Плавне, где стоят санитарные части, — затишье. Офицеры проводят время кто как умеет — пьют, играют в бильярд, ходят в публичный дом и вгоняют в краску полкового священника, обсуждая при нем разные интимные вещи.

В расположенный по соседству английский госпиталь приезжает молодая медсестра Кэтрин Баркли, у которой во Франции погиб жених. Она сожалеет, что не вышла за него замуж раньше, не подарила ему хоть немного счастья.

По войскам проносится слух, что надо ждать скорого наступления. Надо срочно разбить перевязочный пункт для раненых. Австрийские части находятся близко от итальянцев — на другой стороне реки. Генри скрашивает напряжение ожидания ухаживанием за Кэтрин, хотя его смущают некоторые странности ее поведения. Сначала после попытки ее поцеловать он получает пощечину, потом девушка сама целует его, взволнованно спрашивая, всегда ли он будет добр к ней. Генри не исключает, что она слегка помешанная, но девушка очень красива, и встречаться с ней лучше, чем проводить вечера в офицерском публичном доме. На очередное свидание Генри приходит основательно пьяным и к тому же сильно опаздывает — впрочем, свидание не состоится: Кэтрин не совсем здорова. Неожиданно лейтенант чувствует себя непривычно одиноким, на душе у него муторно и тоскливо.

На следующий день становится известно, что ночью в верховьях реки будет атака, туда должны выехать санитарные машины. Проезжая мимо госпиталя, Генри на минуту выскакивает повидаться с Кэтрин, та дает ему медальон с изображением святого Антония — на счастье. Приехав на место, он располагается с шоферами в блиндаже; молодые ребята-итальянцы дружно ругают войну — если бы за дезертирство не преследовали родных, никого бы из них здесь не было. Нет ничего хуже войны. Проиграть ее — и то лучше. А что будет? Австрийцы дойдут до Италии, устанут и вернутся домой — каждому хочется на родину. Война нужна только тем, кто на ней наживается.

Начинается атака. В блиндаж, где находится лейтенант с шоферами, попадает бомба. Раненный в ноги, Генри пытается помочь умирающему рядом шоферу. Те, кто уцелел, доставляют его к пункту первой помощи. Там, как нигде, видна грязная сторона войны — кровь, стоны, развороченные тела. Генри готовят к отправке в центральный госпиталь — в Милан. Перед отъездом его навещает священник, он сочувствует Генри не столько потому, что того ранили, сколько потому, что тому трудно любить. Человека, Бога... И все же священник верит, что когда-нибудь Генри научится любить — душа у него еще не убита — и тогда будет счастлив. Кстати, его знакомую медсестру — кажется, Баркли? — тоже переводят в миланский госпиталь.

В Милане Генри переносит сложную операцию на колене. Неожиданно для себя он с большим нетерпением ждет приезда Кэтрин и, как только она входит в палату, переживает удивительное открытие:

он любит ее и не может без нее жить. Когда Генри научился передвигаться на костылях, они с Кэтрин начинают ездить в парк на прогулку или обедают в уютном ресторанчике по соседству, пьют сухое белое вино, а потом возвращаются в госпиталь, и там, сидя на балконе, Генри ждет, когда Кэтрин закончит работу и придет к нему на всю ночь и ее дивные длинные волосы накроют его золотым водопадом.

Они считают себя мужем и женой, ведя отсчет супружеской жизни со дня появления Кэтрин в миланском госпитале. Генри хочет, чтобы они поженились на самом деле, но Кэтрин возражает: тогда ей придется уехать: как только они начнут улаживать формальности, за ней станут следить и их разлучат. Ее не беспокоит, что их отношения никак официально не узаконены, девушку больше волнует неясное предчувствие, ей кажется, что может случиться нечто ужасное.

Положение на фронте тяжелое. Обе стороны уже выдохлись, и, как сказал Генри один английский майор, та армия, которая последней поймет, что выдохлась, выиграет войну. После нескольких месяцев лечения Генри предписано вернуться в часть. Прощаясь с Кэтрин, он видит, что та чего-то недоговаривает, и еле добивается от нее правды: она уже три месяца беременна,

В части все идет по-прежнему, только некоторых уж нет в живых. Кто-то подхватил сифилис, кто-то запил, а священник все так же остается объектом для шуток. Австрийцы наступают. Генри теперь с души воротит от таких слов, как «слава», «доблесть», «подвиг» или «святыня», — они звучат просто неприлично рядом с конкретными названиями деревень, рек, номерами дорог и именами убитых. Санитарные машины то и дело попадают на дорогах в заторы; к колоннам машин прибиваются отступающие под натиском австрийцев беженцы, они везут в повозках жалкий домашний скарб, а под днищами повозок бегут собаки. Машина, в которой едет Генри, постоянно увязает в грязи и наконец застревает совсем. Генри и его подручные идут дальше пешком, их неоднократно обстреливают. В конце концов их останавливает итальянская полевая жандармерия, принимая за переодетых немцев, особенно подозрительным им кажется Генри с его американским акцентом. Его собираются

расстрелять, но лейтенанту удается бежать — он с разбегу прыгает в реку и долго плышет под водой. Набрал воздуха, ныряет снова. Генри удается уйти от погони.

Генри понимает, что с него хватит этой войны, — река словно смыла с него чувство долга. Он покончил с войной, говорит себе Генри, он создан не для того, чтобы воевать, а чтобы есть, пить и спать с Кэтрин. Больше он не намерен с ней расставаться. Он заключил сепаратный мир — лично для него война кончилась. И все же ему трудно отделаться от чувства, какое бывает у мальчишек, которые сбежали с уроков, но не могут перестать думать о том, что же сейчас происходит в школе.

Добравшись наконец до Кэтрин, Генри чувствует себя, словно вернулся домой, — так хорошо ему подле этой женщины. Раньше у него так не было: он знал многих, но всегда оставался одиноким. Ночь с Кэтрин ничем не отличается от дня — с ней всегда прекрасно. Но от войны осталась оскомина, и в голову лезут разные невеселые мысли вроде того, что мир ломает каждого. Некоторые на изломе становятся крепче, но тех, кто не хочет ломаться, убивают. Убивают самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых — без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, то тебя убьют тоже — только без особой спешки.

Генри знает: если его увидят на улице без формы и узнают, то расстреляют. Бармен из гостиницы, где они живут, предупреждает:

утром Генри придут арестовать — кто-то донес на него. Бармен находит для них лодку и показывает направление, куда надо плыть, чтобы попасть в Швейцарию.

План срabатывает, и всю осень они живут в Монтрё в деревянном домике среди сосен, на склоне горы. Война кажется им очень далекой, но из газет они знают, что бои еще идут.

Близится срок родов Кэтрин, с ней не все благополучно — у нее узковат таз. Почти все время Генри и Кэтрин проводят вдвоем — у них нет потребности в общении, эта война словно вынесла их на необитаемый остров. Но вот выход в мир, к людям становится необходим: у Кэтрин начинаются схватки. Родовая деятельность очень слабая, и ей делают кесарево сечение, однако уже поздно — измученный ребенок рождается мертвым, умирает и сама Кэтрин. Вот так, думает опустошенный Генри, все всегда кончается этим — смертью. Тебя швыряют в жизнь и говорят тебе правила, и в первый же раз, когда застанут врасплох, убивают. Никому не дано спрятаться ни от жизни, ни от смерти.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ (A farewell to Arms) (роман, 1929) Генри Фредерик (tenente Frederick Henry) — лейтенант, главное действующее лицо романа «Прощай, оружие», немедленно получившего международное читательское признание и закрепившего за автором «Фиесты» репутацию певца идеалов «потерянного поколения». В значительной мере сложившись, как и первый роман прозаика, на материале реальной биографии Х. Э. — в частности тех нескольких месяцев 1918 г, которые он провел, служа в подразделении американского Красного Креста в войсках союзников на итальянском театре военных действий (к данному времени относится и первое тяжелое ранение будущего писателя), эта книга запечатлела трудный, мучительный

процесс пережитой самим Х. Э. в ходе его участия в первой мировой войне радикальной духовной трансформации от пылкого юношеского стремления с оружием в руках стать в строй борцов за правду и справедливость до трезвого, поверенного горьким опытом свидетеля и очевидца неприятия и даже ненависти к «тому непрекращающемуся наглому, самоубийственному, грязному преступлению, которое представляет собой война» (из авторского предисловия к иллюстрированному изданию романа 1948 г.). Конвейерная бесчеловечность войны, ее неприглядная будничность, контрастно высвечивающая неуместность героизма и оборачивающаяся разгулом низменных, своекорыстных побуждений, не раз в мировой литературе делалась камнем преткновения в нравственных исканиях героев, будь то Фабрицио дель Донго в «Пармской обители» Стендаля или Пьер Безухов в «Войне и мире» Л. Толстого. В существовании персонажей раннего Х. Э., принадлежащих к тому же необратимо травмированному империалистической бойней поколению молодой западной интеллигенции рубежа XIX—XX вв., что и герои Э. М. Ремарка («На Западном фронте без перемен», 1929, «Возвращение», 1931, «Три товарища», 1938), Р. Олдингтона («Смерть героя», 1929, «Все люди — враги», 1933), Ф. Скотта Фицджеральда («Великий Гэтсби», 1925), она становится грозным «катализатором тотального кризиса устоев общественного бытия», итоговым знаменем его духовной исчерпанности. В романе «Прощай, оружие» Х. Э. задался целью исследовать генезис надломленного поколения, проследить процесс становления его жизненных ценностей. Лейтмотив такого становления, протекающего в координатах гордой замкнутости в себе и намеренной отрешенности от всякого рода житейской суеты, таящей эмбрионы конформизма (эта отрешенность мастерски аранжирована неповторимо «хемингуэевской» стилистикой подчеркнуто бесстрастного, чуждого видимой эмоциональности повествования), — категорическое неприятие героем Х. Э. фальши и лицемерия в чем бы то ни было. Старающийся — видимо, не без причин — не вспоминать о своей заокеанской родне американец Г. Ф. ч брат по духу Джейка Барнса из «Фиесты» (и в не меньшей мере — второе «я» автора), некогда отправившийся на войну добровольцем и служащий в чине лейтенанта в санитарном отряде итальянской армии, которая, похоже, навсегда погрязла в вялом противостоянии австрийцам на севере страны, отнюдь не мизантроп и не циник, хотя подчас и не прочь прикинуться таковым. Просто, многое повидав за три фронтовых года, он так же изверился в официозной риторике рапортов и отчетов, как и в сентиментальной приторности затертых формул, в какие принято облекать интимные чувства и устремления («Меня всегда приводят в смущение слова «священный», «славный», жертва»... Абстрактные слова, такие, как «слава», «подвиг», «доблесть» или «святыня», были непристойны рядом с конкретными названиями деревень, номерами дорог, названиями рек, номерами полков и датами»). Педантично придерживающийся правила всегда быть честным с окружающими и никогда не лгать самому себе («Я знал многих женщин, но всегда оставался одиноким, бывая с ними, а это — худшее одиночество»), знающий толк в хорошей выпивке, кухне и рыбной ловле, Г. Ф. равно искренен в общении с таким же, как он, гедонистом — военным врачом Ринальди, незлобивым полковым священником, простыми итальянскими

солдатами — шоферами санитарной автоколонны и даже... возлюбленной — медсестрой англичанкой Кэтрин Баркли. Такой же, впрочем, как он сам, жертвой двух самообманов — ослепления миражной любовью (она потеряла избранника на фронте, так и не успев вкусить счастья плотского союза) и миражным патриотизмом. Однако именно любовь — притом счастливая, разделенная, взаимная — станет ахиллесовой пятой хемингуэевского «рыцаря без страха и упрека», до поры мыслящего себя неуязвимым в скорлупе своего мнимого эгоцентризма («Я создан не для того, чтобы думать. Я создан для того, чтобы есть. Да, черт возьми. Есть, и пить, и спать с Кэтрин»): высветив изнутри его душевную ранимость, его невостребованную теплоту, его пугающую незащищенность от ударов внешнего бытия, в котором правит бал слепой абсурд разнузданной бойни. Когда, сломленный бессмысленностью окружающего, Г. Ф. решает заключить «сепаратный мир» («Я решил забыть о войне. Я заключил сепаратный мир. Я чувствовал себя отчаянно одиноким...»), его не обвинишь ни в недостатке мужества, ни в отсутствии чувства ответственности: не он ли один тревожился об участи раненых, в горячке отступления брошенных на произвол судьбы безразличным к жизни конкретных людей военным начальством? Но чем ближе к финалу романа, тем отчетливее в читательском сознании предчувствие надвигающейся на персонажа беды. И оно не случайно: ведь вселенная, способная в одночасье уменьшиться до пределов камерного «рая для двоих» — пусть даже б невоющей благополучной Швейцарии, к причалу которой дождливой осенней ночью 1917 г. доплывут они с беременной Кэтрин на маленькой рыбацкой лодчонке, — такая вселенная столь же устрашающе беззащитна перед вихрями и «черными дырами» непроницаемо глухого космоса, сколь утлое их суденышко — перед прихотью своевольной водной стихии. Предчувствие не обманет подарив Г. Ф. и его избраннице несколько месяцев «беззаконного» любовного счастья посреди объятый пламенем первой мировой войны Европы, романист оставит героя одиноким. Кэтрин умрет при родах, погибнет и зачатый в прифронтной полосе ребенок — дитя не освященного церковью брака двух невероятно мужественных людей, осмелившихся творить жизнь в эпицентре растянувшейся на годы чудовищной гекатомбы. Кровавое божество войны не ведает правых и виноватых. «Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора».

«ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!» («A Farewell to Arms») роман Э.Хемингуэя. Опубликовано в 1929 г. — одновременно с двумя другими великими романами о «потерянном поколении» молодых людей, душевно травмированных ужасами Первой мировой войны — «Смерть героя» Р.Оддингтона и «На западном фронте без перемен» Э.М.Ремарка. В основу книги легли воспоминания Хемингуэя о фронтовом опыте: он служил в итальянской армии водителем санитарного фургона. Вместе с более ранним романом «Фиеста» образует своего рода

дилогию. Книга стала кульминацией хемингуэевского стиля, основанного на недоверии к «громким словам» и на попытке, вслед за Флобером, добиться предельно точного и конкретно-осязаемого выражения сложных психологических переживаний. Так, знаменитая финальная сцена романа, изображающая главного героя у трупа возлюбленной, по свидетельству писателя, переписывалась им около тридцати раз. В этом романе разворачиваются события, хронологически как бы предшествующие парижским сценам романа «Фиеста». Главный герой — американец Фредерик Генри, сражающийся в итальянской армии, воспринимается как двойник Джейка Барнса, героя-рассказчика раннего романа. Сам писатель как-то назвал «Прощай, оружие!» собственной версией «Ромео и Джульетты», трагедией, где любовь и счастье двоих возлюбленных становится жертвой враждебных обстоятельств, жертвой бессмысленно-жестокой войны. По словам критика У.Аллена, эта книга является одной из «величайших любовных историй в мировой литературе». Однако трагической любовной интригой сюжет не исчерпывается. Это одновременно и талантливый военный роман, чьи батальные сцены по силе могут сравниться с батальными сценами Стендаля и Л.Н.Толстого, и мощный антимилитаристский роман, создавший устрашающую картину бесчеловечной мясорубки войны, и философское моралите, представляющее собой очередную вариацию на хемингуэевскую тему противостояния человека неумолимой власти внешних сил, «победы в поражении». Внутренним толчком для развития интриги становится знакомство лейтенанта Генри с молодой медсестрой-англичанкой Кэтрин Баркли, чей жених был убит на фронте. Любовь для Фредерика Генри — последняя надежда обрести утраченный смысл жизни. Ради любви он «заключает сепаратный мир» — дезертирует накануне катастрофического разгрома итальянской армии. Дезертирство лейтенанта Генри, его «прощание с оружием» в романе имеет и символический подтекст: это форма проявления того антисоциального поведения, которое отличает персонажей литературы «потерянного поколения», и в частности самого Хемингуэя. Лейтенант порывает со своими социальными обязательствами, противопоставляя общественной морали (в частности офицерскому долгу) свой личный выбор. Как отмечал критик М.Гайсмар, «Прощай, оружие!» представляет собой «серию поражений человека, складывающихся в непрерывную, жуткую последовательность: дожди, холера, солдаты, калечащие себя, чтобы больше не сражаться, усиливающаяся усталость итальянской армии...». С этой драматичной линией нарастающего отчаяния, которым заражается и главный герой книги, контрастирует линия любви. Любовь и отчаяние находятся в динамическом сцеплении, причем попытка спастись от отчаяния оказывается тщетной. Уединенная идиллия любовников в Швейцарии оказывается эфемерной. Смерть Кэтрин при родах, как и рождение мертвого ребенка, становятся финальным роковым аккордом «сепаратного мира», заключенного Фредериком Генри в надежде обрести гармонию посреди всеобщего хаоса. Роман оказал существенное воздействие на развитие мировой военной прозы. Книга неоднократно экранизировалась: в 1932 г. вышел одноименный фильм с Г.Купером в главной роли; в киноверсии 1957 г. роль лейтенанта Генри сыграл Р.Хадсон.

По ком звонит колокол (For Whom the Bell Tolls)

Роман (1940)

Американец Роберт Джордан, добровольно участвующий в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, получает задание из центра — взорвать перед наступлением мост. Несколько дней до наступления он должен провести в расположении партизанского отряда некоего Пабло. О Пабло говорят, что в начале войны он был очень смел и убил фашистов больше, чем бубонная чума, а потом разбогател и теперь с удовольствием ушел бы на покой. Пабло отказывается участвовать в этом деле, сулящем отряду одни неприятности, но Джордана неожиданно поддерживает пятидесятилетняя Пилар, жена Пабло, которая пользуется у партизан неизмеримо большим уважением, чем муж. Тот, кто ищет безопасности, теряет все, говорит она. Ее единогласно избирают командиром отряда.

Пилар — ярая республиканка, она предана народному делу и никогда не свернет с выбранного пути. В этой сильной, мудрой женщине таятся многие таланты, обладает она и даром ясновидения: в первый же вечер, посмотрев на руку Роберта, она поняла, что тот завершает свой жизненный путь. И тогда же увидела, что между Робертом и девушкой Марией, прибившейся к отряду после того, как фашисты убили ее родителей, а ее самое изнасиловали, вспыхнуло яркое, редкое по силе чувство. Она не препятствует развитию их любовных отношений, а зная, как мало осталось времени, сама подталкивает их друг к другу. Все время, что Мария провела с отрядом, Пилар исподволь врачевала ей душу, и теперь мудрая испанка понимает: только чистая, настоящая любовь исцелит девушку. В первую же ночь Мария приходит к Роберту.

На следующий день Роберт, поручив старику Ансельмо наблюдать за дорогой, а Рафаэлю — следить за сменой часовых у моста, отправляется вместе с Пилар и Марией к Эль Сордо, командиру соседнего партизанского отряда. По дороге Пилар рассказывает, как начиналась революция в маленьком испанском городке, на их с Пабло родине, и как народ расправился там с местными фашистами. Люди встали в две шеренги — одна напротив другой, взяли в руки цепи и дубинки и прогнали фашистов сквозь строй. Так делалось специально: чтобы каждый нес свою долю ответственности. Всех забили до смерти — даже тех, кто слыл хорошим человеком, — а потом сбросили с обрыва в реку. Все умирали по-разному: кто принимал смерть с достоинством, а кто скулил и просил пощады. Священника убили прямо во время молитвы. Да, видимо, Бога в Испании отменили, вздыхает Пилар, потому что, если бы он был, разве допустил бы эту братоубийственную войну? Теперь некому прощать людей — ведь нет ни Бога, ни Сына Божия, ни Духа Святого.

Рассказ Пилар пробуждает в Роберте Джордане собственные мысли и воспоминания. В том, что он сейчас воюет в Испании, нет ничего удивительного. С Испанией связаны его профессия (он преподает испанский в университете) и служба; он часто бывал здесь до войны, любит народ Испании, и ему совсем не все равно, как сложится судьба этого народа. Джордан не красный, но от фашистов добра ждать не приходится. Значит, надо эту войну

выиграть. А потом он напишет обо всем книгу и тогда освободится наконец от того ужаса, который сопровождает любые войны.

Роберт Джордан предполагает, что при подготовке к взрыву моста он может погибнуть: в его распоряжении слишком мало людей — семеро у Пабло и столько же у Эль Сордо, а дел полно: надо снимать посты, прикрывать дорогу и т. д. И надо же такому случиться, что именно здесь он встретил свою первую настоящую любовь. Может, это все, что он еще может взять от жизни? Или это вообще вся его жизнь и вместо семидесяти лет она будет длиться семьдесят часов? Трое суток. Впрочем, горевать тут нечего: за семьдесят часов можно прожить более полную жизнь, чем за семьдесят лет.

Когда Роберт Джордан, Пилар и Мария, получив согласие Эль Сордо достать лошадей и принять участие в операции, возвращаются в лагерь, неожиданно начинает идти снег. Он валит и валит, и это необычное для конца мая явление может погубить все дело. К тому же Пабло все время пьет, и Джордан боится, что этот ненадежный человек может здорово навредить.

Эль Сордо раздобыл, как и обещал, лошадей на случай отступления после диверсии, но из-за выпавшего снега фашистский разъезд замечает следы партизан и лошадей, ведущие в лагерь Эль Сордо. Джордан и бойцы из отряда Пабло слышат отзвуки боя, но вмешаться не могут: тогда может сорваться вся операция, так необходимая для успешного наступления. Весь отряд Эль Сордо погибает, фашистский лейтенант, обходя холм, усеянный трупами партизан и солдат, осеняет себя крестом и мысленно произносит то, что можно часто услышать и в республиканском лагере: какая гнусная вещь война!

На этом неудачи не заканчиваются. В ночь перед наступлением из лагеря сбегает Пабло, прихватив с собой ящик со взрывателем и бикфордов шкур — важные для диверсии вещи. Без них тоже можно управиться, но это сложнее, да и риску больше.

Старик Ансельмо докладывает Джордану о передвижениях на дороге: фашисты подтягивают технику. Джордан пишет подробное донесение командующему фронтом генералу Гольцу, информируя того, что противник явно знает о готовящемся наступлении: то, на что рассчитывал Гольц — внезапность, теперь не сработает. Пакет Гольцу соглашается доставить партизан Андрее. Если тот успеет передать донесение до рассвета, Джордан не сомневается, что наступление перенесут, а вместе с ним и дату взрыва моста. Но пока надо готовиться. ...

В последнюю ночь, лежа рядом с Марией, Роберт Джордан как бы подводит итог своей жизни и приходит к выводу, что она прожита не зря. Смерти он не боится, страшит его только мысль: а вдруг он не выполнит свой долг надлежащим образом. Джордан вспоминает деда — тот тоже участвовал в Гражданской войне, только в Америке — в войне между Севером и Югом. Наверное, она была так же страшна, как и эта. И видимо, прав Ансельмо, говоря, что те, кто сражается на стороне фашистов, — не фашисты, а такие же бедняки, как и люди в республиканских отрядах. Но лучше не думать обо всем этом, иначе пропадет злоба, а без нее не выполнить задания.

Наутро в отряд неожиданно возвращается Пабло, он привел с собой людей и лошадей. Сбросив под горячую руку в пропасть детонатор Джордана, он вскоре почувствовал раскаяние и понял, что просто не в состоянии оставаться один в безопасности, когда его бывшие товарищи будут сражаться. Тогда он развил бешеную деятельность, всю ночь собирая по окрестностям добровольцев на акцию против фашистов.

Не зная, добрался Андрес с донесением к Гольцу или нет, Джордан с партизанами снимаются с места и движутся через ущелье к реке. Решено оставить Марию с лошадьми, а остальным заняться — в случае начала наступления — каждому своим делом. Джордан и старик Ансельмо спускаются к мосту и снимают часовых. Американец устанавливает динамит у опор. Теперь, будет ли мост взорван, зависит только от того, начнется наступление или нет.

А тем временем Андрес никак не может пробиться к Гольцу. Преодолев первоначальные трудности при переходе линии фронта, когда его чуть не подорвали гранатой, Андрес застревает на самом последнем этапе: его задерживает главный комиссар Интернациональных бригад. Война меняет не только таких, как Пабло. Комиссар за последнее время стал очень подозрительным, он надеется, что ему удастся, задержав этого человека из фашистского тыла, уличить Гольца в связях с врагом.

Когда Андрес в конце концов чудом добирается до Гольца — уже поздно: наступление отменить нельзя.

Мост взорван. При взрыве погибает старик Ансельмо. Те, кто уцелел, торопятся отойти. Во время отступления снаряд разрывается рядом с лошадью Джордана, та падает и придавливает всадника. У Джордана сломана нога, и он понимает, что не может ехать с остальными. Главное для него — убедить Марию оставить его. После того, что у них было, говорит девушке Джордан, они всегда будут вместе. Она увезет его с собой. Куда бы она ни поехала, он всегда будет с ней. Если уйдет она, уйдет и он — так она спасет его.

Оставшись один, Джордан застывает перед пулеметом, привалившись к стволу дерева. Мир — хорошее место, думает он, за него стоит драться. Приходится убивать, если нужно, — только не надо любить убийство. А сейчас он попытается хорошо завершить свою жизнь — задержать здесь врага, хотя бы убить офицера. Это может решить многое.

И тут на поляну выезжает офицер вражеской армии...

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ (For Whom the Bell Tolls) (роман, 1940) Джордан Роберт (Jordan Robert) — главный герой самого масштабного из романов Х. Э. «По ком звонит колокол», с эпической силой и полнотой отразившего один из этапных процессов международной истории 30-х гг. — гражданскую войну в Испании, в которой в составе так называемых интернациональных бригад, воевавших на стороне Республики, приняли участие тысячи представителей прогрессивной интеллигенции из многих стран мира, и личный вклад писателя в эти события. В 1937—1938 гг. Х. Э. четырежды приезжал в Испанию, посылая из осажденного Мадрида корреспонденции для американской печати. На собственные средства

он закупил и предоставил в распоряжение республиканского командования санитарно-транспортную колонну и организовал целый ряд культурно-пропагандистских акции, стремясь привлечь внимание общественности к борьбе испанского народа против франкизма и итало-германского фашизма. Роман «По ком звонит колокол» явился апофеозом чрезвычайно значимой испанской темы, представленной в творчестве Х.Э. пьесой «Пятая колонна» (1938), документальным фильмом «Испанская земля» (1937, снят режиссером Йорисом Ивенсом), множеством рассказов, очерков, газетных репортажей и одновременно — углубленным художественным осмыслением издавна волновавшей писателя проблемы ангажированности личности, сопричастности человека большому общенародному делу. Действие романа разворачивается на протяжении четырех суток в мае 1937 г. в горах в окрестностях Мадрида в канун ожидаемого наступления республиканской армии — исчерпывающее свидетельство значимости гражданской и художественной эволюции, проделанной в «красное десятилетие» вчерашним певцом идеалов «потерянного поколения». Отсюда — и принципиально новая для Х. Э, тяготеющая к эпическому простору полотен классического реализма эстетика раскрытия характеров персонажей, и новое их мироощущение, как бы подсвеченное изнутри оптимистической убежденностью в конечном торжестве дела, за которое они борются («Мир — хорошее место, и за него стоит драться, и очень не хочется его покидать», — размышляет Д. Р. в свои последние минуты), и новая эмоционально-психологическая тональность повествования, порою приобретающего высокие трагедийные обертоны, но чуждого программной безысходности. Перефразируя слова другого литератора-антифашиста, французского поэта Поля Элюара, ее можно определить как путь «от горизонта одиночки к горизонту всех людей» — путь, проделываемый американским писателем вместе с главным героем романа. Образ Д. Р. отмечен существенными отличиями от излюбленных автором героев. Пронесший сквозь всю жизнь, подобно самому Х. Э., неутраченную боль от пережитой в молодости драмы — самоубийства отца, немало испытавший и во многом изверившийся, Д. Р., однако, предстает в романе не обреченным на изначальное поражение индивидуалистом, а сознательным борцом за правду, равноправие и справедливость, глубоко убежденным в конечной результативности коллективных, сплоченных усилий. Его мысленные диалоги с дедом, прославленным героем Гражданской войны в США, — диалоги единомышленников. Живущий интенсивной внутренней жизнью, отдающий отчет в непреодолимости ее противоречий, Д. Р. чужд бесплодным рефлексиям и неизменно остается человеком действия, находящим в себе силы совершать решительные, продиктованные чувством ответственности и долга поступки в трудных, подчас неразрешимых ситуациях Именно это, непривычное для традиционных персонажей Х. Э. «чувство долга, принятого на себя перед всеми угнетенными мира» оказывается ключевым для понимания характера Д. Р, сумевшего органично связать свои личностные порывы и побуждения со строгими обязательствами перед испанскими патриотами и командованием республиканской армии. Его внутренние монологи вовсе не случайно изобилуют словами «приказ», «задание», «план»; и отнюдь не по минутному капризу ДР. — гуманист, всем сердцем влюбленный в Испанию и ее гордый народ,

ее прекрасную природу, ее многовековую культуру, человек, для которого «испанский язык никогда не был чужим» и который с успехом преподавал его в университете родного штата Монтана, — в очередной раз оказавшись в любимой стране, объятай пламенем герильи, без колебаний меняет свою мирную профессию на прямо противоположную — разрушительную и опасную: профессию взрывника, действующего в фашистском тылу. А сталкиваясь с рядовыми этой герильи: стариком Ансельмо, Агустином, Фернандо, Пабло, Пилар, отважным предводителем отряда повстанцев Эль Сордо, Д Р. демонстрирует не только открытость и доброту, но и недюжинное знание человеческих характеров и диктуемую жесткой военной целесообразностью несгибаемую волю: «Свой собственный бой надо провести как следует». Не раз на горьком опыте убеждаясь, что в высших эшелонах республиканского командования, раздираемого внутренними противоречиями, далеко не всегда одерживают верх стратегическая дальновидность, здравый смысл и даже простое благородство, Д Р. принимает и это как одну из неизбежных превратностей военного времени; она не способна поколебать его убежденность подвижника («На время войны он подчинил себя коммунистической дисциплине»). Но подвижничество не равнозначно смирению, а самоотверженность — аскетизму. Д Р. как нельзя более далек от того и от другого; и, ощущая драгоценное чувство общности с испанскими братьями по оружию, он учится и иному. Например, тому, что, будучи честным соматом, можно ненавидеть войну с ее разгулом низменных стихий и бессмысленной, нечеловеческой жестокости. Недаром к сильнейшим страницам романа относятся рассказы двух женщин — соратниц Д. Р. старухи Пилар — о зверском истреблении фашистов — жителей ее родного селения, учиненном одержавшими победу республиканцами, и молоденькой Марии — о кровавой оргии насилия над республиканцами, устроенной торжествующими фашистами (тогда-то погибли ее отец и мать, а сама она подверглась чудовищному насилию). Но, пожалуй, труднейшее испытание на прочность, какому подвергает Х. Э. своего героя, — это испытание любовью. Юная Мария, еще не научившаяся толком отличать любовное наслаждение от необузданной похоти, и немало переживший Л Р, видящий в снах Гарбо и Харлоу, грезящий о комфорте мадридского отеля «Гэйлорд», на три скоротечных дня и ночи, подаренных изменчивой фортуной военного лихолетья, оказываются накрепко связаны нитью взаимной привязанности, равно неожиданной для обоих. И происходит два чуда: одно — предсказанное вещуньей Пилар: под телами счастливых влюбленных плывет жесткая испанская земля и другое — робкая, неопытная Мария демонстрирует самоотверженность и самоотречение, уравнивающие ее с испытанным в боях А Р.- повинуясь воле возлюбленного, она покидает его, чтобы остаться в строю в повстанческом отряде. Покидает, навсегда унося в сердце его образ. А Д. Р, со сломанной ногой прикрывающему отход соратников, готовясь выпустить пулеметную очередь по приближающемуся отряду фалангистов, остается лишь повторить про себя обращенные к ней слова любовного признания, в которых — вся так нелегко обретенная им гражданская и человеческая цельность: «Я люблю тебя так, как я люблю свободу, и человеческое достоинство, и право каждого работать и не голодать».

В НАШЕ ВРЕМЯ (In Our Time) (рассказы, 1925) Ник Адаме (Nick Adams) — подросток, юноша, а затем молодой человек, стержневой персонаж рассказов сб. «В наше время», явившегося реальным дебютом Х. Э. в художественной прозе. Годом раньше (1924) начинающий литератор выпустил в свет одноименную подборку микроновелл, путевых заметок и репортажных (в том числе фронтовых) зарисовок; однако эта подборка, перешедшая в новую книгу в качестве лирических главок-прелюдий к впервые публикуемым рассказам, сообщив всему повествованию особую, с оттенком трагизма, полифоничность, изначально носила всетаки скорее лабораторно-экспериментальный характер. Что до новеллистической «одиссеи» Н. А., то некоторые из исследователей творчества Х. Э. склонны рассматривать ее как непосредственную проекцию авторской биографии. Между тем образ этот, скрепляя пунктиром индивидуального существования мозаику разных и несхожих тем, мотивов, жизненных ситуаций, несомненно, задуман как более широкое обобщение и, думается, имеет все основания быть причисленным к разряду художественных, в полной мере воплощая в себе характерные черты и особенности отображаемого времени (1910—1920-е гг.), страны (США и разные точки воюющей и послевоенной Европы) и эпохи (начало грозового XX в.) С дистанции времени в личности Н. А. — единственного сына умного, образованного, чуть слабовольного провинциального врача, практикующего в сельской глубинке, и строгой, волевой, не вовсе чуждой тщеславного стремления продемонстрировать собственное благочестие женщины из буржуазного круга («Доктор и его жена») — легче просматриваются черточки и приметы, которые в дальнейшем будут ассоциироваться с емким понятием «хемингуэевского героя». Это ненасытный интерес к жизни в ее естественном разнообразии, тяга к природе и ее первозданным радостям — таким, как спорт, охота, рыбная ловля («Кросс по снегу», «На Биг-ривер»). Н. А. наделен редкой чувствительностью, повышенной восприимчивостью («Что-то кончилось») и врожденным инстинктом справедливости. Умеющий вчитываться в природу как в открытую книгу, он с детских лет жадно тянется к литературе («Трехдневная непогода»), но еще больше — к настезь распахнутому внешнему миру, таящему в себе неведомые опасности и приключения («Чемпион»). Но если открытие этого безграничного мира, захватывающее и драматичное, — главная тема первой книги Х. Э. (следуя традиции своего учителя Ш. Андерсона, он выстроил ее как «роман в рассказах», чередуя главы-новеллы), то ее образно-эмоциональный лейтмотив — ощущение безнадежно канувшей в прошлое идиллии единства человека с природой и людей — друг с другом. И по мере того как проникаешься этим ощущением, умело аранжируемым автором, оперирующим ограниченным, но предельно эффективным набором выразительных средств, образ Н. А. — вчерашнего подростка из рассказа «Индийский поселок» и одаренного литератора-экспатрианта, живущего с молодой женой в Швейцарии («Кросс по снегу»), — обретает новые измерения, из конкретного лица становясь воплощением мыслящего сознания, сквозь которое и раскрывается пестрый и дисгармоничный, поражающий убийственными контрастами благородства и низости, грации и жестокости, роскоши и нищеты окружающий мир. Отнюдь не случайно единственная из главок-прелюдий, родившихся из блокнота Х. Э. — фронтового репортера, в которой Н. А.

фигурирует под собственным именем, — та, где он, раненный в ноги на итальянском фронте, говорит своему брату по орркию Ринальдо: «Оба мы с тобой заключили сепаратный мир... Мы с тобой плохие патриоты». Это — не что иное, как первый набросок к роману «Прощай, оружие», книге, которая на исходе 20-х гг. станет библией «потерянного поколения». Х. Э. пристально вглядывается в хмурые, посуровевшие, до времени повзрослевшие лица своих сверстников. К примеру, ветеран первой мировой из Оклахомы Гарольд Кребс, чувствующий себя чужим и безнадежно одиноким в уютном родительском доме (рассказ «Дома»), думается, вполне мог бы носить имя Н. А. Как и болезненно переживающие взаимную разобщенность в итальянской гостинице супруги-американцы в практически бессюжетной новелле «Кошка под дождем», шедевре стиля Х. Э., или их безымянные соотечественники — персонажи рассказа «Не в сезон». На фоне грохочущей канонады и бессмысленной бойни еще очевиднее фальшь и лицемерие высокопарных слов о патриотизме и долге перед цивилизацией; людям, молодым и здоровым, сплошь и рядом не дано выдержать естественнейшего испытания на прочность — испытания любовью; и единственное, что неизменно, что по-прежнему сулит лирическому герою Х. Э. душевную отраду, — вечная природа, радость интимного приобщения к ней, азарт охоты и рыбной ловли. Быть может, поэтому неяркий проблеск рождающейся в сознании Н. А. надежды сквозит в последней фразе завершающего книгу рассказа «На Биг-ривер»: «Впереди было еще много дней, когда он сможет ловить форелей на болоте».

И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ (ФИЕСТА) (The Sun Also Rises) (Fiesta) (роман, 1926) Барнс Джейк (Barnes Jake) — геройповествователь первого романа Х. Э. «И восходит солнце» (в английском издании, вышедшем год спустя, он был озаглавлен «Фиеста»; в критическом обиходе закрепилось «двойное» название кн.), явившегося наиболее впечатляющим итогом парижского периода творчества писателя и получившего немедленную громкую известность в большинстве стран западного мира. Проблематическое ядро романа (и, в определенной мере, жизненная драма почти всех его персонажей) сфокусировано в двух, внешне никак не связанных один с другим, эпиграфах к книге, один из которых восходит к устной беседе Гертруды Стайн с молодым Х. Э., а другой — к широко известному тексту из книги Екклезиаста, утверждающему бренность, конечность и в то же время — бесконечную повторяемость всего сущего. Первым читателям романа особенно импонировало вынесенное в первый эпиграф определение, данное писательницей Х. Э. и творческой молодежи его ориентации: «Все вы — потерянное поколение». И проблема этого поколения, глубоко травмированного катастрофой первой мировой войны, из горнила которой оно вышло с кровотокающими рубцами на теле и незаживающими ранами в душе, действительно выдвинулась на первый план в литературе и искусстве Запада рубежа 20—30-х гг., вызвав к жизни лучшие произведения Э.-М. Ремарка, Д. Г. Лоуренса, Р. Олдингтона, Ф. Скотта Фицджеральда и многих других романистов. Однако первым возвестивший об этом историко-культурном и этико-психологическом феномене Х. Э., как явствует из романа «Фиеста» и всего его творчества, отнюдь не был склонен ограничивать себя мировоззренческими рамками «потерянного поколения», апелляция к Екклезиасту свидетельствовала о том, что апокалиптические умонастроения этой раненной войной молодежи, по мысли писателя, преждевременны. Действие романа разворачивается в середине 20-х гг. в кварталах парижской богемы, затем переносится в Испанию и завершается в Мадриде, куда Б. Д. приезжает после проведенного в Памплоне сезона массового народного праздника — фиесты вслед за своей вечно ускользающей возлюбленной Брет Эшли. Большинство действующих лиц романа объединяет принадлежность к поколению тридцатилетних, общность прошлого, так или иначе связанного с первой мировой войной, и образ жизни, отмеченный своеобразным гедонизмом: нескончаемым поиском светских развлечений и любовных наслаждений, обостренных ощущением неминуемой приближающейся катастрофы. Как замечает самый проницательный из светской компании Б. Д., «такие ужины я запомнил со времен войны. Много вина, нарочитая беспечность и предчувствие того, что должно случиться и чего нельзя предотвратить». Однако, поставив своей задачей набросать общий абрис поколения «века джаза», Х. Э. — и наиболее близкий ему из персонажей романа Б. Д. — журналист, посылающий в США корреспонденции о парижской жизни, а в прошлом — ветеран первой мировой, вышедший с поля боя необратимо изувеченным (шальной снаряд навсегда лишил его счастья физической любви), — не может и не хочет уклониться от этической оценки жизненной позиции вчерашних товарищей по военному лихолетью, стремящихся лихорадочно наверстать упущенное, меняя партнеров и номера отелей,

гимнастические залы и фешенебельные кафе в тщетных попытках отгородиться от тревожных мыслей о завтрашнем дне. Таков богатый бездельник Роберт Кон, без особых оснований мнящий себя писателем. Таков очередной друг и покровитель ветреной Брет шотландец Майкл Кэмбелл. Такова в конечном счете и сама Брет, хотя искренне преданный ей Б. Д. и относится к ней несравнимо более снисходительно и тепло, нежели к прочим своим приятелям и знакомым. Верный исходному принципу своей эстетики: с видимым бесстрашием констатировать происходящее, оставляя конечные оценки на усмотрение читателя, — Х. Э. как бы «передоверяет» свою функцию объективного наблюдателя Б. Д., волею военного рока хотя бы в одном отношении отличного от обитателей этого круга. Но, быть может, именно Б. Д. выпадает на долю стать носителем лучших качеств «потерянного поколения», не последним из которых является органическая неспособность адаптироваться к какому бы то ни было конформизму. Его одного в романе от времени до времени посещают нелегкие мысли типа: «Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, — это как в нем жить». И он один оказывается в силах отличить подлинную, незаемную, бьющую из самой гущи бытия энергию истинного народного праздника — испанской фиесты с ее незабываемой корридой — от завуалированной модными причудами пресыщенности и опустошенности. Наверно, именно поэтому Б. Д. так снисходителен к юному матадору Педро Ромеро, становящемуся очередным избранником Брет «В Педро Ромеро было величие. Он любил бой, и я видел, что он любит быков, и видел, что он любит Брет», — лаконично заключает Б. Д., хотя он и понимает, что мимолетный каприз легкомысленной красавицы может стать для одаренного юноши из низов началом полного жизнекрушеэгоцентризма в конечном счете и отдаляет Б. Д. от возлюбленной, становясь для нее преходящим жизненным неудобством, а для самого героя — вариантом экзистенциальной кары. И потому в финале романа Б. Д., еще более одинокому в круговерти гедонистических усад и нескончаемых светских знакомств, чем в его начале, приходит утешающая мысль о том, что пройдет год — и вернется фиеста. Вернется как символ некоей вечной жизненной основы, тайная тоска по которой снедает едва ли не всех хемингуэевских героев. Вернется как солнце, которое всегда восходит.

«СТАРИК И МОРЕ» («The Old Man and the Sea») — повесть-притча Э.Хемингуэя. Написана в 1950—1951 гг. на Кубе, где писатель жил в последний период своей жизни. Опубликована осенью 1952 г. в журнале «Лайф» и тогда же вышла отдельной книгой. В 1954 г. за эту повесть-притчу писатель получил Нобелевскую премию по литературе. Повесть, последний творческий взлет стареющего прозаика, представляет собой выдающееся произведение литературной маринистики. В ярких запоминающихся образах Хемингуэй запечатлел драматичные эпизоды подвига старика-рыбака и точно воссоздал величественные Карибские пейзажи. Вместе с тем эта повесть прочитывается и как экзистенциалистская парабола о человеческом уделе, о драме одинокого человека, вступающего в бой со слепой стихией и выходящего из этой схватки победителем. Варьируя тему раннего рассказа Хемингуэя «Непобежденный», повесть утверждает его любимую идеологему «победы в поражении» — тему духовной стойкости человека, терпящего физический крах. В повести, наполненной богатой символикой, проступает архетипический лейтмотив американской литературы — поединок между упрямым моряком и зловещей рыбой, — восходящий к роману «Моби Дик» Г.Мелвилла. Старый рыбак-кубинец Сантьяго после многих неудач выходит один в море, и ему на крючок попадает гигантский марлин. Трехдневная борьба с океанским исполином заканчивается тем, что старик одолевает «большую рыбу» и буксирует ее домой. Однако напавшая стая акул съедет его добычу, оставляя один лишь скелет. В образе кубинского рыбака, выступающего олицетворением нестигаемой отваги, или, говоря словами американского философа П.Тиллиха, «мужества быть», воплотились черты предшествующих ему героев Хемингуэя — Гарри Моргана из романа «Иметь и не иметь», партизана Ансельмо из романа «По ком звонит колокол», старого крестьянина из очерка «Старик у моста». В образе старика намеком возникают и параллели с евангельским сюжетом о крестных страданиях Христа. Так, находясь на последнем пределе сил после изнурительной борьбы с марлином, Сантьяго издает жалобный стон — «слово, не имеющее смысла, скорее звук, который невольно издает человек, чувствуя, как гвоздь, пронзив его ладонь, входит в дерево». Слова Сантьяго «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» — следует воспринять не только как выражение гуманистического пафоса повести, но и как квинтэссенцию творчества писателя, его моральной философии «мачизма» — культа мужественности, нестигаемой упрямой воли к жизни. Американская экранизация повести появилась в 1955 г., причем, в отличие от прочих киноверсий хемингуэевской прозы, съемки производились при непосредственном участии автора.

СТАРИК И МОРЕ (The Old Man and the Sea) (повесть, 1952) Старик Сантьяго (Santiago) — главный герой повести «Старик и море», написанной Х. Э. на исходе жизненного пути и ставшей важнейшим идейным и художественным итогом его творчества, своего рода духовным завещанием мастера. Действие повести разворачивается в рыбацком поселке под

Гаваной на Кубе, в местах, где в 1939—1960 гг. подолгу жил писатель, и отмечено почти документальной точностью географических и бытовых примет. Внешне почти бессобытийная, повесть в то же время отчетливо символична, вбирая в упругое течение сюжета множество тем и мотивов, издавна волновавших автора. Рыбак С, подобно персонажам других произведений Х. Э., человек упорного физического труда, добывающий пропитание в каждодневной борьбе со стихиями. Неимущий и одинокий на старости лет и, вопреки всему, продолжающий грезить об увиденных в далекой юности берегах Африки, где на ослепительном песке беззаботно резвятся годовалые львята, он находит отраду, лишь общаясь с соседским мальчиком Маноло, до поры выходящим в море на его лодке. Их роднит то, что в душе оба — упрямые романтики, беззаветно влюбленные в море и его чудеса, преклоняющиеся перед величием человеческого подвига; их общий кумир — знаменитый бейсболист Ди Маджио. Примиренный нелегким опытом с неизбежностью житейских испытаний, слывающий в селении «невозвучим» (восемьдесят четыре дня кряду выходя в море, он неизменно возвращался без улова), С тем не менее не утрачивает мужества: он уверен, что его главная битва — еще впереди. В этой убежденности С. — немало от стойкой натуры самого Х.Э., неутомимого рыболова, охотника и спортсмена и в то же время предельно взыскательного к себе литератора, десятилетиями вынашивавшего в себе замысел «великого американского романа». Однако автобиографическое начало, контрастно высвечивающее трагические антиномии мировоззрения Х. Э- человек и его неизбывное одиночество перед лицом враждебного социума, изначально предрешенное поражение личности в истории и ее столь же несомненный триумф, достигаемый в ходе самопреодоления, — лишь один из сегментов этого на редкость органичного образа, развивающегося в повести в теснейшем синтезе с другими персонажами: морем, наделяемым в сознании С. магической мощью, гигантской меч-рыбой — противником и одновременно соратником С в борьбе со стихией (недаром он беседует с ней как с человеком — искренне и уважительно), хищными акулами, дочиста обгладывающими ее мертвую тушу, символизирующими в повести все многоликое зло мира, обрушивающееся на одинокого индивидуума. Социально-этические, даже библейские аллегории без труда просматриваются в предельно насыщенном специфическими реалиями рыболовного промысла повествовании, сообщая ему оттенок эпики, как и в отчасти послужившем образцом для Х. Э. классическом произведении американского романтизма — романе Германа Мелвила о китобоях «Моби Дик» (1851). Увлекаемый сказочно богатой «добычей» в открытый океан, С. едва не гибнет вместе со своей лодкой. Трое суток преследуя чудо-рыбу, израненный в кровь, он поочередно теряет гарпун, нож, румпель, дубинку в неравной схватке с акулами, крадущими у него заветный трофей всей многотрудной жизни. Однако ему удается сохранить верность исконному предназначению человека, чей удел — бороться до конца; как и автор, С. твердо убежден, что «человек не для того создан, чтобы терпеть поражения. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». По-прежнему нищим, голодным и обессиленным, но внутренне несломленным засыпает он в своей хижине; и

символом его неостывающей готовности помериться силами с судьбой предстает финал повести, заканчивающейся емкой, многозначительной фразой: «Старику снились львы».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ФИЦДЖЕРАЛЬД ФРЭНСИС СКОТТ (Fitzgerald Francis Scott) (1896—1940), американский прозаик, его перу принадлежат романы «По эту сторону рая» (1920), «Последний магнат» (незаконченный, 1941) и др., сб. рассказов «Истории века джаза» (1922), «Все эти печальные молодые люди» (1926) и др.

Великий Гэтсби (The Great Gatsby)

Роман (1925)

«Если мерить личность ее умением себя проявлять, то в Гэтсби было нечто воистину великолепное, какая-то повышенная чувствительность ко всем посулам жизни... Это был редкостный дар надежды, романтический запал, какого я ни в ком больше не встречал».

Ник Каррауэй принадлежит к почтенному зажиточному семейству одного из небольших городков Среднего Запада. В 1915 г. он закончил Йельский университет, затем воевал в Европе; вернувшись после войны в родной городок, «не мог найти себе места» и в 1922 г. подался на восток — в Нью-Йорк, изучать кредитное дело. Он поселился в пригороде: на задворках пролива Лонг-Айленд вдаются в воду два совершенно одинаковых мыса, разделенные неширокой бухточкой:

Ист-Эгг и Уэст-Эгг; в Уэст-Эгге, между двумя роскошными виллами, и притулился домик, который он снял за восемьдесят долларов в месяц. В более фешенебельном Ист-Эгге живет его троюродная сестра Дэзи. Она замужем за Томом Бьюкененом. Том баснословно богат, учился в Йеле одновременно с Ником, и уже тогда Нику была весьма несимпатична его агрессивно-ущербная манера поведения. Том начал изменять жене еще в медовый месяц; и сейчас он не считает нужным скрывать от Ника свою связь с Миртл уилсон, женой владельца заправочной станции и ремонта автомобилей, что расположена на полпути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком, там, где шоссе почти вплотную подбегает к железной дороге и с четверть мили бежит с ней рядом. Дэзи тоже знает об изменах мужа, это мучает ее; от первого визита к ним у Ника осталось впечатление, что Дэзи нужно бежать из этого дома немедленно.

Летними вечерами на вилле у соседа Ника звучит музыка; по уикэндам его «роллс-ройс» превращается в рейсовый автобус до Нью-Йорка, перевозя огромные количества гостей, а многоместный «форд» курсирует между виллой и станцией. По понедельникам восемь слуг и специально нанятый второй садовник весь день удаляют следы разрушений.

Скоро Ник получает официальное приглашение на вечеринку к мистеру Гэтсби и оказывается одним из весьма немногих приглашенных: туда не ждали приглашения, туда просто приезжали. Никто в толпе гостей не знаком с хозяином близко; не все знают его в лицо. Его таинственная, романтическая фигура вызывает острый интерес — и в толпе множатся домыслы: одни утверждают, что Гэтсби убил человека, другие — что он бутлеггер, племянник фон Гинденбурга и троюродный брат дьявола, а во время войны был немецким

шпионом. Говорят также, что он учился в Оксфорде. В толпе своих гостей он одинок, трезв и сдержан. Общество, которое пользовалось гостеприимством Гэтсби, платило ему тем, что ничего о нем не знало. Ник знакомится с Гэтсби почти случайно: разговорившись с каким-то мужчиной — они оказались однополчанами, — он заметил, что его несколько стесняет положение гостя, незнакомого с хозяином, и получает в ответ: «Так это же я — Гэтсби».

После нескольких встреч Гэтсби просит Ника об услуге. Смущаясь, он долго ходит вокруг да около, в доказательство своей респектабельности предъясвляет медаль от Черногории, которой был награжден на войне, и свою оксфордскую фотографию; наконец совсем по-детски говорит, что его просьбу изложит Джордан Бейкер — Ник встретился с нею в гостях у Гэтсби, а познакомился в доме своей сестры Дэзи: Джордан была ее подругой. Просьба была проста — пригласить как-нибудь Дэзи к себе на чай, чтобы, зайдя якобы случайно, по-соседски, Гэтсби смог увидеться с нею, Джордан рассказала, что осенью 1917 г. в Луисвилле, их с Дэзи родном городе, Дэзи и Гэтсби, тогда молодой лейтенант, любили друг друга, но вынуждены были расстаться; его отправили в Европу, а она через полтора года вышла замуж за Тома Бьюкенена. Но перед свадебным обедом, выбросив в мусорную корзину подарок жениха — жемчужное ожерелье за триста пятьдесят тысяч долларов, Дэзи напилась, как сапожник, и, сжимая в одной руке какое-то письмо, а в другой — бутылку сотерна, умоляла подругу отказать от ее имени жениху. Однако ее засунули в холодную ванну, дали понюхать нашатырю, надели на шею ожерелье, и она «обвенчалась как миленькая».

Встреча произошла; Дэзи увидела его дом (для Гэтсби это было очень важно); празднества на вилле прекратились, и Гэтсби заменил всех слуг на других, «которые умеют молчать», ибо Дэзи стала часто бывать у него. Гэтсби познакомился также и с Томом, который выказал активное неприятие его самого, его дома, его гостей и заинтересовался источником его доходов, наверняка сомнительных.

Однажды после ленча у Тома и Дэзи Ник, Джордан и Гэтсби с хозяевами отправляются развлечься в Нью-Йорк. Всем понятно, что Том и Гэтсби вступили в решающую схватку за Дэзи. При этом Том, Ник и Джордан едут в кремовом «роллс-ройсе» Гэтсби, а сам он с Дэзи — в темно-синем «фордике» Тома. На полпути Том заезжает заправиться к Уидсону — тот объявляет, что намерен уехать навсегда и увезти жену: он заподозрил неладное, но не связывает ее измены с Томом. Том приходит в неистовство, поняв, что может одновременно лишиться и жены, и любовницы. В Нью-Йорке объяснение состоялось: Гэтсби говорит Тому, что Дэзи не любит его и никогда не любила, просто он был беден и она устала ждать; в ответ на это Том разоблачает источник его доходов, действительно незаконный: бутлеггерство очень большого размаха. Дэзи потрясена; она склонна остаться с Томом. Понимая, что выиграл, на обратном пути Том велит жене ехать в кремовой машине с Гэтсби; за ней в отставшем темно-синем «форде» следуют остальные. Подъехав к заправке, они видят толпу и тело сбитой Миртл. Из окна она видела Тома с Джордан, которую приняла за Дэзи, в большой кремовой машине, но муж запер ее, и она не могла подойти; когда машина возвращалась,

Миртл, освободившись из-под замка, ринулась к ней. Все произошло очень быстро, свидетелей практически не было, машина даже не притормозила. От Гэтсби Ник узнал, что за рулем была Дэзи.

До утра Гэтсби пробыл под ее окнами, чтобы оказаться рядом, если вдруг ей понадобится. Ник заглянул в окно — Том и Дэзи сидели вдвоем, как нечто единое — супруги или, может быть, сообщники; но у него не хватило духу отнять у Гэтсби последнюю надежду.

Лишь в четыре утра Ник услышал, как подъехало такси с Гэтсби. Ник не хотел оставлять его одного, а поскольку в то утро Гэтсби хотелось говорить о Дэзи, и только о Дэзи, именно тогда Ник узнал странную историю его юности и его любви.

Джеймс Гетц — таково было его настоящее имя. Он его изменил в семнадцать лет, когда увидел яхту Дэна Коди и предупредил Дэна о начале бури. Его родители были простые фермеры — в мечтах он никогда не признавал их своими родителями. Он выдумал себе Джея Гэтсби в полном соответствии со вкусами и понятиями семнадцатилетнего мальчишки и остался верен этой выдумке до самого конца. Он рано узнал женщин и, избалованный ими, научился их презирать. В душе его постоянно царил смятение; он верил в нереальность реального, в то, что мир прочно и надежно покоится на крылышках феи. Когда он, привстав на веслах, глядел снизу вверх на белый корпус яхты Коди, ему казалось, что в ней воплощено все прекрасное и удивительное, что только есть в мире. Дэн Коди, миллионер, разбогатевший на серебряных приисках Невады и операциях с монтанской нефтью, взял его на яхту — сначала стюардом, потом он стал старшим помощником, капитаном, секретарем; пять лет они плавали вокруг континента; потом Дэн умер. Из наследства в двадцать пять тысяч долларов, которое оставил ему Дэн, он не получил ни цента, так и не поняв, в силу каких юридических хитросплетений. И он остался с тем, что дал ему своеобразный опыт этих пяти лет: отвлеченная схема Джея Гэтсби облеклась в плоть и кровь и стала человеком. Дэзи была первой «девушкой из общества» на его пути. С первого раза она показалась ему головокружительно желанной. Он стал бывать у нее в доме — сначала в компании других офицеров, потом один. Он никогда не видал такого прекрасного дома, но он хорошо понимал, что попал в этот дом не по праву. Военный мундир, служивший ему плащом-невидимкой, в любую минуту мог свалиться с его плеч, а под ним он был всего лишь молодым человеком без роду и племени и без гроша в кармане. И потому он старался не упускать времени. Вероятно, он рассчитывал взять что можно и уйти, а оказалось, обрек себя на вечное служение святыне. Она исчезла в своем богатом доме, в своей богатой, до краев наполненной жизни, а он остался ни с чем — если не считать странного чувства, что они теперь муж и жена. С ошеломительной ясностью Гэтсби постигал тайну юности в плену и под охраной богатства...

Военная карьера удалась ему: в конце войны он был уже майором. Он рвался домой, но в силу недоразумения оказался в Оксфорде — любой желающий из армий стран-победительниц мог бесплатно прослушать курс в любом университете Европы. В письмах Дэзи сквозила нервозность и тоска; она была молода; она хотела устроить свою жизнь сейчас, сегодня; ей нужно было принять решение, и чтобы оно пришло, требовалась какая-то

сила — любви, денег, неоспоримой выгоды; возник Том. Письмо Гэтсби получил еще в Оксфорде.

Прощаясь с Гэтсби в это утро, Ник, уже отойдя, крикнул: «Ничтожество на ничтожестве, вот они кто! Вы один стоите их всех, вместе взятых!» Как он потом радовался, что сказал эти слова!

Не надеясь на правосудие, обезумевший уилсон пришел к Тому, узнал от него, кому принадлежит машина, и убил Гэтсби, а затем и себя.

На похоронах присутствовали три человека: Ник, мистер Гетц — отец Гэтсби, и лишь один из многочисленных гостей, хотя Ник обзвонил всех завсегдаев вечеринок Гэтсби. Когда он звонил Дэзи, ему сказали, что она и Том уехали и не оставили адреса.

Они были беспечными существами, Том и Дэзи, они ломали вещи и людей, а потом убегали и прятались за свои деньги, свою всепоглощающую беспечность или еще что-то, на чем держался их союз, предоставляя другим убирать за ними.

«ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» («The Great Gatsby») роман Ф.Скотта Фицджералда. Опубликован в 1925 г. По оценке американского критика М.Гайсмара, «Великий Гэтсби» был для своего времени «самым совершенным американским романом в современной традиции» с точки зрения математической стройности композиции. Этого, по словам критика, автору удалось добиться за счет введения в роман структурных элементов своих рассказов, сжатых и стройных, «крепко сколоченных». Все образы и детали в романе тщательно продуманы и оправданы, прочно впаяны в повествовательную и образносмысловую ткань. Ориентируясь, по признанию писателя, на «Братьев Карамазовых», он решил превратить историю о бытовом преступлении в глубокое философское полотно о трагедии современной жизни. «Великий Гэтсби» — один из первых в XX в. опытов исследования национального мифа об «американской мечте», которая трансформируется в «американскую трагедию». В судьбе главного героя книга Джея Гэтсби автор иронически переиначивает средневековый сюжет поисков святого Грааля. Однако странствия и подвиги героя романа приводят к трагическому финалу. Уроженец Северной Дакоты, сын бедного фермера-неудачника, Джеймс Гэтц, по словам автора, «выдумал себе Джея Гэтсби в полном соответствии со вкусами и понятиями семнадцатилетнего мальчишки и остался верен этой выдумке до конца». Джей — типичный американский мечтатель, поставивший своей целью в жизни обрести успех—богатство, славу и любовь. Испытав упоительный восторг в ранней юности при виде чужой роскоши, он клянется себе рано или поздно добиться того же. Другой мечтой его жизни стала богатая аристократка Дэзи. Внушив себе любовь к «прекрасной даме», он решает посвятить свою жизнь обретению сердца Дэзи. Изменив свое заурядное имя на романтическизвучное Джей Гэтсби, он превращается в преуспевающего дельца с якобы оксфордским образованием и приезжает в шумный Нью-Йорк. Там его неумное поклонение богатству быстро приносит успех, воплощением которого становится помпезная вилладворец в престижном районе Лонг-

Айленда и грандиозные «пиры Трималхиона» — пиршества, устраиваемые Гэтсби для местных знаменитостей. Наивно мечтая стать притчей во языцех, Гэтсби напускает на себя ореол романтической загадочности. Не случайно знакомые распускают о нем сплетни будто бы он — племянник Гинденбурга, немецкий шпион, а то и беглый убийца (в этом плане «демонический» Гэтсби парадоксальным образом сближается с гоголевским Чичиковым, о котором жители города N. распускают подобные же фантастические слухи). Никто не подозревает, что широкие жесты эксцентричного богача преследуют единственную цель — привлечь внимание Дэзи. (Ныне «прекрасная дама» юного Гэтсби—жена его ближайшего соседа Тома Бьюкенена.) В конце концов герой добивается своего и завладевает Дэзи точно так же, как он приобрел роскошную виллу на побережье, элегантный автомобиль и модный гардероб. Финал стремительного взлета героя к богатству, славе и счастью нелепо-трагичен: его по ошибке убивает ревнивый муж любовницы Тома Бьюкенена. Трагедия жизни Гэтсби — и смысл «американской трагедии», по Фицджералду, — состоит в том, что герой оказался во власти иллюзий, крах которых был неминуем. Он был совершенно чужд тому классу, к которому с юности мечтал приобщиться. Герой не просто обречен на одиночество, он обречен на гибель (как и его литературный предшественник Мартин Идеи Д Лондона), и его «величие» оказывается эфемерным, ибо по сути фальшиво. Гэтсби — своего рода «герой нашего времени» — герой так называемого «века джаза», веселой, но недолгой поры послевоенного процветания. Центральный персонаж романа является воплощением духа Америки, олицетворением романтического идеализма бедных провинциалов, терпящего крах после столкновения с жестокой социальной реальностью. Антиподом Джея Гэтсби в романе выступает чета Бьюкененов, прежде всего Том — богатый аристократ, выпускник престижного Йельского университета, циничный и расчетливый «новый американец» XX века, начисто лишенный наивного идеализма Гэтсби. Под стать ему и его супруга Дэзи, лицемерная, холодноватая и самодовольная красотка. Таким, как Бьюкенены, принадлежит будущее Америки, они — хозяева новой культуры, где нет места «старомодному» романтизму Гэтсби. Обреченность трагичной судьбы Гэтсби высвечивается в кульминационном эпизоде романа: Дэзи, сидя за рулем автомобиля Гэтсби, сбивает насмерть Миртл Уилсон, любовницу своего мужа. Гэтсби, спасая возлюбленную, берет на себя вину и вскоре получает смертельную пулю от мистера Уилсона. Повествователь Ник Каррауэй (как и Джейк Варне в романе Э.Хемингуэя «Фиеста») — alter ego автора, который дает нравственный комментарий персонажам и их поступкам, — один из первых в американской прозе XX века героев, проходящих путь от «невинности к опыту». Ник Каррауэй постигает скрытые нравственные устои и социальные пружины современного общества и способен проанализировать и оценить происходящее. Линия Ника Каррауэя — осколок структуры «романа воспитания». Становясь свидетелем и хроникером жизненной трагедии Джея Гэтсби, Ник усваивает урок, который не суждено было постичь Гэтсби: он познает пустоту существования господствующего класса и тщету иллюзий Гэтсби, а вместе с тем и собственного — такого же, как у Гэтсби — юношеского идеализма и веры в «американскую мечту». Апофеозом

тоскливого прощания с идеологическими мифами ушедшей эпохи становится знаменитый монолог Ника Каррауэя в финале книги: «Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое...». Роман был трижды экранизирован — в 1926, 1949 и 1974 г. (заглавную роль в последней экранизации исполнил Р.Редфорд).

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ (The Great Gatsby) (роман, 1925) Гэтсби Джей, наст. имя Джеймс Гетц (Gatsby Jay {James Gatz}) — главное действующее лицо романа «Великий Гэтсби», действие которого происходит на Лонг-Айленде и в Нью-Йорке в начале 20-х гг., ознаменовавшем наступление «века джаза», исступленного веселья, в угаре которого довершалось крушение устоев, порожденное первой мировой войной. Сложная фигура Г. Д. вобрала в себя не только противоречия своей эпохи, но и воплотила характерные черты национального сознания, связанные с таким кардинальным для истории нации понятием, как «американская мечта». Образ героя раскрывает двойственность этого национального мифа. Обратной стороной провозглашенного на заре американской истории «стремления к счастью», признанного за каждой личностью, становится самоутверждение, подменяющее высокий идеал низменным материальным успехом. В герое с поразительной точностью выдержано равновесие противоположных начал. Он одновременно располагает к себе и отталкивает, притягивает широтой натуры и загадочностью. Однако тайна богатства Г. Д., столь будоражащая умы, совсем не романтического свойства: он бутлегер, ведущий свое опасное дело с размахом путем темных махинаций и прямого нарушения закона. С преданностью мечте, удивительной чистотой сердца, сохраненной среди грязи и убожества, в душе уживаются пошлость и грубость дельца, переводящего чувства в долларовое исчисление. Однозначно оценить его невозможно. Г. Д. — характерно американская фигура еще в одном отношении. Это человек, буквально, по расхожему в США выражению, сделавший сам себя и тем самым претворивший в действительность американский символ веры, в основе которого — убежденность в существовании разных возможностей. Сын фермеров-неудачников из Северной Дакоты, вступивший на самостоятельный путь семнадцатилетним пареньком в рваной зеленой фуфайке и парусиновых штанах, в сущности, шел, быть может, сам того не подозревая, по стопам Франклина, подарившего соотечественникам первый специфически национальный архетип — оборвыша, ставшего одним из отцов-основателей нации. Джеймс Гетц, как сказано в романе, «выдумал себе Джея Гэтсби», вырос из «своего раннего представления о себе». Но об этом читатель узнает далеко не сразу. В обрисовке героя Ф. Ф. С. отказывается от простой хронологической последовательности, отражающей этапы его восхождения по общественной лестнице. Кроме того, история Г. Д. рассказывается не непосредственно «всезнающим автором», а передоверена другому персонажу романа, Нику Каррауэю, оказавшемуся соседом Г. Д. на Лонг-Айленде. Введение повествователя — одновременно посредника и ширмы — позволяет Ф. Ф. С. достичь необходимой дистанции автора по отношению к герою. Слава о Г.

Д., вернее, о его роскошных приемах, на которые съезжаются все знаменитости, гремит по всей округе — слава нувориша, швыряющего тысячи, повидимому, затем, чтобы поразить воображение толпы. И увидев Г. А впервые, когда он смотрит в усеянное звездами небо, Ник с иронией замечает, что тот «вышел прикинуть, какая часть... по праву причитается ему». Знакомство с Г. А побуждает его переменить свое мнение: за безвкусием и напористостью выскочки Ник открывает скрытый от посторонних глаз мир подлинных чувств, которыми живет герой романа. Глубоко, преданно и нежно он любит Дэзи Бьюкенен. Судьба свела его с ней, когда он проходил армейскую подготовку перед отправкой в Европу на фронт. Армейская форма открыла ему двери в дом, где жила Дэзи, девушка из «хорошей семьи», о которой ему нечего было и мечтать. Когда война окончилась, Дэзи, несмотря на свою любовь к Г. Д., вышла замуж за Тома Бьюкенена, человека ее круга, к тому же из «баснословно богатой семьи». Г. Д мечтает вернуть себе любовь Дэзи, но его воображения хватает лишь на то, чтобы постараться поразить ее своим богатством. Его любовь безмерна, но сама безмерность уродлива. В день, когда Дэзи впервые переступает порог его виллы и его душа переполняется благоговением и трепетом, преисполненный счастья Г. А демонстрирует возлюбленной тысячи своих прекрасных рубашек, даже не догадываясь, что женщина, соблазненная подобным зрелищем, недостойна его чувства и его мечты. Однако он, видимо, хорошо понимал свою Дэзи, в голосе которой, по его словам, «звонят деньги», потому что это материальное изобилие, распирающее стенки его шкафов, возвышает Г. Д в ее глазах, и она в конце концов соглашается расстаться с мужем. Однако в момент, когда счастье наконец улыбнулось Г. Д, стечение, казалось бы, случайных обстоятельств приводит к трагической развязке. Возвращаясь с Г. Д из НьюЙорка, Дэзи сбивает на шоссе женщину, которая умирает на месте. Ею оказалась любовница Тома, Миртл, узнавшая машину, в которой она перед этим видела его, и выбежавшая на дорогу, чтобы что-то ему сообщить. Ситуация проявляет истинную сущность характеров — Дэзи трусливо прячется за других, Г. Д. принимает ответственность за случившееся на себя, а Том, на которого могло пасть подозрение, направляет на него руку убийцы — доведенного до отчаяния мужа погибшей. Однако трагический финал романа — не случайность, а торжество истины, показывающей иллюзорность мечтаний героя, пытавшегося возвести свое счастье на зыбких основаниях американского кодекса веры — поклонения богатству как высшей ценности, способной купить добро, красоту, любовь. Личная трагедия героя становится отражением шаткости мифа об исключительности уготованной стране исторической судьбы. Но вместе с развенчанием Г. А и питавшего его иллюзии национального мифа Ф. Ф. С утверждает в его образе и непреходящую ценность мечты, способной преобразить бесцветное, поглощенное житейской суетой существование в великий праздник жизни. Устами Ника Каррауэя он отдает дань восхищения Г. Д., у которого был «редкостный дар надежды, романтический запал», который «верил в зеленый огонек, свет неимоверного будущего счастья».

Джон Дос Пассос

ДОС ПАССОС ДЖОН (Dos Passes John) (1896—1970), американский писатель, автор романов «Посвящение одного молодого человека» (1920), «Три солдата» (1921), «Манхэттен» (1925), эпопеи-трилогии «США», в которую вошли три романа- «42-я параллель» (1930), «1919» (1932), «Большие деньги» (1936), трилогии «Штат Колумбия» (1939 — 1948), романа «В середине века» (1961), автобиографии «Лучшие времена» (1966).

МАНХЭТТЕН (Manhattan Transfer) (роман, 1925) Манхэттен (Manhattan). В романе главенствуют не сюжет и не герои, а ритм и стиль жизни большого города. Факты и события в нем чаще не взаимообусловлены и логически не мотивированы. Отдельные эпизоды интересуют автора как слагаемые частицы целостной картины жизни: воздух, пахнувший толпой, шарканье ног, крики, сообщения газет о преступлениях, политических распрях, Дне независимости США, начале войны, о появлении змеи на Пятой авеню...; «магазины, люди в воскресных костюмах, соломенные шляпы, зонтики, трамваи»; «коричневые камни, асфальт, испещренный красными и зелеными буквами реклам, обрывки бумаги в водосточной канаве...». «Все сплеталось здесь в хаос ярких, пересекающихся плоскостей, цветов, лиц, ног, витрин, трамваев, автомобилей...» В этом круговороте жизни возникают и некоторые более подробно очерченные персонажи — люди с определенными проблемами и жизненными принципами. В поисках работы проводит дни Бэд Корпнинг. С букетом цветов в родильный дом мчится к своей жене Эд Тетчер. Джо Харленд видит залог успеха в синем шелковом галстуке, подаренном матерью. Колесами поезда изувечен молочник Гэс Мак-Нийл, решивший незадолго до случившегося купить крупную ферму. Несчастье становится началом карьеры адвоката Джорджа Болдуина, затеявшего дело против железной дороги. Болдуину приходится вести и бракоразводный процесс Джона Оглторпа и Эллен Тетчер, актрисы, дочери Эда и Сузи, умершей на третьем году жизни Эллен... События и обстоятельства врезаются друг в друга, лишь иногда вступая в причинно-следственные и временные отношения. Человек у Д. П. Д — «иголка в стоге сена». Нью-Йорк, куда люди тянутся в надежде выжить и найти свое место, поглощает вступающих с ним в схватку. «Как ни тошнит от Нью-Йорка, а уйти от него некуда. И это самое ужасное... Нью-Йорк — вершина мира Нам остается только крутиться и крутиться, как белка колесе», — рассуждает один из персонажей. Бродящий по ночью Сауз-стрит Джимми Хэрф, журна лист, очередной возлюбленный Эл лен, чувствует, как «им завладевает какой-то небоскреб — огромное здание, падающее на него с сумрачного неба всеми своими бесчисленными яркими огнями». Он бродит из квартала в квартал, ищет дверь] «жужжащего золотооконного небоскреба» — и не находит ее. «Мы в мясорубке», — говорит Хэрф о всепоглощающей Америке В последней главе автор пророчит Америке «бремя Ниневии», разрушенного города. Тему утраченных иллюзий воплощает судьба Эллен. Находясь между двумя полюсами — адвокатом Болдуином,

сделавшим карьеру обманом и предательствами, и Хэрфом, человеком без настоящего и будущего, она выходит замуж за первого, капитулируя перед силой и богатством. Роман Д. П. Д. был одним из первых образцов последовательного применения монтажа в литературе. Появившись на свет, «Манхэттен» заслужил различные эпитеты — «фрагментарный», «кинематографический», «архитектурный» и др. Все они говорят о его главном качестве, Отказавшись от линейного, разветвленного, последовательного развития сюжета и сосредоточенности на судьбе главных персонажей, писатель сделал своим героем город, калейдоскопичность, текучесть жизни, незавершенность и условность каждого ее момента

Уильям Фолкнер

ФОЛКНЕР УИЛЬЯМ (Faulkner William) (1897—1962), американский писатель, романист, новеллист. Романы: «Шум и ярость» (1929), «Свет в августе» (1932), «Авессалом, Авессалом!» (1936), трилогия «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959) и др., цикл новелл «Сойди, Моисей» (1942), «Притча» (1954) и др.

«АВЕССАЛОМ, АВЕССАЛОМ!» («Absalom, Absalom!») — роман У.Фолкнера. Был закончен в начале 1936 г. и в октябре того же года опубликован в издательстве «Рэндом хаус». Название романа восходит к библейской легенде о сыне царя Давида Авессаломе, смертью заплатившем за попытку свергнуть отца с трона. Сквозь призму вечных, общечеловеческих истин Фолкнер раскрыл трагедию американского Юга, которая заключается в попрании неписаных нравственных законов. Повествование относится к 1909 г. Главной героиней романа, полковник Сатпен, показан через восприятие четырех рассказчиков, каждый из которых владеет лишь частью информации о событиях, происшедших несколько десятилетий назад. Томас Сатпен, человек огромной и силы воли и целеустремленности, начинающий жизненный путь с нуля, достигает богатства и прочного положения в обществе, однако в итоге терпит крах, поскольку воспринимает любого человека не как самоценную личность, но как ступеньку на лестнице, ведущей к достижению его эгоистических целей. А ведь каждый человек, считает автор, хочет внести что-то своё в ткань существования, и те «ниточки», за которые он при этом дергает, касаются других людей. Поэтому ничто не проходит бесследно, и прошлое может уничтожить настоящее. Будучи в молодости на Гаити, Сатпен женился на дочери богатого плантатора Юлалии Бон. Родился сын, но Сатпен вскоре оставил жену и ребенка, в которых, как выяснилось, текла негритянская кровь, а это обстоятельство могло помешать герою в осуществлении далеко идущих планов. Вернувшись в Америку, Сатпен вступил в новый брак. Он купил у индейцев большой участок плодородных земель и начал возводить особняк, а когда француз-архитектор, не вынеся тяжелых условий жизни, бежал от Сатпена, тот организовал за ним погоню с собаками и держал в плену, пока не закончилось строительство. Возмездие из прошлого пришло в лице сына первой жены Сатпена, Чарлза Бона, который намеревался взять в жены свою сводную сестру Джудит. Он нашел смерть от руки брата по отцу, Генри Сатпена, который, видя в Боне друга, мог бы смириться с кровосмесительным браком, но не в состоянии преодолеть расовые предрассудки. Гражданская война положила конец благополучию Сатпена. Под старость ему пришлось содержать мелкую лавочку, управляться в которой герою-конфедерату помогает Уош Джонс, бывший на протяжении многих лет его верным слугой и слушателем-собутельником. Между тем, Сатпен во что бы то ни стало желает заполучить наследника (Генри после убийства Бона скрывается); рождение же дочери означало бы для него жизненный крах. Эта установка в свое время оскорбила и оттолкнула от него сестру покойной жены Розу Колдфидд, которой,

прежде чем вступить с ней в брак, Сатпен предложил доказать, что она способна родить ему сына. Понимая и оправдывая Сатпена во всех его поступках, Уош принимает как должное те знаки внимания, которые полковник оказывает его внучке Милли. Даже то, что Милли забеременела от Сатпена, который почти на пятьдесят лет ее старше, не кажется Джону кощунственным. Однако фраза, сказанная героем при рождении девочки (если бы Милли была кобылой, ей бы нашлось место в его конюшне), все перевернула. Джонс убивает Сатпена потому, что тот подорвал его веру в идеальную, героическую Америку, побежденный, но не сломленный Юг, лишил его существования смысла. История Томаса Сатпена подтверждает основной тезис Фолкнера: трагедия Юга ознаменовалась не конфликтом с Севером, а началом рабовладельческой эры в американской истории. Здесь, по сути дела, истоки нравственных преступлений Сатпена, которые тяжелым бременем легли и на его потомков.

АБЕССАЛОМ, АБЕССАЛОМ! (Absalom, Absalom!) (роман, 1936) Сатпен Томас (Sutpen Thomas) — главный герой романа, входящего в цикл произведений Фолкнера, действие которых развивается в выдуманном им южном округе Йокнапатофа. Он называл Йокнапатофу «крошечной почтовой маркой родной земли», утверждал, что «моей жизни не хватит, чтобы исчерпать эту тему, и что, сообщая действительности высокий переносный смысл... я создал собственный космос». С. Т. является героем такого рода, что прямое изложение его судьбы и прямая характеристика не даст представления ни о нем, ни о произведении. Как часто у Фолкнера, читатель не вводится в ситуацию. Роман начинается будто с середины, с клубка событий, о которых, не умолкая ни на минуту, рассказывает своему племяннику Квентину Компсону в «полутемной, жаркой и душной комнате, где уже сорок три лета подряд все ставни были наглухо закрыты», усохшая маленькая старуха, свояченица С. Т., Роза Колдфилд. Она говорит с неистовой страстностью, говорит о том, о чем молчала десятилетия. В комнате за спущенными шторами сжато время жизни нескольких поколений. Никаких логических объяснений в рассказе Розы нет. Нет ее и в дальнейшем течении романа, когда Квентин пытается слепить из обрывков историю, а может быть, легенду о своем родственнике С. Т. Повествование разрывается на череду внешне не связанных эпизодов. Действие обрывается, перебивается другим. В непрекращающейся борьбе голосов, теснящих друг друга событий ощущается некая высшая логика, заставляющая вспоминать об античном роке. Автор не нуждался в последовательном описании жизни героя. Ему важна была не история человека, развертывающаяся в череде лет, а главное его качество — безумная энергия, ярость, неостановимая атака на жизнь. В беседе со студентами Виргинского университета в 1957 г. Ф. У. сказал, что никогда не ставил себе задачи изображать человека целиком. Он выбирал то свойство характера, которое нужно было ему, «чтобы развивать повествование в нужном направлении». Он искал и находил черту, которая «задевала за обстоятельства», а задев, «тащила» человека по жизни. История о С. Т. сопряжена с историей американского Юга и его поражением в Гражданской войне с Севером. Здесь еще не перестали мечтать о

своей особой исторической миссии, своим величием, еще живут во власти отчаяния и жажды мести. Все это по-своему претворено в судьбе героя. Действие охватывает едва ли не столетие и протекает в столице Йокнапатофы Джефферсоне. С. Т. приходит сюда однажды неизвестно откуда, приходит почти что нищим, не имея ни друзей, ни связей. И вот на голом месте, в пустыне, которую стали потом называть Сатпеновой сотней, он, трудясь день и ночь вместе с полуголыми рабами неграми, построил или, как сказано в романе, '«выдрал дом и сад из девственного болота». Но и потом во всех действиях С. Т., во всем, что случается с ним или его окружает, сохраняется та же крайняя степень напряженности. Дом, жизнь в котором будет трагична, наполняется «оглушительным молчанием»: все будто кричит, но причины запутанны и не видны читателю. В каждом мгновении присутствует прошлое — каждая прожитая героем минута И только потом, где-то с середины книги, проявляется для читателя его идея. Нищим мальчиком С. Т. познал обиду неравенства. Слуга-негр не пустил его даже на порог богатого дома Горько осознав разницу между этим домом и родной лачугой, герой захотел одного: отомстить, во что бы то ни стало разбогатеть, основать свой род, стать плантатором, одним из тех богачей рабовладельцев, которые вскоре вместе с полковником С. Т. станут участниками Гражданской войны. Это и есть та черта, которая «тащит» С. Т. по жизни. Он захотел утвердить себя. Но делает это негодными средствами. И драматические (тоже долго неизвестные читателю, а потом пересказанные по клочкам разными лицами) перипетии романа сводятся к тому, что С. Т. становится надсмотрщиком на сахарной плантации на Гаити, женится на дочери владельца, потом расстается с женой и сыном, поняв, что кровь ее с примесью негритянской. После чего приезжает в Джефферсон строить свой дом. А сын его, Чарльз Бон, юношей участвует в Гражданской войне, учится в университете, дружит, не подозревая родства, с сыном С. Т. от второго брака Генри, влюбляется в его дочь Джудит. Возникает мотив инцеста, тоже доведенный, если помнить, что дело происходит на Юге, до крайней в восприятии южан степени — до смешения рас. «Чистый» сын убивает «нечистого» и бросает его к ногам сестры-невесты, еще не успевшей стать женой, после чего исчезает на долгие годы. Драматизм нарастает. С. Т. погибает, зарезанный своим верным слугой Уошем Джонсом за то, что, еще раз возжелав сына, он отказывается признать своей девочку, рожденную его внучкой. Дом горит. А оскорбленная Роза (и от нее С. Т. хотел без любви того, что ему было надо, — сына) ведет через много лет свой рассказ. Скорость и энергия не отпускают читателя на всем протяжении романа. Все происходит по логике ветхозаветного изречения: «Уже входят в двери те, кто вынесет тебя отсюда...» Настоящее совмещено с минувшим в еще текущем времени: «Не существует никакого «было», только «есть» (William Faulkner. *Three decades of criticism*. Michigan, 1960). Герой чувствует могучий напор жизни и ее логики, сокрушающих его мечту. Но не менее важен для Ф. У. неистовый его протест, брошенный в лицо действительности. От этого книга наполнена, как и другие романы Ф. У., «шумом и яростью». Ф. У. писал романы, в которых важную роль играли следствия проигранной, но не забытой Гражданской войны. Но это были и романы-притчи. Все поднято на высоту общечеловеческого и вечного. Библейские мифы, как и образы Шекспира,

сопровождали Ф. У. всегда. Роман о С. Т. — роман об утрате сына, о несостоявшемся, перечеркнутом безумием будущем. «Авессалом, Авессалом!» — это горестное восклицание, плач по убитому сыну библейского царя Давида, которому за грехи' не суждено было продолжить свой род: «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой, Авессалом! сын мой, сын, Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом! сын мой, сын мой!» (Вторая книга Царств, гл. 18, стих 33).

Шум и ярость (The Sound and the Fury)

Роман (1929)

«Жизнь — повесть, рассказанная кретином, полная шума и ярости, но лишенная смысла». Пересказывать эту повесть иначе, нежели она была рассказана первоначально, означает пытаться поведать совсем другую историю, разве что действующие в ней люди будут носить те же имена, их будут связывать те же кровные узы, они станут участниками событий, сходных со случившимися в жизни тех, первых; событий не тех же самых, но лишь в чем-то сходных, ибо что делает событие событием, как не рассказ о нем? Не может ли любой пустяк являть собой столько событий, сколько раз по-разному рассказано о нем? И что это, в конце концов, за событие, о котором никем не рассказано и о котором соответственно никому не ведомо?

Семейство Компсонов принадлежало к числу старейших и в свое время наиболее влиятельных в Джефферсоне и его округе. У Джейсона Компсона и его жены Кэрлайн, в девичестве Бэском, было четверо детей: Квентин, Кэндейси (все, кроме матери, звали ее Кэдди), Джейсон и Мори. Младший уродился дурачком, и когда — ему было лет пять — стало окончательно ясно, что на всю жизнь он останется бессмысленным младенцем, в отчаянной попытке обмануть судьбу ему переменяли имя на Бенджамин, Бенджи.

Самым ранним ярким воспоминанием в жизни детей было то, как в день смерти бабушки (они не знали, что она умерла, и вообще слабо представляли себе, что такое смерть) их послали играть подальше от дома, на ручей. Там Квентин и Кэдди принялись брызгаться, Кэдди промочила платье и перемазала штанишки, и Джейсон грозился наябедничать родителям, а Бенджи, тогда еще Мори, плакал оттого, что ему казалось, что Кэдди — единственному близкому ему существу — будет плохо. Когда они пришли домой, их стали спроваживать на детскую половину, поэтому они решили, что у родителей гости, и Кэдди полезла на дерево, чтобы заглянуть в гостиную, а братья и негритянские дети смотрели снизу на нее и на ее замаранные штанишки.

Бенджи находился на попечении негритят, детей, а потом и внуков Дилси, бессменной служанки Компсонов, но по-настоящему любила и умела успокоить его только Кэдди. По мере того как Кэдди выросла, постепенно из маленькой девочки превращаясь в женщину, Бенджи все чаще плакал. Ему не понравилось, к примеру, когда Кэдди стала пользоваться духами и от нее стало по-новому пахнуть. Во весь голос он заголосил и наткнувшись как-то раз на Кэдди, когда та обнималась с парнем в гамаке.

Раннее взросление сестры и ее романы тревожили и Квентина. Но когда он попытался было предостеречь, вразумить ее, у него это вышло весьма неубедительно. Кэдди же отвечала со спокойным твердым сознанием собственной правоты. Прошло немного времени, и Кэдди всерьез сошлась с неким Долтоном Эймсом. Поняв, что беременна, она стала срочно подыскивать мужа, и тут как раз подвернулся Герберт Хед. Молодой банкир и красавец, как нельзя лучше пришедшийся ко двору миссис Компсон, у Квентина он вызвал глубокое

омерзение, тем более что Квентин, учась в Гарварде, узнал историю об исключении Герберта из студенческого клуба за шулерство. Он умолял Кэдди не выходить за этого прохвоста, но та отвечала, что непременно должна выйти за кого-нибудь.

После свадьбы, узнав всю правду, Герберт отказался от Кэдди; та сбежала из дома. Миссис Компсон считала себя и семью бесповоротно опозоренными. Джейсон же младший только обозлился на Кэдди в уверенности, что она лишила его места, которое Герберт обещал ему в своем банке. Мистер Компсон, питавший склонность к глубоким раздумьям и парадоксальным умозаключениям, а также к виски, отнесся ко всему философически — в разговорах с Квентином он повторял, что девственность не есть нечто сущее, что она как смерть — перемена, ощутимая лишь для других, и, таким образом, не что иное, как выдумка мужчин. Но Квентина это не утешало: то он думал, что лучше бы ему самому было совершить кровосмесительство, то бывал почти уверен, что он его и совершил. В его сознании, одержимом мыслями о сестре и о Долтоне Эймсе (которого он имел возможность убить, когда, обо всем узнав от Кэдди, попытался с ним поговорить и тот в ответ на угрозы спокойно протянул Квентину пистолет), образ Кэдди навязчиво сливался с сестричкой-смертью святого Франциска.

В это время как раз подходил к концу первый год Квентина в Гарвардском университете, куда его послали на деньги, вырученные от продажи гольф-клубу примыкавшего к дому Компсонов выгона. Утром второго июня 1910 г. (этим днем датируется один из четырех «рассказов» романа) он проснулся с твердым намерением совершить наконец давно задуманное, побрился, надел лучший костюм и пошел к трамвайной остановке, по пути купив два утюга. Чудаковатому негру по прозвищу Дьякон Квентин передал письмо для Шрива, своего соседа по комнате (письмо отцу он отправил заранее), а потом сел в трамвай, идущий за город, к реке. Тут с Квентином вышло небольшое приключение из-за прибывшей к нему маленькой итальянской девочки, которую он угостил булочкой: ее брат обвинил Квентина в похищении, его арестовали, но быстро отпустили, и он присоединился к компании студентов — они давали показания в его пользу, — выбравшихся на автомобиле на пикник. С одним из них — самоуверенным богатым малым, красавчиком бабником — Квентин неожиданно для себя подрался, когда тот принялся рассказывать, как лихо он обходится с девчонками. Чтобы сменить испачканную кровью одежду, Квентин возвратился домой, переоделся и снова вышел. В последний раз.

Года через два после самоубийства Квентина умер мистер Компсон — умер не от виски, как ошибочно полагали миссис Компсон и Джейсон, ибо от виски не умирают — умирают от жизни. Миссис Компсон поклялась, что ее внучка, Квентина, не будет знать даже имени матери, навеки опозоренного. Бенджи, когда он повзрослел — только телом, так как душой и разумом он оставался младенцем, — пришлось оскотить после нападения на проходившую мимо компсоновского дома школьницу. Джейсон поговаривал об отправке брата в сумасшедший дом, но против этого решительно возражала миссис Компсон, твердившая о

необходимости нести свой крест, но при этом старавшаяся видеть и слышать Бенджи как можно реже.

В Джейсоне миссис Компсон видела единственную свою опору и отраду, говорила, что он один из ее детей уродился не в Компсонов с их зараженной безумием и гибелью кровью, а в Бэскомов. Еще в детстве Джейсон проявлял здоровую тягу к деньгам — клеил на продажу воздушных змеев. Он работал приказчиком в городской лавке, но основной статьей дохода для него была не служба, а горячо ненавидимая — за неполученное место в банке жениха ее матери — племянница.

Несмотря на запрет миссис Компсон, Кэдди как-то появилась в Джефферсоне и предложила Джейсону денег за то, чтобы он показал ей Квентину. Джейсон согласился, но обратил все в жестокое издевательство — мать видела дочь лишь одно мгновение в окне экипажа, в котором Джейсон на бешеной скорости промчался мимо нее. Позже Кэдди стала писать Квентине письма и слать деньги — двести долларов каждый месяц. Племяннице Джейсон иногда уделял какие-то крохи, остаток обналичивал и клал себе в карман, а матери своей приносил поддельные чеки, каковые та рвала в патетическом негодовании и посему пребывала в уверенности, что они с Джейсоном не берут у Кэдди ни гроша.

Вот и шестого апреля 1928 г. — к этому дню, пятнице Страстной недели, приурочен другой «рассказ» — пришли письмо и чек от Кэдди- Письмо Джейсон уничтожил, а Квентине выдал десятку. Потом он занялся повседневными своими делами — помогал спустя рукава в лавке, бегал на телеграф справиться о биржевых ценах на хлопок и дать указания маклерам — и был всецело ими поглощен, как вдруг мимо него в «форде» промчалась Квентина с парнем, в котором Джейсон признал артиста из приехавшего в тот день в город цирка. Он пустился в погоню, но снова увидел парочку, только когда та, бросив машину на обочине, углубилась в лес. В лесу Джейсон их не обнаружил и ни с чем возвратился домой.

День у него положительно не удался: биржевая игра принесла большие убытки, а еще эта неудачная погоня... Сначала Джейсон сорвал зло на внуке Дилси, смотревшем за Бенджи, — тому очень хотелось в цирк, но денег на билет не было; на глазах Ластера Джейсон сжег две имевшиеся у него контрамарки. За ужином наступил черед Квентины и миссис Компсон.

На следующий день, с «рассказа» о котором и начинается роман, Бенджи исполнилось тридцать три. Как и у всех детей, у него в этот день был торт со свечами. Перед этим они с Ластером гуляли у поля для гольфа, устроенного на бывшем компсоновском выгоне, — сюда Бенджи всегда непреодолимо тянуло, но всякий раз такие прогулки оканчивались слезами, и все из-за того, что игроки то и дело, подзывая мальчика на побегушках, кричали: «Кэдди». Вой Бенджи Ластеру надоел, и он повел его в сад, где они спугнули Квентину и Джека, ее приятеля из цирка.

С этим-то самым Джеком Квентина и сбежала в ночь с субботы на воскресенье, прихватив три тысячи долларов, которые по праву считала своими, так как знала, что Джейсон скопил их, долгие годы обворовывая ее. Шериф в ответ на заявление Джейсона о побеге и ограблении заявил, что они с матерью своим обращением сами вынудили Квентину

бежать, что же до пропавшей суммы, то у шерифа относительно того, что это за деньги, имелись определенные подозрения. Джейсону ничего не оставалось, кроме как самому отправиться в соседний Моттсон, где теперь выступал цирк, но там он получил только несколько оплеух и суровую отповедь хозяина труппы в том смысле, что беглецов прелюбодеев Джейсон может искать где угодно еще, среди же его артистов таких больше нет.

Пока Джейсон безрезультатно мотался в Моттсон и обратно, чернокожая прислуга успела вернуться с пасхальной службы, и Ластер выпросил разрешения на шарабане свозить Бенджи на кладбище. Ехали они хорошо, пока на центральной площади Ластер не стал объезжать памятник солдату Конфедерации справа, тогда как с другими Бенджи всегда объезжал его с левой стороны. Бенджи отчаянно заголосил, и старая кляча чуть было не понесла, но тут, откуда ни возьмись, оказавшийся на площади Джейсон выправил положение. Бенджи замолк, ибо и идиоту по душе, когда все на своем назначенном месте.

«ШУМ И ЯРОСТЬ» («The Sound and the Fury») роман Уильяма Фолкнера. Начат весной 1928 г., закончен осенью того же года, опубликован в 1929. В этом, одном из ранних романов Фолкнера многие критики видят следование поэтике Д.Джойса, автора романа «Улисс». «Шум и ярость» посвящен ведущей теме Фолкнера — краху патриархального американского Юга, явленному как бы в грандиозной синекдохе — в портрете деградирующего и распадающегося клана Компсонов, старинного южного рода. В 1945 г. автор дописал своеобразное приложение к «Шуму и ярости», в котором изложил хронику семьи Компсонов с конца XVIII до середины XX в. Этот роман стал второй — после романа «Сарторис» — книгой в фолкнеровской саге об американском Юге, воплощенном в образе вымышленной фразеологической цитаты из шекспировского «Макбета»: «жизнь — это история, рассказанная кретином, полная шума и ярости, но бессмысленная». Роман (первоначальное название «Сумерки») возник из «бессюжетного рассказа» о брате и сестре, которых в день похорон бабушки отослали из дома поиграть на ручей. Композиционно книга представляет собой своего рода прозаический тетраптих, состоящий из внутренних монологов («поточков сознания») трех представителей рода Компсонов и развернутого комментария автора-повествователя. Каждая часть строго привязана к конкретному дню из жизни семьи Компсонов: 7 апреля 1928 г., 2 июня 1910 г., 6 апреля 1928 г. и 8 апреля 1928 г. Первая часть — внутренний монолог глухонемого идиота Бенджамина (Бенджи), существующего вне времени: в его по сути младенческом мозгу все события слились в единое целое, где не различаются прошлое, настоящее и будущее. Нечленораздельное мычание Бенджи и его выключенность из мира нормальных людей и цивилизованных отношений символизируют излюбленную, экзистенциалистскую по существу, фолкнеровскую тему отчужденности человека в мире (ср. образ Джо Кристмаса в романе «Свет в августе»). Смысл сбивчиво-невнятного потока сознания слабоумного мальчика разъясняется во второй части — во внутреннем монологе Квентина Компсона,

возвращающего читателя на восемнадцать лет назад, ко дню самоубийства Квентина. Предсмертный «поток сознания» героя воссоздает трагическую историю краха и фатальной обреченности семьи Компсонов. Совершенно иной по тональности и смыслу предстает третья часть романа—монолог Джейсона Компсона, чья фигура выписана Фолкнером с изрядной толикой юмора и даже сатиры (в духе более поздних романов о клане Сноупсов). Если Бенджи выступает символом, так сказать, биологического краха клана Компсонов, то вульгарный, меркантильный Джейсон, насмешливо оценивающий иллюзии своих прекраснородственных родственников, олицетворяет морально-социальную деградацию аристократического рода. В четвертой части романа, которая рассказывается с точки зрения бесстрастного наблюдателя-автора, на авансцену выходят чернокожие обитатели дома Компсонов, в частности кухарка Дилси, воплощающая высокие ценности нравственности, человечности и духовной стойкости. Как отмечал английский критик У.Аллен, Дилси выполняет в романе роль хора греческих трагедий, становясь хроникером и комментатором «падения дома Компсонов». В одном интервью автор объяснил, почему рассказчиком первой части романа он избрал идиота Бенджи: по словам Фолкнера, его привлекла идея «слепой и сосредоточенной на себе невинности ребенка», которой обладает идиот, «знающий, что происходит, но не понимающий почему». Смена повествователей в романе символически соотносится с тремя типами мышления и восприятия: детским (ср. излюбленный образ невинного ребенка у романтиков, в частности, стихотворение У.Вордсворта «Мальчикидиот»), конкретно-чувственным, нерациональным восприятием Бенджи, данным как цепь событий, между которыми отсутствует причинно-следственная и временная связь; юношеской, внутренне противоречивой эмоциональной рефлексией Квентина, которая перекидывает символические мостики из настоящего в прошлое, и рациональной практической взрослой логикой Джейсона, которая однозначна и сугубо одномерна. В последней части история краха семьи Компсонов получает освещение с точки зрения аналитического объективизма автора. Структурно сюжет романа соотносится с новозаветным мифом. Так, события в первой и третьей части происходят соответственно в страстную пятницу и субботу, четвертой — в пасхальное воскресенье. В более поздних вещах, в частности в романе «Свет в августе», Фолкнер также использует евангельский миф в качестве символического фона сюжета, но делает это более нарочито. Помимо евангельского символизма в романе немало сугубо фолкнеровских сквозных символов (свеча, тьма, часы и пр.). Став своего рода американским ответом джойсовскому «Улиссу», этот роман в творчестве Фолкнера так и остался любопытным экспериментом. Последующие романы писателя написаны в традиционной повествовательной манере. Вместе с тем содержательные лейтмотивы, впервые прозвучавшие здесь, затем нашли продолжение и развитие, в частности в романе «Авессалом, Авессалом!», где появляется Квентин Компсон, и в трилогии о Сноупсах («Деревушка», «Город», «Особняк»). В одноименной экранизации романа (1959 г.) роль Квентина Компсона исполнил Юл Бриннер.

ШУМ И ЯРОСТЬ (The Sound and the Fury) (роман, 1929) Компсон Бэнджи (Compson Benjamin), полное имя Бенджамин, сначала Мори — главный герой первой части романа, действие которого происходит в столице Йокнапатофы Джефферсоне в два первых десятилетия XX а. Давно кончилась Гражданская война Севера с Югом, но след ее остался в психике героев, не способных принять новое, и в рушащемся старом укладе. Роман разделен на четыре части лишь одна из которых, последняя представляет собой традиционное повествование «от автора». Три первые части, рассказывая порой о возвращающихся в каждой из них событиях, имеют своим центром последовательно одного из трех персонажей — братьев Бэнджи, Квентина и Джексона Компсонов. Это не значит, что жизнь представлена, как часто случается в современных романах, с трех различных точек зрения, меняющих общую картину. Такой картины, особенно в первой части, будто и нет вовсе. Перед читателем три сознания. Они, эти сознания, бьются и трепещут, отстаивая себя в соприкосновении друг с другом и с грозной явью жизни. Только четвертая часть романа написана с авторской, объективной точки зрения. К. Б. — младший сын плантаторской семьи Компсонов, пришедшей к упадку и разорению. Вокруг К. Б. больная, вечно причитающая, выражающаяся высоким слогом мать, добрый, но спившийся и вскоре умерший отец, сестра и братья, «няньки» К. Б. — негры, негрятенка Дилси, на которой держится дом. К. Б. имеет прямое отношение названию романа, взятое из монолога шекспировского Макбета; «..жизнь — это рассказ, рассказанный кретином, полный шума и ярости, но ничего не значащий». К. Б. — олигофрен, он лишен дара речи, мучительно мычит, плачет, кричит. Ему посвящена первая часть романа. Перед читателем мир, в котором герой не видит себя, мало что понимает, но многое ощущает. Жизнь — чередование тепла, жара, холода, света, тьмы, голода, сытости. К. Б. сначала три года, потом тридцать три, но разумом он остается таким же. Все воспринимается им само по себе, отдельно. Живое и неживое наделено равно самостоятельностью: «Хочу залезть, но ящик отпрыгнул, ударил меня... и горло у меня сказала...» Кругом разговаривают, спорят, ссорятся. Но для К. Б. эти слова — шум. Времена спутаны. Роман начинается с последней точки (эта часть озаглавлена «7 апреля 1928 года»), т. е. с взрослого Б., но тут же без объяснений и переходов следуют эпизоды из прошлого. Оно наплывает в сознании К. Б., вызванное мимолетным сходством. Время сжато: в настоящем присутствует все прошедшее. К. Б. не понимает связи событий, не различает причин. Но в каждый момент жизнь может обрушиться на него всей своей тяжестью. Из этой части романа читатель узнает, что К. Б. оскопили. Подтолкнуло к этому его нападение на проходивших мимо школьниц — эпизод, переданный опять-таки через его сознание. Когда сестра Кэдди уходит из дому, отец умирает, а брат Квентин кончает с собой, К. Б. грозит отправка в сумасшедший дом. Для оставшихся — он надоедливый идиот, позор семьи. Но, как говорит о нем старый негр Роскус, К. Б. не понимает, он «чуёт». Он чуёт приближающуюся к дому смерть. Предчувствует, что из дома уйдет Кэдди — единственная, кроме служанки Дилси, любящая его всей душой. Вместо привычного ее запаха, запаха деревьев и трав, он слышит тогда запах духов, плачет, тянет ее

за платье, кричит, а потом безнадежно ждет у калитки, прижимает к себе ее туфлю. В части, посвященной К. Б, внешность его не описана. Но в части «от автора» он предстает перед читателем: «Шаги прошли столовую, дверь отворилась, и явился Ластер, а за ним мужчина, крупное тело которого казалось странно развинченным, рыхлым, расклеенным. Кожа его была землиста, безволоса. Белесые тонкие волосы гладко, челочкой зачесаны, как на детских фотографиях. Глаза чистые, нежно-васильковые; толстые губы обвисли слюняво». К. Б. — беззащитная жертва, элементарное сознание как таковое, существо, которое хочет жить. Его плач — «звук безнадежный и длинный. Шум. Ничего более. Как если бы — игрой соединения планет — все горе, утеснение всех времен обрело на миг голос». Компсон Джейсон (Compson Jason) — третий брат в семействе. Действие в этой части совершается на день раньше, чем в части, посвященной Бэнджи, — в апреле 1928 г. Но о К. Д уже известно кое-что из предыдущего. В его мире все одномерно, грубо, лишено того потока чувств и ощущений — смутных у Бэнджи, форсированно ясных у Квентина, — который и составлял там материю повествования. Уже для мальчика К. Д главное — деньги. Он добывает их правдами и неправдами, не гнушаясь предательства Тон задает самая первая фраза этой части романа: «А по-моему так: шлюхой родилась — шлюхой и подохнет». Это о Кэдди и ее дочери Квентине, вокруг которой завязывается узел событий. Главное тут, с одной стороны, деньги, а с другой — вымороченные представления об оскорбленном достоинстве. Уже пятнадцать лет Квентина обитает в доме бабушки, двери которого закрыты для Кэдди, ведущей, как тут твердят, позорный образ жизни. Едва расставшись с дочерью, Кэдди вымаливает у 1С Д, щедро заплатив за это, свидание с ней. Но тот лишь показывает запеленатого младенца в окне мчащегося экипажа. Бурная ненависть К. Д. усугубляется тем, что из-за расторгнутого брака Кэдди он лишился обещанного ее женихом места в банке и служит продавцом в мелкой лавочке К. Д. полагает себя вправе присваивать деньги, присылаемые Кэдди дочери, подсовывая бабушке подложные чеки, которые она, подначиваемая им, в благородном негодовании сжигает. С яростью одержимого он издевается над Квентиной, находящей опору только у старой негритянки Дилси. Доведенная до отчаяния Квентина, объявив, что во всем, что бы она ни сделала, будет виноват он, убегает из дому вместе с заезжим актером, захватив с собой деньги из шкатулки К. Д., которые ей на самом деле и принадлежали. «Холодный вы человек, Джейсон, если вы человек вообще», — говорит Дилси. В его душе кет ни красок, ни звуков мира, ни проблесков доброты. Корусть, подозрительность, уязвленное самолюбие, ненависть не только к Кэдди, Бэнджи, Квентине, но и к евреям, вообще к «чужим», в число которых входят северяне, да и ко всем людям — доминирующая черта характера, «зацепившись» за которую жизнь тащит этого страшного, несчастного и, в сущности, больного человека. «Видела первых, вижу последних», — повторяет Дилси, на руках которой выросли дети и внучка Компсонов. Она, отвергающая из всех лишь К. Д., не думающая о себе, знающая простую правду во всех ситуациях романа, работающая потому, что иначе дали не пойдет жизнь, обладает самыми ценными Ф. У. свойствами — стойкостью и бесстрашием духа. Компсон Квентин (Compson Quentin) — старший сын семьи Компсонов. Он действует, как это

часто бывает у Ф. У., и в романе «Авессалом! Авессалом!». Ф. У. нужен бы/ герой с подвижным, восприимчивым, ранимым сознанием. В «Шуме и ярости» ему ближе всего сестра Кэдди. Но Кэдди, в отличие от К. К., наделена мужеством. Он же, судьба; которого внешне благополучна, отвращен от жизни, пропитанной прошлым, но продолжает, как некий герой-романтик, лелеять в себе боль от поражения Юга в Гражданской войне. К. К. посвящена средняя часть романа, озаглавленная «2 июня 1910 года». Это и середина действия (самый ранний эпизод — смерть бабушки, когда дети играют у ручья и Кэдди смотрит с дерева в окна дома, 1898 г.). К. К. — студент Гарвардского университета- Чтобы послать его туда, семья продала луг, бывший по завещанию отца собственностью Бэнджи. Означенная дата — день, когда К. К. решает покончить с собой. Он хочет броситься в реку, бродит по берегу, покупает два утюга, чтобы сразу пойти ко дну, пакует свое имущество, пишет письма. В лавке к нему пристаёт маленькая итальянская девочка, он покупает ей булочки, угощает мороженым, она не отстает от него, молчит, не говорит, где живет. В конце концов они оказываются у реки. К. К. избивают родственники девочки, подозревая в соращении малолетней, ведут в полицию, откуда после свидетельства друга К. К. отпускают. Вернувшись в свое жилище, К. К. приводит в порядок испачканную одежду, чистит зубы, вытирает щетку, прячет ее в чемодан, думает, что открывать его больше не нужно, гасит свет, надевает шляпу. Но все это лишь внешняя канва событий, главное из которых — самоубийство — так и не показано автором. Существо, как и в предыдущей части, составляет поток чувствований, воспоминаний, мыслей героя, гораздо более организованных, чем у больного Бэнджи, но и тут возникающих вдруг, по внезапной ассоциации, а кроме того, все время возвращающихся к нескольким больным точкам. Одна из них обозначена ясно. Это Кэдди. Полный любви и ревности к ней, К. К. пытается отговорить ее от брака с молодым банкиром Сиднеем Гербертом Хедом, разбогатевшим на шулерстве. Но Кэдди должна, потому что «больна... и к доктору нельзя», потому что она беременна. К. К. встречается и дерется с возлюбленным Кэдди Долтоном Эймсом. После свадьбы Герберт Хейм прогоняет ее. К. К. мучается позором, который сестра навлекла на себя, после чего даже имя ее не упоминается в доме. Но дело не только в этом. К. К. убеждает себя и объявляет отцу, что связан с сестрой преступной любовью. Тема инцеста, характерная для Ф. У. (хотя бы в романе «Авессалом! Авессалом!»), заполняет почти все пространство, отданное в романе К. К. «Сестра» — это слово по поводу и без повода пестрит в его речах и мыслях. Сестричкой именуется он маленькую итальянку. Ребенка Кэдди он считает своим (родившаяся девочка получает, кстати, имя Квентина). Отец, отвергнув его признание, объясняет охватившее сына безумие тем, что К. К. девственник. Но есть и еще объяснение. Всеми, даже негодными средствами, К. К. сопротивляется жизни. «Ты хотел акт обычной человеческой глупости возвысить до грозного ужаса и очистить затем правдой», — говорит отец. Возможность инцеста выражает этот грозный ужас, но не ограничивает его. Ужас для К. К., как и для многих героев Ф. У., в кажущейся безнадежности жизни после проигранной десятилетия назад Гражданской войны, в том, что для Юга, да и для семьи Компсонов, где тоже все рушится, нет будущего, как нет будущего в любви брата к сестре.

Инцест — знак крайней степени безнадежности. Но это, как и самоубийство К. К., еще и попытка утвердить свою правду и свое ощущение жизни вопреки всему. Роман пронизан символическими мотивами. С самого начала К. К. слышит тиканье часов. Часы, наполнив свой дар особым смыслом, вручил К. К. отец: «Дарю тебе, Квентин, сию гробницу всех надежд и устремлений...» Порой кажется, говорится однажды в романе, что, когда все беды уже случились, у человека остается одно — время. Время — историческое и личное — беда, из которой не выбраться. К. К. прислушивается к бою курантов, ждет их удара, отмеряющего часы, оставшиеся до назначенной им себе смерти. Он пытается побороть время — разбивает подарок отца, поворачивает часы вниз циферблатом, но механизм действует. Время течет, переливаясь в вечность. «Вереница нерасслышанных секунд» похожа «на длинный, одиноко легший на воду световой луч, которым (по словам отца) впору шествовать Христу». Время течет, как неостановимо течет река, которую К. К. несколько раз пересек по мосту на трамвае в этот последний день жизни. Роман «Шум и ярость» опередил привычки читателей. Первый тираж — всего 1789 экземпляров — не расходился несколько лет. Но именно этот роман первым принес Ф. У. мировую славу и заслужил нескрываемую любовь к нему своего автора.

Свет в августе (Light in August)

Роман (1932)

Даже меньше месяца потребовалось Лине Гроув, чтобы когда пешком, а когда, но редко, на попутных повозках добраться от захолустного поселка при лесопилке в Алабаме до города Джефферсон, штат Миссисипи, где, как она почему-то полагала, устроился на работу Лукас Берч, от которого она понесла и которого, как стал подходить срок родить, она отправилась разыскивать, так и не дождавшись обещанного им при расставании с полгода назад письма с известием о том, где он обосновался, и с деньгами на дорогу. На самом подходе к Джефферсону Лине сказали, что фамилия того парня, что работает в городе на деревообделочной фабрике, на самом деле не Берч, а Банч, но не поворачивать же теперь было обратно. Этот самый Байрон Банч действительно работал на фабрике; несмотря на молодость, он чурался обычных развлечений белой швали, жил скромно и замкнуто, а по выходным, пока товарищи его немногими доступными им способами просаживали в городе недельный заработок, уезжал из Джефферсона руководить хором в сельской негритянской церкви. Байрона Банча Лина застала на фабрике и могла расспросить про Лукаса Берча, и с первой же минуты, с первых же слов в его душе стало расти неведомое ему доселе чувство, не только назвать которое, но и признаться в нем самому себе Байрона позднее заставил лишь священник Хайтауэр, единственный человек в Джефферсоне, с кем он частенько вел долгие беседы.

Гейл Хайтауэр жил в гордом уединении изгоя с тех пор, как вынужден был оставить кафедру после скандальной гибели жены, — которой город и до того не верил, что в конце почти каждой недели она уезжает не куда-нибудь, а проведать родственников, — в одном из сомнительных заведений Мемфиса. Как ни пытались горячие головы из местных вынудить отставного священника убраться из Джефферсона, он выстоял и доказал свое право остаться в городе, назначения в который добивался в молодости из-за того, что именно на Джефферсонской улице пал от пули северян его дед, когда, уже в самом конце войны, горстка всадников-конфедератов совершила мальчишески-отчаянный налет на склады генерала Гранта; одержимость этим эпизодом не оставила бы Хайтауэра, сколько бы он еще ни прожил.

По описанию Лины Байрон Банч понял, что отец ее будущего ребенка — под именем Джо Браун — и вправду обретается в Джефферсоне и даже какое-то время работал вместе с ним на деревообделочной фабрике, но уволился, как только стал хорошо зарабатывать продажей подпольного виски; этим делом он занимался на пару с приятелем по имени Джо Кристмас и с ним же жил в бывшей негритянской хижине на задворках дома Джоанны Берден.

Мисс Берден, женщина уже в летах, большую часть жизни прожила в своем доме в полном одиночестве: ее деда и брата после войны в самом центре города застрелил полковник Сарторис, не разделявший их убежденности в необходимости предоставления

чернокожим избирательных прав; для местных она навсегда осталась чужой и довольствовалась обществом местных негров. От ее-то дома и поднимался тот столб дыма, что Лина Гроув завидела на подходе к Джефферсону. Дом был подожжен, а хозяйка лежала у себя наверху в спальне с перерезанным бритвой горлом.

Убийцей мисс Берден был Джо Кристмас, как о том стало известно со слов Брауна, который поначалу скрылся, но объявился, как только стало известно о телеграмме родственника несчастной, назначившего за поимку убийцы награду в тысячу долларов. О Кристмase, невесте откуда появившемся в городе тремя годами раньше, никто толком ничего не знал, Браун же смог добавить о своем напарнике немногие, но чрезвычайно значимые в глазах джефферсонцев сведения: во-первых, Кристмас был Нигером, хотя по внешности его и принимали в худшем случае за итальяшку; во-вторых, он был любовником Джоанны Берден. Ничего удивительного, что за черномазым, покусившимся на постель, а потом и на жизнь белой женщины, пусть даже трижды янки, началась форменная вдохновенная охота, которой предстояло продлиться неполную неделю, до пятницы, когда злодея наконец схватили.

Браун был твердо уверен, что в жилах Кристмаса течет толика негритянской крови, сам же Кристмас такой уверенности не имел, и неопределенность эта была проклятием всей его жизни, лишь в последние часы которой он наконец узнал историю своего появления на свет и убедился — хотя, возможно, это и было ему уже безразлично — в том, что все, связанное с неграми, их запахом, особенно исходящим от женщин, неспроста и неотвязно преследовало его с тех пор, как он себя помнил.

Забегая вперед, правду о своем происхождении Кристмас узнал благодаря тому, что в соседнем с Джефферсоном городке Моттстаун, где он был схвачен, жили его дед с бабкой, старики Хайнсы, чья дочь Милли почти тридцать четыре года тому назад согрешила и хотела сбежать с циркачом, который считался мексиканцем, а на самом деле был отчасти негром; беглецов Хайнс догнал, циркача застрелил, Милли же привез домой, где она в положенный срок родила мальчика и умерла. Вскоре после появления на свет Хайнс унес младенца из дому, и бабка больше никогда не видела внука до того самого дня, когда сердце помогло ей распознать в пойманном убийце сына Милли. Хайнс подкинул младенца к дверям сиротского приюта; дело было под Рождество, и подкидыш получил имя Кристмас. Сам Хайнс поступил в тот же приют сторожем и мог торжествуя наблюдать, как неотступно карает десница Божия грех омерзительного блуда: невинные младенцы и те вдруг дружно стали называть Джо Кристмаса «Нигером». Это прозвище Кристмас запомнил.

В возрасте лет пяти стараниями приютской сестры, которую он случайно застал с молодым врачом и которая по глупости боялась доноса, Кристмас был спешно пристроен в деревню в семью Макирхенов, исповедовавших суровую безрадостную религию, почитаемую ими за христианство. Здесь от него требовали усердно работать, избегать всяческой скверны, зубрить катехизис и нещадно наказывали за нерадивость в исполнении этих обязанностей, чем добились лишь того, что Кристмас с годами приобрел стойкую ненависть к религии, а скверна и порок, олицетворением которых являлись для старого Макирхена городские, с их

табаком, выпивкой и расточительностью, а еще того хуже — женщины, напротив, мало-помалу стали для него чем-то вполне привычным. Еще за несколько лет до первой женщины, проститутки из соседнего городка, Кристмас с такими же, как он сам, подростками с соседних ферм отправился как-то к амбару, в котором молодая негрятка обучала их азам, но когда настала его очередь, что-то темное поднялось в нем в ответ на тот самый злословный взгляд негра, и он просто принялся жестоко избивать ее. Проститутку Кристмас долго и простодушно считал официанткой; Макирхен как-то ночью отправился на поиски греховодников, которых и нашел на загородных танцуйках, но находка эта стоила ему жизни; он обрушил на голову Кристмаса страшные ветхозаветные проклятия, а Кристмас на его — подвернувшийся под руку стул.

Бежав из дома приемных родителей, Кристмас исколесил континент от Канады до Мексики, нигде подолгу не задерживаясь, перепробовал множество занятий; все эти годы он испытывал и странную тягу к неграм, и часто непреодолимую ненависть, и омерзение, о собственной принадлежности к этой расе объявляя, лишь чтобы не платить, пусть и ценой мордобоя, денег в борделях, и то ближе к северу это уже не срабатывало.

К тридцати годам он очутился в Джефферсоне, где поселился в заброшенной негрятинской лачуге на задах дома мисс Берден, которая, узнав о новом соседстве, стала оставлять для Кристмаса еду на кухне, и он принимал этот молчаливый дар, но в какой-то момент все эти миски представились ему подаянием нищему Нигеру, и, взбешенный, он поднялся наверх и там безмолвно и грубо овладел белой женщиной. Эпизод этот имел неожиданное и роковое для обоих продолжение — через месяц или около того Джоанна сама пришла в хижину к Кристмасу, и это положило начало странным отношениям, длившимся три года, порою вопреки воле и желанию Кристмаса, которые, впрочем, мало чего в данном случае значили, ибо он подпал под власть силы иного порядка. Столь долго спавшая в мисс Берден женщина пробудилась; она становилась то неумолимо страстной, даже развратной, то в ней вдруг просыпалась тяга к изощренному любовному ритуалу, и она начинала общаться с Кристмасом через оставляемые в условленных местах записки, назначать ему свидания в укромных местах, хотя ни в доме, ни вокруг него никогда не было ни души... В один прекрасный момент, два года спустя, Джоанна сказала Кристмасу, что ждет ребенка, но по прошествии нескольких месяцев до его сознания дошло, что никакого ребенка не предвидится, что просто Джоанна стала слишком стара и ни на что не годна, — он так прямо ей и сказал, после чего они долго не виделись, пока наконец она всякими ухищрениями не вытребовала его к себе. Она упрашивала Кристмаса только постоять рядом с ним на коленях во время молитвы, когда же он отказался, направила на него старый кремневый пистолет (в котором, как позже выяснилось, было два заряда — для обоих). Пистолет дал осечку, а у Кристмаса случилась при себе бритва.

Почти неделю он был в бегах, но при этом, ко всеобщему удивлению, не пытался убраться подальше, все эти дни петляя по окрестностям Джефферсона, как будто бы только притворялся, что ищет спасения; когда Кристмаса опознали в Моттстауне, он и не пробовал

сопротивляться. Но в понедельник по дороге в суд он бросился бежать и укрылся в доме священника Хайтауэра, где и был застрелен.

Накануне Байрон Банч приводил к Хайтауэру бабушку Кристмаса, которая рассказала ему историю внука, и вместе они просиди священника показать на суде, что в ночь убийства Кристмас был у него, и тот, поначалу отказавшись, когда преследователи ворвались в его дом, этим лжепризнанием тщетно пытался остановить их. Утром же этого дня в хижине, где прежде жили Кристмас с Брауном и куда Банч в отсутствие хозяев наведывался к Лине Гроув, Хайтауэр принял роды. Миссис Хайнс в некотором помутнении от всех событий уверила себя в том, что младенец и есть ее внучок Джо.

Вопреки своему чувству к Лине, а может и в силу его, Байрон Банч попытался было дать ребенку отца, а его матери — мужа, но Браун сбежал из их хижины, а когда Банч догнал его и попытался вернуть силой, намял преследователю бока и скрылся на сей раз навсегда. Лину с младенцем на руках и с Банчем видели потом на дороге в Теннесси. Не то чтобы даже она снова пыталась разыскать отца ребенка, скорее, просто хотела еще немножко посмотреть белый свет, каким-то чувством понимая, что стоит ей теперь осесть на одном месте — это будет на всю жизнь.

«СВЕТ В АВГУСТЕ» («Light in August») - роман У.Фолкнера. Первоначальное название «Темный дом», начат в августе 1931 г., завершён в феврале 1932. Опубликован в том же году. Очередная книга в многотомной саге о вымышленном округе Йокнапатофа в южном штате Миссисипи. Сам Фолкнер пояснял смысл названия своего романа так: «В середине августа в Миссисигши бывает несколько прохладных дней, когда внезапно возникает предощущение осени и свет как-то особенно сверкает и искрится... В нем видятся фавны, сатиры, боги». В романе несколько обособленных сюжетных линий, которые сплетаются благодаря единству времени и места описываемых событий. Первоначально главной героиней романа должна была выступить беременная женщина Лина Гроув, которая бродит по дорогам Йокнапатофы в поисках бросившего ее любовника. В окончательной редакции Лина появляется лишь дважды — в начале и в финале, однако ее образ имеет существенное значение в смысловой структуре романа. Беременная Лина — это символ языческого вечного природного начала, олицетворение неизбывного круговорота жизни (один из первоначальных вариантов названия романа: «Роды в августе»). Второй важный персонаж, священник Хайтауэр, озабоченный исторической трагической судьбой американского Юга, в ранних редакциях также был центральной фигурой романа. В окончательном варианте на передний план выдвинулся образ Джо Кристмаса, в образе которого угадывается парадигма античной трагедии рока, сопряженная с темой экзистенциализма XX в. — мотивом фатального одиночества и отчужденности человека во враждебном ему мире. Сам Фолкнер считал Джо Кристмаса одним из немногих своих трагических героев. Джо Кристмас — «антиобщественный элемент»: вор, убийца, торговец контрабандным спиртным. Подобно Клайду Гриффитсу Т.Драйзера, он

жертва «американской трагедии». Характеризуя своего героя, писатель отмечал: «Ни про кого нельзя сказать, что он только плохой или только хороший... Человек пытается быть лучше в пределах возможного». «Пределы возможного» для Джо Кристмаса чрезвычайно тесны. Он смутно догадывается, что в его жилах греховно смешалась белая и негритянская кровь и старается обрести спасение, живя в согласии с внутренним зовом души. Но этот зов, оказывается, несет саморазрушение. Трагическая неприкаянность — удел героя романа, который ощущает неосознанную тягу к тайным братьям по крови, но те гонят прочь «белого человека», когда он появляется в негритянском гетто. Одновременно он испытывает ненависть к белым, и эта ненависть понуждает его совершить два убийства. Вся биография героя — это путь, говоря словами Камю, «бунтующего человека», бросившего вызов работодателям своей души — сначала персоналу сиротского дома, потом приютившим его бездетным фермерам, потом — всему миру, которому он бессознательно мстит за страдания, причиненные белыми хозяевами его чернокожим предкам. Джо — узник своей памяти, страшных воспоминаний об исковерканной жизни, исполненной лишений и унижений. Но этот «негритянский ублюдок» еще и кладезь коллективной памяти предшествующих поколений. Сам он не отдает себе отчета в том, отчего бурлит в нем неукротимое агрессивное бунтарство. Ответ формулирует мисс Берден, его последняя жертва, в знаменитой сентенции о «черной тени креста», которая падает на лицо всех новорожденных белых детей, обреченных быть распятыми на нем. Словно подтверждая истинность этих слов, Джо Кристмас, «безропотный слуга рока», добровольно отдает себя в руки своих палачей. Его гибель — не только итог несчастной и греховной тридцатитрехлетней жизни, но и результат всех прошлых десятилетий, «которые загрязнили его белую кровь — или его черную кровь». Вместе с тем помимо социальной обусловленности, образ героя имеет и символический смысл: это странное, отчасти гротескное иновоплощение Иисуса Христа, принявшего мученическую смерть за грехи своих соплеменников, за взаимную ненависть людей разных рас. Символична фамилия героя, дословно означающая «Рождество Христово» (ведь новорожденного Джо нашли на ступеньках сиротского приюта в рождественскую ночь). К тому же английские инициалы J.C. — это не только Joe Christmas, но и Jesus Christ. Характерны и некоторые событийные штрихи судьбы героя: беглеца сдает полиции за денежное вознаграждение его «ученик», поимка беглого преступника происходит в страстную пятницу, и погибает он в возрасте 33 лет. Впрочем, до масштабности Сына Божия Джо Кристмасу, конечно же, далековато, и потому параллель с фигурой и судьбой Спасителя выглядит в романе натяжкой. Это единственный роман, чьи главные герои больше не встречаются в других книгах «йокнапатофского» цикла Фолкнера. Некоторые элементы поэтики и символики этого романа прослеживаются в романе Д.Гарднера «Октябрьский свет» (1976 г.).

СВЕТ В АВГУСТЕ (Light in August) (роман, 1932) Гроув Лина (Grove Lena) — женщина, прошедшая пешком от Алабамы до Джефферсона в поисках отца своего ребенка,

соблазнившего ее и сбежавшего. История Г. Л. занимает в романе сравнительно малое место (являясь по существу только обрамлением книги). Но Ф. У. утверждал, что «история началась с Лины Гроув, с образа молодой женщины, у которой ничего нет, беременной, твердо решившей найти своего возлюбленного. По мере того как я рассказывал эту историю, я все больше и больше влезал в нее, но это главным образом история Лины Гроув». На первых страницах романа Ф. У. так представляет Г. А: «Она смотрит спокойно и любезно — молодая, миловидная, бесхитростная, доброжелательная и живая». В этой характеристике главным является слово «живая». Г. Л — живой, ясный человек, не отягощенный грузом предрассудков, воспитания, религиозных предубеждений. Люди, с которыми Г. Л. сталкивается на своем пути, невольно поддаются под ее обаяние, обаяние простоты и бесхитростности, — они отвечают ей добром, помогают ей. В этом смысле дорога Г. Л. служит антитезой дороге Джо Кристмаса. Если его путь был непрекращающимся бегством от самого себя и от людей, то ее — все новые и новые добрые контакты с людьми. Попав по чистой случайности в Джефферсон, Г. Л «вовлекает в свою орбиту» Байрона Банча, незаметного человека, старающегося честно и тихо пройти свой путь, никому не причиняя зла, который не бежит от жизни, как большинство героев романа, но сторонится ее. Байрон Банч влюбляется в Г. Л и уезжает с ней из Джефферсона. Священник Хайтауэр принимает роды у Г. Л, и его сопричастность рождению ее ребенка наполняет и Хайтауэра неведомым ему доселе чувством, согревает его сердце, — «волна, прилив чего-то, почти горячего, почти торжества, накатывает на него». Ф. у. поднимает естественность Г. Л. до символа. Выступая перед студентами Виргинского университета, он говорил о Лине, что в ней «есть нечто от язычества — приятие всего, желание иметь ребенка, которого она отнюдь не стыдится, — не важно, есть у него отец или нет... что касается ее, то ей и не особенно нужен для ребенка какой-нибудь отец, не более, чем женщинам, рожавшим от Юпитера, нужен был дом или отец ребенку». Кристмас Джо Оое Christmas) — центральный персонаж романа, фигура безусловно трагическая. Его мать убежала из дома с молодым человеком из бродячего цирка, но ее отец, Джо Хайнс, догнал их, убил парня и вернул дочь домой. С той поры Хайнсом овладела навязчивая идея, что соблазнитель его дочери имел в себе негритянскую кровь, себя он начинает считать орудием божьего гнева, мстителем за белую расу. Он фактически убивает свою дочь во время родов, а ребенка подбрасывает в приют, где ему дают имя Кристмас («И в Писании так: Кристмас, сын Джо. Джо, Кристмас» — имеется в виду Христос, сын Иосифа). Одна из работающих в приюте женщин, желая избавиться от мальчика, оказавшегося случайным свидетелем ее любовного свидания, заявляет начальнице, что в нем есть примесь негритянской крови, а следовательно, его нужно убрать из приюта для белых. Усыновивший К. Д после приюта фермер Макихерн — религиозный фанатик, безжалостный человек, не знавший, что такое сомнение или сострадание (он жертва идеи отрицания жизни, которая представляется ему греховной прелюдией к смерти и единению с богом). Будучи сам жертвой, Макихерн, в свою очередь, плодит жертв вокруг себя. Такой жертвой оказывается К Д Но в К, Д Макихерн наталкивается на упорное внутреннее сопротивление. В семнадцать лет К Д

убивает своего приемного отца и бежит из дома, Так начинаются его скитания, которые в конце концов приводят его в городок Джефферсон, где он сталкивается Джоанной Верден, которая посвятила всю свою жизнь помощи неграм. Некоторое время продолжается ее близость с К. Д, а когда страсть утихает, она требует, чтобы К. Д признал себя негром и разделил с ней ее труды. Но для К. Д это невозможно, он убивает Джоанну, поджигает ее дом и бежит из города. Через несколько дней его ловят. Уже в наручниках, он вырывается и бежит в дом священника Хайтауэра, который пытается спасти К. Д. Но трагический финал неотвратим: с того момента, как про К. Д было сказано слово «нигер», люди превращаются в толпу линчевателей, не видящих и не слышащих ничего вокруг. Трагический апофеоз романа — сцена гибели К. Д «В какие бы мирные долины ни привела их жизнь, к каким бы тихим берегам ни прибила старость, какие бы прошлые беды и новые надежды ни пришлось им читать в зеркальных обликах своих детей — этого лица им не забыть». В этой сцене К. Д обретает ореол святого, происходит прямое сближение его истории и его мученического конца с евангельской легендой, на которое с самого начала намекало его имя. Но гораздо значительнее в сцене трагической гибели К. Д идея, занимавшая большое место в произведениях Ф. У, — убеждение, что каждое преступление накладывает свою печать на души последующих поколений — печать страха, вины, ненависти. К. А — и преступник, и жертва. Но в первую очередь — жертва расовой ненависти, и, что самое главное, он, как и большинство героев романа, — жертва идеи бегства от жизни. Но он — единственный, кого вынуждают на это. С самого начала своей жизни К. А обречен на незнание того, кто он — белый или негр. «В этом его трагедия, — объяснял Ф. У, — он не знает, кто он, и потому он никто... Вот что для меня было центральной трагической идеей всей этой истории, — то, что он не знает, кто он, и у него нет никаких возможностей выяснить это. А для меня это самая трагическая ситуация, в которой может оказаться человек, — не знать, кто он, и знать, что никогда этого не узнает». Как-то Джоанна Верден пересказала К. А слова своего отца: «Проклятье черной расы — Божье проклятье. Проклятье же белой расы — черный человек, который всегда будет избранником Божьим, потому что однажды Он его проклял». (Имеется в виду библейское предание о том, что Ной проклял своего сына Хама и предсказал, что потомки его будут рабами потомков Сима и Иафета. От Хама, по преданию, пошли африканские народы.) «Его (К.) единственное спасение, — говорил Ф. У, — чтобы жить в мире с самим собой, это отречься от человечества, жить вне человеческого общества. Он пытается делать это, но общество не позволяет ему». М. М. Носкович Хайтауэр Гэйл (Gail Hightower) — бывший священник в городе Джефферсоне. Как большинство героев романа — жертва идеи бегства от жизни. Он идеалист, пытающийся скрыться от этого «шумного, грубого мира». Х. Г. бежит от жизни, пытаясь найти защиту в служении церкви. «Он верил со спокойной радостью, что если есть на свете убежище, то это церковь, что если правда может быть нагой, без стыда и боязни, то в семинарии. Когда он верил, что нашел призвание, его будущая жизнь представлялась ему незыблемой, во всех отношениях совершенной и невозмутимой...» После семинарии он приехал в Джефферсон, но вскоре жену его, по

рассказам обывателей, убили в публичном доме Мемфиса, и ему пришлось уйти из церкви. Из города он уехать не захотел, хотя его «пробовали заставить», но он остался и живет один, почти все о нем забыли. Единственное, что у него осталось, из-за чего он приехал именно в Джефферсон и не хочет его покидать, — это память о его деде-кавалеристе, который поджег в городе склады генерала Гранта во время Гражданской войны. Ему словно «безразличны были люди, живые люди». Говорили, «будто даже на кафедре он не мог отделить религию от скачущей конницы и покойного деда, застреленного на скаку. И в личной жизни, у себя дома, тоже, наверное, не мог отделить». Ни в религии, ни в семейной жизни Х Г. не обрел желаемого покоя. Единственный человек, с которым он общается, это Байрон Банч — простой, тихий человек. Но именно он «втягивает в земные дела» Х Г., который понимает, что молодая беременная женщина — Лина Гроув — разрушает стены, которыми он сам и Байрон отгородили себя от жизни. Х Г. боится этого. «Я купил непричастность, — уговаривает он себя. — Я заплатил за это. Я хотел лишь покоя, я уплатил их цену, не торговался». Когда-то Х. Г. принял роды у негритянки, когда поблизости не оказалось врача; ребенок родился мертвым, но по городу еще долго ходили слухи, что ребенок этот был ребенком Х. Г. и тот его убил. Спустя пятнадцать лет ему приходится принимать ребенка Лины Гроув, и это наполняет его счастьем, «почти торжеством». Лина предстает в мыслях Х. Г. символом жизни, продолжения рода. «Ей придется рожать еще, и не одного — он вспоминает молодое, сильное тело, даже там, в родовых муках, сиявшее мирным бесстрашием». Вовлеченность Х. Г. в «земные дела» оборачивается трагедией, когда пойманный в конце концов Джо Кристмас вырывается от своей стражи и бежит в дом Х Г. и тот, в отчаянной и безнадежной попытке спасти его от преследующей толпы линчевателей, кричит им, что К провел ту ночь, когда была убита Джоанна Берден, в смерти которой обвиняют Кристмаса, у него. Это не помогает, и Кристмаса убивают в доме бывшего священника. Появление в городе Лины Гроув изменяет не только жизнь Байрона, но и ХГ, и это спасает его. Потому что «он исковеркал свою жизнь. Он потерял жену. Он потерял самого себя... Он должен был терпеть, жить, но у него оставалось чистое и прекрасное — это память о дедушке, который был храбр».

Джон Стейнбек

СТЕЙНБЕК ДЖОН (Steinbeck John) (1902—1968), американский писатель, автор рассказов, романов «Райские пастбища» (1932), «Консервный ряд» (1945), «Заблудившийся автобус» (1947), «К востоку от рая» (1952), «Зима тревоги нашей» (1962), ряда пьес и киносценариев. Лауреат Нобелевской премии (1962).

Гроздь гнева (The Grapes of Wrath)

Роман (1939)

По пыльной дороге среди кукурузных полей Оклахомы идет человек лет тридцати. Это Том Джоуд. Отсидев в тюрьме за случайное убийство, он возвращается домой, на ферму. Он выходит из тюрьмы досрочно и поэтому не имеет права покидать пределы штата. На ферме его должна ждать большая семья Джоуд: дед с бабкой, отец с матерью, три брата и две сестры. По дороге Том встречает бывшего проповедника-иеговиста Джима Кейси. Они продолжают путь вдвоем. Но Том еще не знает, что фермеров сгоняют с их участков. Хозяевам теперь невыгодно сдавать землю в аренду. Трактор обработает поле гораздо быстрее, чем несколько фермерских семей. Люди готовы защищать землю, которую они считают своей. Но в кого стрелять? В тракториста, который распахивает ваш двор? Или в директора того банка, которому принадлежат эти земли? И люди вынуждены подчиниться. С ужасом видит Том пустой двор и заваленный набок дом. Случайно проходивший мимо сосед рассказывает, что Джоуды готовятся к отъезду на ферме дяди Джона. Том и Кейси отправляются туда. Семья встречает Тома с радостью. На следующий день на небольшом подержанном грузовичке вся семья отправляется в путь. Проповедник Кейси едет с ними. Они направляются в Калифорнию в надежде найти там работу и жилье, как обещано в рассылаемых повсюду рекламных листках. Выехав на магистральное шоссе, их грузовик вливается в поток беженцев, которые двигаются на Запад.

В дороге Джоуды знакомятся с мужем и женой Уилсонами. Во время одной из остановок в палатке уилсонов умирает старый дед Джоуд. Его хоронят прямо около дороги. Том и младший брат Эл помогают Уилсонам починить машину, и две семьи продолжают путь вместе.

Кажется, вся страна бежит на Запад от какого-то врага. Когда одна семья делает привал, рядом всегда останавливаются еще несколько. По ночам вдоль шоссе возникают миры со своими законами, правами и наказаниями. Человек, у которого есть еда, кормит голодного. Озябшего согревают. Семья, в которой кто-то умирает, находит утром возле палатки горстку монет. И по мере продвижения к Западу эти миры становятся все более совершенными и благоустроенными, потому что у строителей появляется опыт. Здесь начинается переход от «я» к «мы». Западные штаты беспокоятся — близки какие-то перемены. А в это время полмиллиона людей движутся по дорогам; еще один миллион охвачен тревогой, готов в любую

минуту сняться с места; еще десять миллионов только проявляют признаки беспокойства. А тракторы проводят борозду за бороздой по опустевшей земле.

Чем ближе к Калифорнии, тем чаще попадаются на дороге люди, которые бегут в обратном направлении. Они рассказывают страшные вещи. Что народу понаехало много, работы не хватает, платят гроши, на которые нельзя даже прокормиться. Но надежда, что страна с рекламной картинки — белые домики среди зеленых садов — все-таки существует, ведет людей вперед. Наконец, вместе преодолев все трудности долгого пути, Джоуды и Уилсоны добиваются до Калифорнии.

Перевалив через горы, они делают привал у реки. Впереди последний тяжелый переезд через пустыню. И тут старший брат Ной вдруг отказывается ехать дальше и, ни с кем не прощаясь, уходит вниз по реке, возле которой, как он говорит, всегда можно прокормиться. Люди еще не успели отдохнуть как следует, а возле палаток уже появляется шериф. Он велит всем убираться оттуда. Вечером Джоуды уезжают, чтобы пересечь пустыню ночью, пока нет солнца. Уилсоны остаются — больная жена Уилсона не в состоянии ехать дальше.

Во время переезда через пустыню у Джоудов умирает бабка. Ее хоронят в городе Бейкерсфилде на общественный счет. В Калифорнию Джоуды прибывают, имея всего около сорока долларов, и на хорошие похороны, о которых мечтала бабка, денег у них не хватает.

Плодородная страна враждебно встречает толпы голодных кочевников. Собственники вооружаются кто винтовкой, а кто киркой, готовясь защищать свою собственность. Оплата труда падает. Люди, жаждущие работы, готовы пойти на все ради того, чтобы накормить детей, заполняют все дороги. И в их сознании начинает бродить ярость.

Джоуды останавливаются в придорожном лагере, называемом Гувервиле. Здесь семью покидает Кони, муж сестры Тома Розы Сарона. Беременная Роза тяжело переживает его уход. В этот день в Гувервиле появляется подрядчик, нанимающий рабочих на сбор фруктов. Его сопровождают шерифские понятые. Один молодой человек требует у подрядчика документы. Понятые тут же обвиняют его в красной агитации и пытаются арестовать. Начинается потасовка, в которой участвует Том. Чтобы у Тома не было неприятностей с полицией, проповедник Кейси берет вину на себя. Понятые увозят его с собой, на прощание обещая поджечь лагерь. Поздно вечером Джоуды уезжают. Они двигаются к югу, чтобы разыскать правительственный лагерь Уидпетч, о котором слышали в Гувервиле. О правительственных лагерях люди говорят хорошо. Там самоуправление, полиция туда не суется. Там даже есть горячая вода. Там можно почувствовать себя человеком. Ночью их останавливает группа вооруженных людей и требует, чтобы эти проклятые Оки (то есть оклахомцы) ехали в любом другом направлении. Том поворачивает грузовик, еле сдерживаясь, чтобы не устроить драку. Пока они колесят по проселочным дорогам, мать пытается успокоить Тома. Она говорит, что не надо переживать из-за этих людей, ибо народ нельзя уничтожить, он будет жить всегда. Тома удивляют ее рассуждения.

В правительственном лагере действительно прекрасные условия для жизни. Но работы в окрестностях нет. Люди пытаются понять, что надо делать, чтобы жить по-человечески.

Среди них появляются агитаторы, которые призывают создавать союзы, держаться друг за дружку, потому что власти способны бороться только с одиночками.

В Калифорнии хорошая земля. В урожайный год ветви гнутся под тяжестью наливающихся соком плодов и лозе тяжело от виноградных гроздьев. Но закупочные цены слишком низки. Мелкие фермеры не всегда могут собрать урожай, у них нет денег платить за уборку даже по самой низкой цене. Уцелеть могут только крупные собственники, имеющие консервные заводы. И урожаи гниют, и над страной витает запах гниения. А дети умирают от недоедания, потому что пищу гноят намеренно. Горы фруктов горят, политые керосином. Картофель выбрасывают в реки. Люди приходят подобрать продукты, но охрана гонит их прочь. И в глазах, и в душах голодных людей наливаются и зреют тяжелые гроздья гнева, и дозреть им теперь уже недолго.

Вскоре Джоуды покидают Уидпетч. В поисках работы они едут на север. Неожиданно полицейские на мотоциклах преграждают им путь и предлагают работу. Машина сворачивает с шоссе, и Том с удивлением видит стоящих вдоль дороги и что-то скандирующих рабочих. В сопровождении мотоциклистов грузовик Джоудов вместе с другими машинами въезжает в ворота лагеря для сборщиков фруктов. Вся семья начинает работать на сборе персиков. Проработав целый день, они зарабатывают только себе на ужин. Цены в местной лавке гораздо выше, чем в других местах, но продавец — не хозяин лавки, он тоже всего лишь наемный рабочий, не он устанавливает цены. Когда мать берет в лавке продукты, у нее не хватает денег на сахар. Она пытается уговорить продавца отпустить ей в долг. В конце концов он отпускает ей сахар, положив в кассу свои деньги. уходя, мать говорит ему, что точно знает, что за помощью надо идти только к беднякам, только они и помогут.

Вечером Томас выходит побродить в окрестностях лагеря. Увидев одиноко стоящую палатку, он подходит к ней и находит там проповедника Кейси. Кейси рассказывает Тому о своих тюремных впечатлениях. В тюрьму, считает Кейси, попадают по большей части хорошие люди, которых нужда заставляет воровать, все зло в нужде. Рабочие в лагере, объясняет Кейси, бастуют, потому что плата за работу непомерно снижена, а Джоуды и приехавшие одновременно с ними оказываются в роли штрейкбрехеров. Кейси пытается уговорить Тома выступить в лагере перед рабочими, чтобы они тоже начали бастовать. Но Том уверен, что наголодавшиеся и наконец получившие хоть какую-то работу люди на это не пойдут. Вдруг рабочие слышат крадущиеся шаги. Том и Кейси выходят из палатки и пытаются скрыться в темноте, но натываются на человека, вооруженного палкой. Это разыскивает именно Кейси. Обозвав его красной сволочью, незнакомец наносит удар, и Кейси падает замертво. Не помня себя, Том выхватывает у врага палку и со всей силы бьет его. Бесчувственное тело падает к ногам Тома, Тому удается убежать, но он тоже ранен — у него перебит нос. Весь следующий день Том не выходит на улицу. Из разговоров в лагере становится известно, что человек, избитый Томом, мертв. Полицейские разыскивают убийцу с изуродованным лицом. Забастовка прекращена, и плату за работу сразу понизили вдвое. Тем не менее в саду люди дерутся за право работать.

От недоедания заболевает десятилетний Уинфилд. Розе Сарона скоро рожать. Семья должна найти хорошее место. Спрятав Тома среди вещей на дне грузовика, Джоуды благополучно выбирают из лагеря и едут проселочными дорогами. Ближе к ночи им попадает объявление, что нужны сборщики хлопка. Они остаются, поселяются в товарном вагоне. Заработки хорошие, хватает не только на еду, но и на одежду. Том все это время прячется в зарослях на берегу речки, куда мать носит ему еду. Но однажды маленькая Руфь, играя со сверстницами, проговаривается, что ее большой брат убил человека и скрывается. Том и сам уже думает, что оставаться в таком положении опасно и для него, и для всей семьи. Он собирается уйти и делать то же, что покойный Кейси, ставший из проповедника агитатором, — поднимать рабочих на борьбу.

Сбор хлопка заканчивается. Работы теперь не будет до весны. Денег у семьи совсем не осталось. Начинается сезон дождей. Река выходит из берегов, и вода начинает заливать вагончики. Отец, дядя Джон и еще несколько человек пытаются построить плотину. В этот день Роза Сарона рождает мертвого ребенка. Река прорывает плотину. Тогда мать решает, что нужно уходить куда-нибудь, где посуше. Пройдя немного по дороге, они видят на пригорке сарай и устремляются туда. В сарае лежит умирающий от голода человек. Мальчик, его сын, в отчаянии умоляет спасти отца. Мать вопросительно заглядывает в глаза Розе Сарона, у которой после родов грудь набухла от молока. Роза понимает ее взгляд, молча ложится рядом с умирающим, притягивает его голову к своей груди, и лицо ее озаряет загадочная счастливая улыбка.

«ГРОЗДЬЯ ГНЕВА» («Grapes of Wrath») - роман Джона Стейнбека. Опубликовано в 1939 г. Роман отразил социальный опыт Америки 1930-х годов. Его появление было подготовлено серией репортажей о бедственном положении сезонных рабочих в Калифорнии, опубликованных Стейнбеком в 1936—1938 годах. Коллективный герой книги — семья Джоудов, фермеров-арендаторов, изгоняемых с обжитой, хотя и неласковой (подверженной засухам) земли в Оклахоме волею безличного собственника — банка. Подобно многим беднякам в кризисной Америке, Джоуды вольны отправляться куда глаза глядят. Взор большинства устремлен к Калифорнии, которую рекламные агенты расписывают как рай на земле, где фруктов в изобилии, а рабочих рук всегда не хватает. Семья, как ее изображает Стейнбек, объединяет, скрепляет родственным теплом и взаимоподдержкой старых и малых, сильных и слабых, в ней каждый «что ему положено в жизни, то и выполняет». Но семья испытывает на себе и действие центробежных сил: организм привычно-оседлый, подвергается испытанию миграцией, движение к западу сопряжено с болью новых и новых потерь. Не выдержав разлуки с обжитым гнездом, умирают в дороге дед с бабкой, остаются лежать в безымянных могилах вдоль знаменитого шоссе 66, пересекающего Америку от океана до океана. Младшее поколение стремится к автономии, подвержено соблазнам и не прочь попытать счастья в одиночку, на свободе от семейной опеки. Но до поры все держатся

вместе: старый грузовичок, с трудом преодолевая подъемы, движется через континент — от потерянного дома к дому, существующему только в мечтах пассажиров. В минуты растерянности и отчаяния, которых по мере приближения к желанной, но иллюзорной цели становится все больше, опорой, источником силы для всей семьи остается Ма Джоуд, по-женски истово верящая в неуничтожимость жизни: «Мы народ — мы живем и живем... Нам ни конца ни края не видно». В солнечной зеленой Калифорнии нищих мигрантов ждет тяжелая работа за гроши, да и ее на всех не хватает, впору поворачивать назад, если бы бью куда. Но и здесь Джоудам не изменяет инстинкт выживания, заставляющий верить в завтрашнюю удачу. В символической финальной сцене, одновременно горькой и оптимистической, Роза Сарона, юная мать, потерявшая новорожденного первенца, кормит грудным молоком умирающего с голоду бродягу: упрямое отрицание смерти — неизменный ответ Джоудов на потери, тяготы и разочарования жизни. Название романа взято из «Боевого гимна Республики» (гимна северян во времена Гражданской войны): по мысли Стейнбека в воображении читателей это должно было вызвать переключку, историческую и эмоциональную: «моя книга — тоже своего рода боевой марш». Успех романа сразу после публикации был исключительно широким, его киноверсия (режиссер Джон Форд, 1940 г.) была отмечена премией «Оскар» и стала классикой национального кинематографа.

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА (Grapes of Wrath) (роман, 1939) Семья Джоудов (Joads) — коллективный герой книги, фермеры-арендаторы, которые поколение за поколением «приросли» к неласковой земле Оклахомы, но бесцеремонно изгоняемы с нее волею всесильного собственника-банка. Потеряв дом, а с ним и смысл существования, с Д, подобно многим беднякам в 1930-е гг., вольны отправляться куда глаза глядят. Взоры большинства устремлены к Калифорнии, которую рекламные агенты описывают как землю обетованную, где всегда в изобилии фрукты и всегда не хватает рабочих рук. Молодой Том Д, освободившись из тюрьмы, где отсидел четыре года за убийство в драке, возвращается домой, чтобы найти его брошенным, — семья принимает в свое лоно блудного старшего сына и готовится в далекий путь. С А объединяет, скрепляет родственным теплом и взаимоподдержкой старых и малых, сильных и слабых, в ней каждый «что ему положено в жизни, то и исполняет». Она испытывает на себе и действие центробежных сил: организм привычно-оседлый подвергается испытанию миграцией, испытанию на разрыв. Не выдержав разлуки с обжитым гнездом, дед с бабкой умирают в дороге и остаются лежать в безымянных могилах вдоль знаменитого шоссе 66, пересекающего Америку с востока на запад. Младшее поколение склонно стремиться к самостоятельности и подвержено соблазнам; младший сын Эл уверен, что скорее преуспеет, не стеноженный семейной опекой и взаимответственностью, и желает попытать счастья в одиночку, дочь Д. Роза Сарона и ее юный муж Конни ожидают первенца и планируют в будущем автономную идиллию в собственном домике в соответствии с рекламным стандартом. Но до поры все держатся

вместе: старый грузовичок, нагруженный до отказа людьми и скарбом, с трудом преодолевая любой подъем, движется через огромный континент, подобно перекасти-полю, от потерянного дома к дому несуществующему, который есть только в мечтах его пассажиров, упорно воссоздающих подобие домашнего очага на каждой стоянке и каждой ночевке. Отец семейства, Том Д. старший, вместе с землей и фермой утратил привычное, хозяйское место в семье в отсутствие собственности ему не над чем быть хозяином. Опорой и оплотом для своих детей становится мать, она знает: «стоит ей пошатнуться, и семья примет это на себя как удар; стоит ей поддаться отчаянию, и семья рухнет, семья потеряет волю к жизни». В минуты растерянности и отчаяния, которых по мере приближения к желанной, но иллюзорной цели становится не меньше, а больше, именно она служит для всей семьи источником силы, чему сама предлагает доморощено-философское обоснование: «Я уж заметила: мужчина — он живет рывками: ребенок рождается, умрет кто — вот рывок; купит ферму, потеряет свою ферму — еще один рывок. А у женщины жизнь течет ровно, как речка. Где немножко воронкой закрутит, где с камня вниз польется, а течение ровное... бежит речка и бежит. Вот как женщина рассуждает. Мы не умрем. Народ, он будет жить — он меняется немножко, а жить он будет всегда». В солнечной зеленой Калифорнии нищих мигрантов ждет тяжелая работа за гроши, да и ее на всех не хватает, впору поворачивать назад, если бы было куда. Но и здесь им не изменяет инстинкт выживания, заставляющий верить в завтрашнюю удачу: надежда снова и снова обманывает, но каждый раз дает новые силы. По пути семья распадается, раскрываясь навстречу более широкой общности, соединяющей всех людей во человечестве. В финале, одновременно горьком и оптимистическом, Роза Сарона кормит грудным молоком, которое не пригодится уже ее погибшему ребенку, умирающего с голоду бродягу, упрямое отрицание смерти — неизменный ответ на потери, тяготы и разочарования жизни.

Джон Стейнбек. О мышах и людях [компиляция]

Соледад. Река Салинас. Скалистый хребет Габилан. Двое мужчин - Ленни Хили и Джордж Милтон. Первый - маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, - большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела. - Ленни!- сказал он.- Ленни, бога ради, не пей столько. Ленни пьет зеленоватую воду. - Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Ленни несет в кулаке дохлую мышь и гладит ее по дороге. Их выгнали из Уида. Тетя Клара давала Ленни мышей, а он их убивал. Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испробуйте. Рослый. Такой высокий, здоровенный детина. Старший возчик. Кудряш. Карлсон. Кудряш для супруги смазывает перчатку вазелином, чтобы смягчить руку. Мы оба родом из Оберна. Я знал его тетку Клару. Она взяла его к себе ребенком и вырастила. Тетка померла, и Ленни стал работать со мной. И мы вроде бы привыкли друг к другу. Ну, увидел он девчонку в красном платье. А этому идиоту если что понравится, тут же надо потрогать. Просто потрогать, только и всего. Вот он и протянул руку чтоб потрогать это красное платье, тут девчонка давай визжать, а Ленни со страху и схватил ее, не знает, чего делать. Девчонка все визжит. Я был неподалеку, услышал ее визг и прибежал. Ленни уже вконец растерялся и все держит ее. Я выдернул из загородки жердину и огрел его по башке-только тогда отпустил. Так напугался, что намертво ей в платье вцепился. А ведь он сильный, как дьявол, сам видел. Ну, девчонка побежала к судье и кричит, что ее изнасиловали. Мужики в Уиде собрались, чтоб изловить и линчевать Ленни. Пришлось нам до самого вечера отсиживаться в оросительной канаве среди камыша. Только головы высунули из воды. А ночью давай бог ноги. Ребенок и есть. Мухи не обидит, только силы на десятерых. Теперь он ночевать уже не придет. Будет спать в конюшне около этого щенка. Огрызок - однорукий старик, уборщик. Уит. Горбун - конюх. Джордж подумывает о покупке фермы. Ленни одержим желанием кормить кроликов. Щенок, которого он гладил, сдох. Я жила в самом Салинасе. Меня туда еще девочкой привезли. Как-то приехал на гастроли театр, и я познакомилась с одним актером. Он сказал, что я могу поехать с ихним театром. Но мать не отпустила. Говорила, что я еще мала - мне тогда всего пятнадцать было. Но тот актер звал меня. И будь уверен, ежели б я уехала, уж я б не жила вот так, как сейчас. А в другой раз я встретила еще одного человека, он в кино работал. Я ходила с ним танцевать в "Приречный дансинг-холл". И он сказал, что поможет мне устроиться в кино. Сказал, что я - самородок. Что он вскорости вернется в Голливуд и напишет мне. Я не люблю Кудряша. Он плохой. После этого признания она подо двинулась к Ленни и села рядом.- Я могла бы жить в роскошных отелях, и за мной

гонялись бы фотографы. И я ходила бы на все просмотры и выступала по радио, и это не стоило бы мне ни цента, потому что я была бы киноактрисой. И носила бы красивые платья, как все они. Недаром же тот человек сказал, что я - самородок. Жена Кудряша провела рукой Ленни по своим волосам. Ленни не отпустил ее волосы. Она начала кричать. Ленни сломал ей шею. Ленни убежал, его начали искать. Джордж его убил.

Зима тревоги нашей (The Winter of Our Discontent)

Роман (1961)

«Читателям, которые станут доискиваться, какие реальные люди и места описаны здесь под вымышленными именами и названиями, я бы посоветовал посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти по всей Америке».

Золотым апрельским утром Итен Аллен Хоули просыпается в красивом, фамильном особняке в городке Нью-Бейтаун. У него есть горячо любимая жена и двое горячо любимых деток. Но денег нет. Потомок некогда богатейшей семьи города, выпускник Гарварда, он работает продавцом в бакалейной лавке у сицилийца Альфио Марулло. Жалованья едва хватает на жизнь. Крохотное наследство жены Итена Мэри оставлено на черный день. Итен не знает, как разбогатеть честным путем. Он не в силах изменить свое положение. Разорение подкосило его и не дает выпрямиться. Сегодня — Великая Страстная пятница. Итен всегда плохо переносит этот день. Он думает не о крестных муках, но о нестерпимом одиночестве Распятого, когда сделалась тьма по всей земле...

День за днем течение жизни маленького городка неизменно. Итен точно знает, кто и когда пройдет мимо лавки, кто будет делать какие покупки. Каждое утро он идет на работу вместе с Джоом Морфи, кассиром местного отделения Первого национального банка. Боковая дверь банка находится напротив входа в лавку, и Итен прекрасно знает, что днем она не запирается. Сегодня по дороге Джой и Итен беседуют об ограблениях банков. У Джоя есть некоторые соображения, почему преступники, как правило, попадают. Итен внимательно выслушивает эти своеобразные правила ограбления.

Когда Итен подметает тротуар около лавки, мимо него, как и ежедневно в одно и то же время, шествует директор банка мистер Бейкер. Бейкер намекает Итену, что имеется некоторая возможность выгодно поместить деньги Мэри, которые лежат в этом банке. Но Итен боится рисковать, хотя обещает подумать.

После ухода Бейкера в лавке появляется первая покупательница — миссис Марджи Янг-Хант, подруга жена Итена Мэри. Это одинокая дама, которую содержит ее бывший муж. Кокетничая с Итенем, она сообщает ему, что ее знакомый коммивояжер мистер то ли Боккер, то ли Бяккер из фирмы Б. Б. Д. и Д. собирается зайти в лавку по делу.

Днем приходит хозяин лавки Марулло. Его всегда удивляет честность Итена, которого невозможно научить работать по принципу «не обманешь — не продашь». Как только он уходит, появляется коммивояжер из Б. Б. Д. и Д. Его фамилия Биггерс. Он предлагает Итену заказывать продукты в его фирме, со скидкой. Эта скидка в виде суммы наличными будет оседать у Итена в кармане, не доходя до Марулло. Итен отказывается — это же тьма какая-то! уходя, Биггерс оставляет на стойке кожаный бумажник с золотой монограммой Хоули и вложенной в него взяткой — двадцатидолларовой бумажкой. Узнав об этом происшествии,

Джой Морфи пытается уговорить Итена принять предложение Биггерса — ведь все так делают.

В этот день Марджи гадает Мэри на картах и предсказывает, что Итен очень скоро разбогатеет и станет важным человеком в городе. Итена раздражают эти разговоры. При этом как бы невзначай члены семьи постоянно упрекают Итена в том, что они бедны. На это он в шутку отвечает, что собирается ограбить банк.

Под утро Итен идет прогуляться и приходит в свое любимое место в гавани — пещеру в скале, Убежище, как он называет это место. Он любит приходить сюда, когда надо успокоиться и поразмышлять. Вот Марджи нагадала ему богатство и почему-то требует, чтобы он не отказывался от своей судьбы. Конечно, карты не могут приказать человеку действовать, но, возможно, они склоняют его к действию. Самому-то Итену деньги не нужны, размышляет он, но они нужны его семье.

Возвращаясь домой, Итен встречает друга своего детства Дэнни Тейлора. Дэнни тоже из состоятельной, но ныне разорившейся семьи. Теперь Дэнни — нищий пьяница. У него нет даже дома, он живет в какой-то лачуге. Единственное, что у него осталось, — старое поместье Тейлоров с лугом, которое Дэнни не хочет продавать. Пока он владелец этого поместья, он чувствует себя человеком. Он не слушает советов Итена. Он только просит у него доллар на выпивку.

На другой день Итен возвращает Биггерсу двадцать долларов. Биггерс думает, что Итен хочет увеличить процент скидки. Позже Итен рассказывает Марулло о предложении Биггерса и о взятке. Марулло поражен честностью Итена. Итен соглашается, что честность — его рэкет, В этот день Марджи обедает у Хоули и снова гадает на картах.

Она хорошо разбирается в человеческой психологии, и ее карты предсказывают людям то, чего они ждут. Итену они пророчат богатство.

Итен начинает чувствовать, что где-то глубоко в нем совершается перемена.

В воскресенье после церкви Итен и Мэри идут в гости к Бейкерам. Бейкер рассказывает Итену, что существует проект строительства в городе аэропорта. Но единственное подходящее место в окрестностях города — это луг, принадлежащий Дэнни Тейлору. Именно в строительство аэропорта Бейкер предлагает Итену вложить деньги Мэри. Итен догадывается, что группа дальновидных граждан, и Бейкер в их числе, будет поддерживать теперешние городские власти, пока не возьмут под свой контроль все мероприятия по благоустройству Нью-Бейтауна. Городок пребывает в спячке. Долгое время бессменны мэр, муниципалитет, судьи, полицейские. Они уже не замечают мелких нарушений буквы закона и не видят в этом ничего безнравственного. Выборы в муниципалитет назначены на седьмое июля. Вот тут-то гром и грянет. К власти придут новые люди, и сейчас Бейкер хочет одарить Итена кусочком общего пирога.

Вечером Итен идет к Дэнни Тейлору и предлагает ему займы денег без всяких гарантий. На эти деньги Дэнни должен лечиться от алкоголизма. Лечение стоит тысячу долларов. Дэнни понимает этот тонкий расчет. Вряд ли он станет лечиться. Скорее всего,

такое количество виски — на тысячу долларов — убьет его, поместье Тейлоров пойдет в обеспечение займа, и Итену свалится в руки аэропорт. Итен же уверяет, что всего лишь хочет Дэнни добра. Дома он просит Мэри снять эти деньги со счета в банке якобы для хозяйственных нужд, но не открывает ей истинного их предназначения.

Когда все в доме засыпают, Итен видит, как его дочь Эллен, которая часто ходит во сне, подходит к застекленной горке и берет в руки талисман семейства Хоули. Это такой опалового цвета холмик то ли из кварца, то ли из яшмы, чуть шероховатый на ощупь и всегда теплый. По нему идет извилина без начала и конца. Он не светится, но как бы вбирает в себя окружающий свет. По традиции его разрешено трогать, но выносить из дома нельзя. Когда девочка кладет камень на место и уходит, Итен берет его в руки, чувствует тепло Эллен и понимает, как она близка ему.

В понедельник Джой Морфи рассказывает Итену о своих подозрениях относительно Марулло. Видимо, тот находится в Соединенных Штатах нелегально и не ездит на родину потому, что не может получить документов на обратный выезд.

На другой день почтальон приносит Итену конверт от Дэнни Тейлора. В конверте — составленные по форме и заверенные завещание и долговая расписка. В состоянии некоторого оцепенения Итен наводит чистоту в лавке, добираясь до самых запыленных закоулков, шлангом моет тротуар перед входом. Работая, он напевает цитату из Шекспира: «Зима тревоги нашей позади...»

...Наступает июнь. Дети Итена готовятся к конкурсу сочинений на тему «За что я люблю Америку». Дэнни Тейлор исчезает из города. Марулло, по слухам, собирается в Италию, хотя прямо и не говорит об этом. В это же время власти штата начинают интересоваться делами Нью-Бейтауна, назначена ревизия. Мистер Бейкер делает вид, что чрезвычайно обеспокоен и испуган этим. Однажды Итен из телефона-автомата звонит в Нью-Йорк в Службу иммиграции и натурализации департамента юстиции Соединенных Штатов Америки. Через несколько дней в лавку заходит человек, назвавшийся федеральным агентом. Он задает Итену простые вопросы относительно Марулло. Все это время мысли о Дэнни Тейлоре не дают Итену покоя. При воспоминании о нем у Итена щемит сердце.

Приближается Четвертое июля — День независимости. Итен знает, что мистер Бейкер уезжает на праздник из города. По мнению Джоя Морфи, банки надо грабить в канун больших праздников.

В четверг тридцатого июня Итен забирает из банка оставшиеся деньги. Мистеру Бейкеру он объясняет это тем, что у Марулло неприятности и что тот якобы оставит лавку Итену, если Итен заплатит пять тысяч наличными — стоимость всего имущества.

Первое июля. Это пограничная веха. Завтра Итен будет совершенно другим человеком. Он должен поступиться привычными взглядами, но, достигнув цели, вернется к прежним нормам поведения. Ведь война не делает из солдата убийцу,

На заре Итен выходит из дома, в первый раз взяв талисман с собой.

Он и сам не знает, когда игра перестала быть игрой. Джой со своими правилами ограбления банка, приближающийся праздник... План разработан до мельчайших подробностей. А что до преступности этого плана, так ведь это преступление против денег, а не против людей. То, что касается Дэнни и Марулло, гораздо страшнее.

Суббота, второе июля. Все точно рассчитано и должно произойти за несколько минут. Но в момент, когда Итен уже готов перешагнуть порог своей лавки, подъезжает машина. И ограбление банка срывается. Это чиновник, который по просьбе Марулло привез Итену документы на владение лавкой. Марулло хочет передать лавку Итену безвозмездно. Сам Марулло выслан. Итен — единственный человек в этой стране, который никогда не пытался его обмануть. Поэтому он и хочет поддержать Итена. Это как взнос за электричество авансом, чтобы свет не выключили, чтобы огонь не погас.

Итен уничтожает атрибуты ограбления и навсегда забывает об этом своем замысле.

Четвертого июля семейство Хоули получает радостное известие — Итен Аллен Хоули Второй получает похвальный отзыв за конкурсное сочинение. Вместе с другими лауреатами он будет выступать по телевидению.

Во вторник пятого июля Дэнни Тейлор найден мертвым в подвале своей заброшенной усадьбы. Итен тут же идет к Бейкеру, предъявляет ему расписки Дэнни и требует себе большую часть прибыли от будущего аэропорта. Мистер Бейкер в шоке — оказывается, Итен не тот симпатичный болван, за которого его принимают.

Крупные должностные лица Нью-Бейтауна и округа Уэссекс уже дают показания в суде присяжных по обвинению в разного рода злоупотреблениях, и в городе говорят, что новым мэром будет Итен.

В этот день в семье Хоули праздник в честь победы Аллена в конкурсе. Произносятся тосты, Итен декламирует: «Зима тревоги нашей позади...»

Поздно вечером Итен идет прогуляться и заходит к Марджи. Она прекрасно знает о предательствах Итена и догадывается, что Итена всю жизнь будет мучить совесть. Теперь, после смерти бывшего мужа, Марджи осталась без средств к существованию. И она предлагает Итену свою дружбу за какой-нибудь небольшой процент. Не дав ей ответа, Итен уходит.

Около своего дома он видит шикарный автомобиль. Итена срочно разыскивает какой-то человек из Нью-Йорка. Оказывается, на телевидении получена анонимная открытка, в которой говорится, что конкурсное сочинение Аллена написано не самостоятельно, а целиком состоит из изречений великих американских деятелей. Это действительно так, и теперь Аллен не может получить премию. Поднявшись в детскую, Итен понимает, что доносчица — Эллен.

Он выходит из дома, положив в карман пачку бритвенных лезвий.

Эллен пытается удержать его, но он обещает ей, что вернется. Он отправляется в Убежище. Уже начинается прилив, вода заливают Убежище. В направлении гавани проплывает парусник, слышится всплеск якоря, и огни на судне гаснут. Каждый человек тоже

несет свой одинокий огонек. Теперь и огонь Итена гаснет, и наступает кромешная тьма. Но, сунув руку в карман, чтобы достать лезвия, он обнаруживает там талисман. По пояс в воде Итен с трудом выбирается из убежища. Он должен отдать талисман его новой владелице. Чтобы не погас еще один огонек.

Роберт Пенн Уоррен

УОРРЕН РОБЕРТ ПЕНН (Warren Robert Perm) (1905—1989), американский романист, поэт, критик, автор романов «Ночной всадник» (1939), «Пещера» (1959), «Куда мы возвращаемся» (1977) и др.

Вся королевская рать (All the King's Men)

Роман (1946)

События этого романа разворачиваются в двадцатые — тридцатые годы нашего века в Соединенных Штатах Америки. Повествование ведется от лица Джека Бердена. Берден родился в зажиточной семье, на юге страны, закончил престижную школу, изучал в университете штата историю США, а впоследствии стал правой рукой губернатора штата Вилли Старка. С Вилли Старком Джек Берден знакомится в 1922 г. в Мейзон-Сити по поручению главного редактора газеты, чтобы написать о нем статью. Тот родился в бедной крестьянской семье, работал на земле, самостоятельно читал книги по юриспруденции, а потом сдал необходимые экзамены и получил звание адвоката. Проходит некоторое время, газета «Кроникл» печатает серию статей о коррупции в штате, и имя Вилли Старка появляется на ее страницах в качестве защитника прав честных граждан.

Поначалу Старк работает на посту казначея штата. Он участвует в выпуске облигаций для постройки школы в Мейзон-Сити. Но он против того, чтобы отдать заказ на ее постройку Д.-Х. Муру, так как знает, что это человек недобросовестный и вполне может использовать для постройки школы партию бракованного кирпича, который лежит у него на складе. Но никто не желает прислушиваться к его словам, и заказ отдают все-таки Д.-Х. Муру. Казначеем штата выбирают другого, и все забывают об этой истории. А через два года в город приходит беда. Во время учебной тревоги в этой школе ребята залезают на пожарные лестницы, кладка не выдерживает, и сооружение обрушивается, раскидывая детей во все стороны. Трое погибают на месте, десять или двенадцать сильно расшибаются, так что некоторые из них остаются калеками на всю жизнь. Для Вилли Старка это трагическое событие может послужить трамплином в его политической карьере, но он не пытается на нем спекулировать. Люди сами понимают, что к чему. Они верят в его честность, в его искреннее желание оказаться полезным своим согражданам. В округе Мейзон он становится известной личностью. Все столичные газеты печатают его фотографии. Но он еще долго пытается держаться в тени.

И тем не менее в одно прекрасное утро Вилли Старк вдруг просыпается кандидатом в губернаторы, не прилагая к этому усилий. Дело в том, что в его штате существуют две основные демократические фракции. Одну возглавляет Джо Гарисон, а другую — Макмерфи. Джо Гарисон — бывший губернатор, а Макмерфи — действующий губернатор и

баллотируется повторно. Кому-то из команды Гарисона приходит мысль выдвинуть третьего кандидата, который по их замыслам должен был бы отобрать у Макмерфи часть голосов. Для этого требуется человек популярный, и выбор падает на Вилли Старка. Вилли обхаживают, говорят, что он может стать губернатором, и втягивают его в предвыборную гонку. Но однажды перед своим публичным выступлением Вилли узнает, что им попросту манипулируют, пользуются им как пешкой в политической игре. Разобравшись, что к чему, он призывает избирателей голосовать за Макмерфи, и тот в результате не без помощи Старка вновь становится губернатором.

Следующая встреча Джека Бердена и Вилли Старка происходит в 1930 г., когда Вилли находится уже на посту губернатора. Он предлагает Джеку работать в его команде. Джек Берден соглашается, и с этого момента Вилли Старк становится для него Хозяином. В команде Хозяина работают еще несколько интересных личностей: Крошка Дафи, помогавший ранее Джо Гарисону, секретарша Сэди Берк и водитель-телохранитель Рафинад.

Став губернатором, Вилли Старк входит во вкус, начинает вести большую политическую игру и думает теперь не только о пользе и благе своих сограждан, но и о своей собственной политической карьере. Обожаемый толпой, он развивает свои ораторские способности, пытается сохранить образ «народного защитника», идет к цели неудержимо и напористо, используя шантаж и коррупцию. Например, он помогает избежать уголовной ответственности ревизору штата Байраму Б. Уайту. Но делает это не из-за дружбы с ним, а из-за того, что ему надо «утереть нос» Макмерфи, который теперь является для него политическим конкурентом. В качестве козыря в своей очередной избирательной кампании он обещает построить в штате образцовую клинику и делает все возможное, чтобы осуществить свой замысел, наживая при этом личных врагов.

Однажды Старк с женой и с командой приезжает на ферму к отцу, где репортеры хотят сделать несколько снимков губернатора для газет. Там он узнает, что судья Ирвин, пользующийся в городе авторитетом, поддерживает баллотирующегося в сенат Келакана, человека Макмерфи, а не Мастера, ставленника Старка. Той же ночью Вилли со своим водителем и Джеком Берденом уезжает в Берденс-Лендинг, где живет судья Ирвин, чтобы поговорить с ним. Разговора у них не получается, потому что судья не хочет менять своего решения. Тогда Хозяин дает Джеку задание найти в биографии судьи какие-нибудь компрометирующие его факты, чтобы можно было на него надавить.

Джек Берден начинает серьезно копаться в прошлом судьи Ирвина и узнает, что когда-то, будучи прокурором штата и находясь в трудном положении, пытаясь спасти свой заложенный дом от продажи, Ирвин взял взятку. Обнаруживает он и соответствующие документы, подтверждающие этот факт. Среди документов находится письмо, из которого явствует, что преступление покрывал его друг сенатор Стэнтон, отец Адама и Анны Стэнтон, друзей детства Джека. Прежде чем отдать документы Хозяину, Джек решает сначала поговорить с судьей. Судья Ирвин принимает это известие мужественно и отказывается помогать Вилли Старку, несмотря на компрометирующие его в глазах общества и закона

документы. Игнорирует он и личную просьбу Джека. Но когда Джек Берден уходит, судья стреляет в себя и умирает. После смерти судьи Ирвина Джек узнает от своей матери, что тот был его отцом.

Примерно в это же время начинаются неприятности и у Вилли Старка. Люди Макмерфи, который так же, как и Старк, собирается баллотироваться в сенат, начинают кампанию против сына губернатора — Тома Старка, восходящей звезды американского футбола. Под их нажимом папаша одной девицы приходит к Вилли Старку и заявляет, что его дочка ждет ребенка от Тома. Отец понимает, что удар конкурентов направлен прежде всего против него, а сын своим поведением дает для этого повод. Отец пытается решить эту проблему по-своему, т. е. собирается откупиться, но не успевает сделать это. На его голову обрушивается новая беда. Во время матча Том получает серьезную травму позвоночника. Вопрос стоит о его жизни и смерти. Адам Стэнтон, ставший известным хирургом и согласившийся стать директором медицинского комплекса, который собирается построить Вилли Старк, оперирует Тома Старка. Он вырывает Тома из объятий смерти, но ему не удается спасти его от паралича.

Сэди Берк, преданная секретарша и давняя любовница Хозяина, узнает, что Анна Стэнтон, сестра врача Адама, подруга детства и юношеская любовь Джека Бердена, является любовницей Вилли. Гнев импульсивной и энергичной Сэди не знает границ, и она через Крошку Дафи, тайно ненавидящего Хозяина, сообщает по телефону Адаму Стэнтону, что губернатор Старк предложил ему стать директором будущей клиники исключительно из-за его сестры, что теперь он хочет снять его с этого поста, потому что Адам сделал его сына калекой и потому что Вилли теперь хотел бы отделаться от Анны, порвать с ней. Адам Стэнтон, всегда относившийся к Вилли Старку как к «выскочке», смотревший на него с высоты своей идеалистической нравственной позиции, верит тому, что услышал по телефону. Потеряв над собой контроль, он оскорбляет сестру и заявляет, что навсегда порывает с ней. Подкараулив Вилли Старка в Капитолии, он стреляет в него и смертельно ранит. Ну, а Рафинад, телохранитель губернатора, убивает Адама Стэнтон.

После смерти Вилли Старка пост губернатора занимает Крошка Дафи. Он предлагает Джеку Бердену работать у него, но тот отказывается и даже пытается припугнуть Дафи, рассказывая ему, что знает историю с телефонным звонком Адаму и что он может предать ее гласности. Он и в самом деле поначалу собирается отомстить таким образом Дафи за смерть Старка, но, поразмыслив, не решается на этот шаг.

После похорон Хозяина Джек Берден уезжает в Берденс-Лендинг, где живет Анна Стэнтон. Джек поселяется в доме судьи Ирвина, который тот завещал ему. К нему переезжает Анна Стэнтон, ставшая его женой, равно как и бывший муж его матери, теперь уже старик, которого Джек долго считал своим отцом. Но врачи говорят, что старик долго не протянет. Джек и Анна хотят после его смерти покинуть этот дом и уехать куда-нибудь подальше от Берденс-Лендинг. Анна Стэнтон отдает свое имение детскому дому, поскольку жить в нем после смерти брата она уже не может. Жена Вилли Старка, мать Тома Старка,

находит смысл жизни в том, что воспитывает мальчика, своего внука, рожденного вне брака после смерти ее сына.

«ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ» («All the King's Men») — роман Роберта Пенна Уоррена. В своем романе Уоррен исследует взаимосвязь отдельной личности и истории, вершащейся отчасти ее усилиями, но в большей степени — вопреки или независимо от них. Уоррен следует традиции Фолкнера и в целом «южной» литературы США с характерным для нее комплексом вины и одержимости прошлым, переживанием беспомощности аристократического духа перед напором современности с ее агрессивным материализмом. Прототипом главного героя романа, Вилли Старка, считается Хью Лонг, в 1930-х гг. губернатор, по сути, диктатор штата Луизиана, политический демагог, одиозная, но вместе с тем и трагическая фигура. Как человек факта, действия, грубый и энергичный прагматик, успешно протолкавшийся из деревенской «белой рвани» к политическому Олимпу, Вилли Старк противостоит у Уоррена доктору Адаму Стентону, наследнику старинного рода, человеку идеи, нравственного принципа. Эти два поразному выдающиеся человека «обречены использовать друг друга, стремиться друг к другу, чтобы слиться в единое, ибо каждый был нацелен из-за страшной негармоничности их века». Повествователь Джек Берден, преданный подручный Старка и верный друг Стентона, втайне презирает цинизм практики, но равным образом — и бессилие отторгаемой ею идеи. Образец современной «потерянной», рефлексивной личности, он страдает от недостатка воли, его призвание — быть критиком, историком, исследователем прошлого, как дальнего (реконструируемая им история Касса Мастерна, погибшего в гражданскую войну), так и ближнего (история судьи Ирвина, чью подноготную Берден раскапывает, не подозревая, что речь идет о его собственном отце), непосредственно соседствующего с современностью. «Все времена — одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака зовут к нам» — эту мысль можно выделить как ключевую в романе, равно как и метафорический образ жизни как гигантской паутины, всякое прикосновение к которой мгновенно разносится и отдается по всей ткани. Грязь и чистота, низость и благородство, ложь и истина причудливо переплетены в жизни и неразложимы настолько, что ни у одного человека ни перед одним другим нет права играть героя-праведника. Из осознания этого обстоятельства может произойти циничское ощущение всеобщей запятанности, тотальное безразличие, сон духа (в терминологии Джека Вердена, «философия Великого Тика»). Но может родиться и трезвое понимание бесконечной сложности жизни, не чуждое пусть слабой, но надежды (эпиграф к роману взят из Дантова «Чистилища»: «Пока хоть листик у надежды бьется»). Великий ли человек Вилли Старк, поставивший свое Я выше закона и морального принципа, готовый, стремясь к благой цели, использовать другого человека, как вещь, — великий или ничтожный? Или, может быть, «он не умел отличить свое величие от своего ничтожества и так смешал их, что все испортил»? На эти вопросы роман не дает окончательных ответов. Желание ближайших к Старку

персонажей, вопреки очевидности, верить в его сомнительное величие, в то, что вырождение «народного заступника» в вульгарный. Это отдельные, большие работы (вкуче они равны двум третям самой книги), посвященные судьбам Европы и мира. Русский перевод «Восстания масс» впервые опубликован в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк, 1954 г.). К сожалению, огромный литературный дар Ортеги и блестящий язык оказались переводчику не по силам. В 1989 г. этот же перевод, литературно обработанный, был напечатан в «Вопросах философии» (№4). Новый русский перевод «Восстания масс» опубликован в «Избранных трудах» Х.Ортеги-Гассета (1997 г.). Русский перевод предисловия опубликован в журнале «Иностранная литература» (1989 г., №3).

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ ПАТЬ (All the King's Men) (роман, 1946) Старк Вилли (Stark Willie) из городишка Мейзон-Сити — с виду простоватый провинциал, «дядюшка Вилли в рождественском галстуке», исполнен упрямства и наивной веры в свою звезду. Попав по знакомству в окружные казначеи, он загорается идеей выпустить облигации на постройку новой школы и потом, воодушевляемый женой Люси, учительницей, пытается воевать с «бесчестными людьми», нацелившись на выгодный подряд. Кампанию С В. проигрывает, зато становится заметной политической фигурой и в связи с этим, неведомо для себя, объектом манипуляций: один из кандидатов в губернаторы штата использует его как пешку с целью отобрать голоса у конкурента. Знакомство с подноготной политической борьбы только укрепляет в С. В. решимость бороться и взять реванш. Он упорно учится ночами, сдает экзамен на адвоката, быстро завоевывает популярность среди земляков и становится, наконец, губернатором. Наделенный грубым и ярким даром красноречия, С В. существует в тесном симбиотическом отношении с толпой: по его слову она ревет и затихает, гневается, радуется, надеется — толпа дает ему энергию и служит опорой его власти: «Ваша воля — моя сила... Ваша нужда — мой закон». Команда С. В. состоит из приближенных и доверенных лиц-инструментов: отпетый, но тем и полезный подлец Даффи, телохранитель Рафинад, любовница и советчица Сэди Берк и газетчик Джек Берден. Последний, в отличие от С В., по рождению принадлежит к южной аристократии: скептик из числа разочарованных идеалистов, он остро ощущает относительность ценностей и ненадежность абсолютов. Это делает его не способным к деянию, опятьтаки в отличие от С. В., которого сходное кредо воодушевляет к бурной деятельности. С В. не питает уважения к закону, к абстрактным нормам справедливости и добра, будучи убежден, что «нет на свете настоящего дела, из-за которого не пришлось бы поступиться достоинством». Все на свете состоит из грязи, философствует С В. «Трава и та растет из грязи. А что такое бриллиант, как не кусок грязи, которому однажды стало жарко». Добро по этой логике — не абсолют, а то, что человек снова и снова придумывает для дела, в интересах дела же пересматривая свои прежние представления. Слабым местом С В. в жизненной и политической борьбе оказывается Из приведенного разбора видно, что характер написан несколько рассудочно, подчас напоминая

историю болезни, а подчас аллегория. Некоторый аллегоризм романа подчеркивает данное автором одному из главных героев имя — Авель. На его фоне имя М. Х. приобретает особую значимость: автор одновременно показывает обыденность и распространенность библейского греха и дистанцирует свою историю от Библии, заставляя внимательнее взглянуть в детали, не исчерпывающиеся всем известным типом. Кроме того, испанское имя героя было призвано еще больше приблизить его к предполагаемым читателям, в конце концов, Унамуно называл зависть испанской болезнью, что, конечно, говорит не столько об оценке писателем национального характера, как о том, какое место в жизни человека занимает, с его точки зрения, этот порок. М. Х. не урод, скорее Антония и М. Хаокин представляются исключениями из правила.

Джеймс Джонс

Отныне и вовек (From Here to Eternity)

Роман (1951)

Главный герой повествования — рядовой Роберт Ли Пруит — родился и провел детство в горняцком поселке Гарлан, который в тридцатые годы стал известен по всей Америке благодаря стачке шахтеров, жестоко подавленной полицией. В этой стачке был ранен и попал в тюрьму отец героя, а дядю застрелили как «оказавшего сопротивление». Вскоре умерла от туберкулеза и его мать. Поскитавшись по Америке и повидав виды, Пруит поступает в армию, которая с ее дисциплиной, порядком, параграфами устава стала для него спасением от гражданки, где не очень послушных американцев подчас вразумляли самым жестоким образом. Герой не случайно носит имя прославленного полководца Гражданской войны, главнокомандующего армией южан Роберта Ли, «офицера и джентльмена», проявившего личную отвагу, стратегический талант и беззаветную приверженность идеалам Юга — при всей их исторической обреченности. Герой Джонса стоек, храбр, привержен идее служения стране, как его знаменитый тезка. И так же обречен. Армия, в которой решил спастись герой романа от дурного американского общества, в сущности, мало чем отличается от гражданки. Служба в гарнизоне Скофилд на Гавайях со стороны могла бы показаться самым настоящим раем, но курортный колорит лишь подчеркивает драматизм сражения Пруита с армейской машиной. Его борьба с волей других принимает характер последовательного негативизма. Одаренный горнист, он принимает решение не брать в руки горн, ибо не желает унижаться, чтобы получить теплое местечко полкового горниста. Способный боксер, он отказывается выступать на ринге, ибо во время тренировочного боя нанес своему другу травму, в результате чего тот ослеп. Однако для армейского начальства спорт — неплохой инструмент карьеры, и нежелание рядового Пруита выходить на ринг рассматривается как нечто очень близкое к измене. Так или иначе именно этот отказ делает Пруита в глазах начальства, и в первую очередь капитана Хомса, подрывным элементом, «большевиком».

Среди большого количества весьма колоритных представителей скофилдского гарнизона выделяются рядовой Анджело Маджио и сержант Милт Тербер. Первый, как и Роберт Пруит, принимает в штыки малейшие посягательства на его «свободное я» и в результате попадает в военную тюрьму, славящуюся своей непримиримостью к смутьянам. Сержант Тербер, напротив, ненавидя офицерство и как институт и как сумму конкретных лиц, сопротивляется по-своему — безукоризненным знанием своих обязанностей и высоким профессионализмом, делающим его просто незаменимым в роте. Впрочем, его месть начальству принимает и вполне конкретные формы — он заводит роман с женой своего ротного командира Карен Хомс, которая не испытывает к своему мужу ничего, кроме презрения, и лишь поддерживает видимость семейных отношений. Однако ни Тербер, ни Карен не питают иллюзий насчет долговечности своего романа, который тем не менее грозит

перерастить рамки обычной интрижки и превратиться в большую, всепоглощающую любовь. У Пруита также возникают немалые проблемы на любовном фронте. Расставшись со своей бывшей любовницей Вайолет, которая устала от неопределенности их отношений, он влюбляется в красавицу Альме из публичного дома миссис Кипфер. Впрочем, борьба с армейской машиной отнимает у Пруита слишком много времени, чтобы полностью отдаться стихии любви. Если для него неучастие в спортивных соревнованиях становится важным принципом существования, показателем внутренней свободы, то и для его начальства столь же принципиально подчинить бунтовщика своей воле, внушить страх и ему, и его товарищам по оружию. Посетивший гавайский гарнизон генерал Сэм Слейтер излагает свою теорию страха как организующей социальной силы. «В прошлом, — говорит он, — страх перед властью был всего лишь оборотной отрицательной стороной положительного морального кодекса «честь, патриотизм, служба...». Но вот восторжествовал практицизм, наступила эра машин, и все изменилось. Машина лишила смысла... старый кодекс. Невозможно заставить человека добровольно приковать себя к машине, утверждая, что это дело его чести. Человек не дурак. Таким образом, от этого кодекса сохранилась теперь только отрицательная его сторона, которая приобрела силу закона. Страх перед властью, бывший лишь побочным элементом, теперь превратился в основу, потому что ничего другого не осталось». Эта формула, вобравшая в себя многочисленные рассуждения о свободе и принуждении, точно определяет суть происходящего в романе. События развиваются по нарастающей. В результате стычки с пьяным сержантом Пруит попадает под военный трибунал и оказывается в той самой тюрьме, где томится его друг Маджио. Тюремное начальство — это сборище отъявленных садистов, но в конечном счете тамошний режим есть лишь еще более емкий и наглядный символ античеловеческого характера военной машины, какой ее видит автор.

Довольно быстро Пруит оказывается в знаменитом штрафном бараке номер два, где содержатся те, кого тюремные власти считают бесперспективными и исправлению не подлежащими. Это своего рода элита, хранители исконно американского духа неповиновения.

Впрочем, идиллия свободы в бараке особого режима кончается быстро. Анджело Маджио предпринимает отчаянную попытку освободиться — он симулирует помешательство. Еще один столп «союза непокорных», Джек Маллой, совершает побег, причем так удачно, что его не могут найти. Однако третьему из друзей Пруита приходится несладко: он становится жертвой садистов-тюремщиков. Пруит дает клятву убить его главного мучителя, сержанта Джадсона, и вскоре после выхода на свободу осуществляет задуманное. Однако тот оказывает упорное сопротивление и, прежде чем погибнуть, сам наносит тяжелое ножевое ранение Пруиту. Бедняга не может вернуться в роту в таком виде и является к своей знакомой Альме.

Как-то раз в городе он сталкивается с Тебером, который уговаривает его вернуться, уверяя, что никто и не думает подозревать его в гибели Джадсона и самое страшное, что ему угрожает, — это еще два месяца тюрьмы. Но Пруит не готов заплатить такую цену за восстановление отношений с армией. Он заявляет, что в тюрьму больше не вернется. Ничего

другого Тербер предложить ему не в состоянии, и их пути расходятся. Наступает седьмое декабря 1941 г., когда японские ВВС нанесли массированный удар по американской военной базе на Гавайях. К стыду своему, Пруит обнаруживает, что во время этого налета, обернувшегося гибелью тысяч его товарищей по оружию, он мирно спал у своей подруги Альмы. Он предпринимает попытку разыскать своих, но встреча с военным патрулем оказывается роковой. Понимая, чем может обернуться арест, Пруит пытается спастись бегством, но автоматная очередь прерывает его мятежную жизнь.

Милт Тербер становится офицером, а Карен Хомс, окончательно убедившись в бессмысленности совместной жизни с мужем, забирает сына и возвращается в Америку. На корабле она знакомится с молодой и красивой женщиной, которая также возвращается в Америку. По ее словам, при налете у нее погиб здесь жених. Она рассказывает о том, как он пытался под бомбежкой увести самолет в укрытие, но прямое попадание положило конец его героическим усилиям. Когда женщина называет имя героя-жениха — Роберт Ли Пруит, Карен понимает, что все это чистой воды вымысел и что перед ней проститутка Альма Шмидт. Сын Карен, мечтающий о военной карьере, спрашивает мать, правда ли, что война эта кончится до того, как он выучится на офицера и сможет тоже принять в ней участие. Увидев огорчение на лице сына после ее слов о том, что он вряд ли успеет показать себя на этой войне, она не без иронии уверяет его, что если он опоздает на эту, то зато вполне может принять участие в следующей. «Правда?» — спросил он с надеждой.

Норман Мейлер

Нагие и мертвые (The Naked and the Dead)

Роман (1948)

Вторая мировая война. Тихоокеанский театр военных действий. История высадки и захвата американцами вымышленного острова Анапопей, где сосредоточились японцы, развивается как бы на нескольких уровнях. Это хроника боевых действий, подробное воссоздание атмосферы будней войны, это психологический портрет человека на войне, данный через сочетание изображений отдельных представителей американского десанта, это вырастающий на заднем плане и образ довоенной Америки и, наконец, это роман-эссе о власти.

Композиция романа определяется существованием трех разделов. Собственно повествование — история штурма и захвата Анапопея — перебивается драматургическими вкраплениями («хор»), где дают о себе знать голоса персонажей, без авторских комментариев, а также экскурсами в прошлое действующих лиц (так называемая Машина времени). Машина времени — это краткие биографии героев, представляющих самые разные социальные группы и регионы Америки. Ирландец Рой Галлахер, мексиканец Мартинес, техасец Сэм Крофт, бруклинский еврей Джо Голдстейн, поляк Казимир Женвич и многие другие предстают перед читателями как «типичнейшие представители» страны, где и во времена мирные идет жестокая борьба за существование и выживают лишь сильнейшие.

Война — привычное состояние человечества, каким изображает его автор. Американцы сражаются с японцами за Анапопей, и в то же время солдаты, как умеют, отстаивают свои маленькие права и привилегии в борьбе друг с другом и офицерами, а те, в свою очередь, сражаются за чины и звания, за престиж. Особенно отчетливо противостояние между авторитарным генералом Эдвардом Каммингсом и его адъютантом лейтенантом Робертом Хирном.

История мелких удач и неудач Хирна — отражение двусмысленного положения либералов-интеллектуалов в прагматическом мире. До войны Хирн пытался найти себя в общественной деятельности, но его контакты с коммунистами и профсоюзными лидерами неплодотворны. В нем нарастает чувство разочарования и усталости, ощущение, что попытка реализовать на практике идеалы — лишь суета сует, и единственное, что остается тонкой, неординарной личности, — «жить, не теряя стиля», каковой, по Хирну, есть подобие хемингуэевского кодекса настоящего мужчины. Он отчаянно пытается сохранить хотя бы видимость свободы и отстоять свое достоинство.

Но начальник Хирна, глядящий в Наполеоны Эдвард Каммингс, обладает хорошим нюхом на «крамолу» и старается поставить на место строптивого адъютанта. Если Хирн блуждает от одной смутной полуистины к другой, то Каммингс не ведает сомнений и, переиначивая на свой лад мыслителей прошлого, чеканит афоризм за афоризмом: «То, что у вас есть пистолет,

а у другого нет, не случайность, но результат всего того, что вы достигли»; «Мы живем в середине века новой эры, находимся на пороге возрождения безграничной власти»;

«Армия действует намного лучше, если вы боитесь человека, который стоит над вами, и относитесь презрительно и высокомерно к подчиненным»; «Машинная техника нашего времени требует консолидации, а это невозможно, если не будет страха, потому что большинство людей должны стать рабами машин, а на такое мало кто пойдет с радостью».

Не менее существенны для понимания образа генерала и военной машины в целом рассуждения Каммингса о второй мировой: «Исторически цель этой войны заключается в превращении потенциальной энергии Америки в кинетическую. Если хорошенько вдуматься, то концепция фашизма весьма жизнеспособна, потому что опирается на инстинкты. Жаль только, что фашизм зародился не в той стране... У нас есть мощь, материальные средства, вооруженные силы. Вакуум нашей жизни в целом заполнен высвобожденной энергией, и нет сомнений, что мы вышли с задворок истории...»

Фашизм в романе существует на двух уровнях — идеологическом и бытовом.

Если Эдвард Каммингс — идеолог и даже поэт фашизма, то Сэм Крофт — фашист стихийный, получающий от насилия подлинное наслаждение. Как свидетельствует Машина времени, впервые Крофт убил человека, когда еще находился в рядах национальной гвардии. Он умышленно застрелил забастовщика, хотя команда была стрелять в воздух. Война дает Крофту уникальную возможность убивать на официальных основаниях — и испытывать от этого удовольствие. Он будет угощать пленного японца шоколадом, разглядывать фотографии его жены и детей, но, как только возникнет нечто похожее на человеческую общность, Крофт хладнокровно расстреляет японца в упор. Так ему интереснее.

Не сумев отыскать себе места в мирной Америке, лейтенант Хирн и в условиях войны никак не может найти себя. Он чужой и среди солдат, и среди офицеров. Испытывая неприязнь к фашиствующему боссу, он решается на отчаянный поступок. Явившись в палатку к генералу и не застав последнего, он оставляет записку — и окурки на полу, чем повергает в ярость своего шефа. Тот спешно вызывает Хирна, проводит с ним воспитательную беседу, а затем роняет на пол новый окурки и заставляет строптивного адъютанта поднять его. Хирн выполняет приказ генерала — и тем самым уступает его воле. Отныне Каммингс будет обходиться без его услуг, а лейтенанта переводят в разведывательный взвод. Сержант Крофт, который был там до этого главным, отнюдь не в восторге и готов на все, чтобы избавиться от ненужной опеки.

Вскоре разведывательный взвод уходит на задание, и у Крофта возникает отличная возможность восстановить статус-кво и свое положение командира. Скрыв данные о японской засаде, он хладнокровно наблюдает, как лейтенант идет на японский пулемет, с тем чтобы считанные мгновения спустя погибнуть.

Вроде бы сильные личности торжествуют. Лейтенант Хирн погиб, остров захвачен американцами, но победа эта — дело слепого случая.

Тщательно разработанная Каммингсом операция по захвату Анапопея требует серьезной поддержки с моря. Генерал отправляется в штаб, чтобы убедить начальство в необходимости выделить для его нужд боевые корабли. Но пока он ведет переговоры, пока взвод разведчиков карабкается на гору Анака, чтобы выйти в тыл к противнику, бездарнейший майор Даллесон предпринимает явно ошибочную атаку. Но вместо того чтобы потерпеть позорное поражение, американцы одерживают блистательную победу. Случайный снаряд убивает японского командующего, гибнут и его ближайшие помощники. В рядах японцев начинается паника. Склады с боеприпасами и продовольствием становятся легкой добычей американцев, которые вскоре легко овладевают островом.

И Каммингс, и Крофт оказываются не у дел. Победа состоялась вопреки их усилиям. Торжествует его величество Абсурд. Словно потешаясь над попытками американских командиров всех уровней направить жизнь в русло причинно-следственных зависимостей, он обращает в ничто потуги агрессивных прагматиков. Человек остается один на один с таинственной, непроницаемой действительностью, где куда больше врагов, чем союзников, где бушуют темные, скрытые силы, против которых сопротивление бесполезно. Мораль-назидание произносит один из солдат взвода Крофта стихийный абсурдист Волсен: «Человек несет свое бремя, пока может его нести, а потом выбивается из сил. Он один воюет против всех и вся, и это в конце концов ломает его. Он оказывается маленьким винтиком, который скрипит и стонет, если машина работает слишком быстро». Рациональное начало терпит поражение в столкновении с генералом Абсурдом.

Очередное появление «хора» теперь связано с вопросом: «Что мы будем делать после войны?» Солдаты высказываются по-разному, но никто не испытывает особой радости при мысли о том, что появится возможность снять военную форму, хотя и армия для большинства из них не панацея от всех бед. Резюме короткой дискуссии подведет сержант Крофт: «Думать об этих вещах — напрасная трата времени. Война еще долго будет продолжаться».

Война всех со всеми. За пределами Америки и на ее территории.

Джозеф Хедлер

ХЕЛЛЕР ДЖОЗЕФ (Heller Joseph) (род. 1923), американский прозаик, автор романов «Что-то случилось» (1974), «Чистое золото» (1979), «Бог знает» (1984) и др., славой своей обязан дебютной «Поправке-22» (1961), многолетнему бестселлеру, успешно экранизированному и переведенному на многие языки.

Поправка-22 (Catch-22)

Роман (1961)

Вымышленный остров Пьяноса в Средиземном море, придуманная авторской фантазией база ВВС США. Вполне реальная вторая мировая война.

Впрочем, у каждого из многочисленных персонажей этой обширной литературной фрески имеется своя собственная война, ради победы в которой они не жалеют ни сил, ни жизни, причем кое-кто — чужой жизни.

Капитан ВВС Иоссариан до поры до времени «нормально воевал», хотя в контексте романа это сочетание выглядит абсурдным. Он был готов выполнить положенную в ВВС США норму в двадцать пять боевых вылетов и отправиться домой. Однако полковник Кошкарт, мечтающий прославиться любой ценой, то и дело патриотически повышает количество необходимых вылетов, и до желанного возвращения Иоссариану, как до миража,

Собственно, с некоторых пор Иоссариан стал воевать все хуже и хуже. Поднимаясь в воздух, он ставит перед собой единственную цель — вернуться живым, и ему совершенно все равно, куда упадут сброшенные им бомбы — на неприятельский объект или в море.

Зато доблестно сражаются начальники, готовые проводить самые смелые операции, коль скоро рисковать жизнью будут их подчиненные. Они проявляют героическое пренебрежение опасностями, выпадающими на долю других. Им ничего не стоит разбомбить итальянскую горную деревушку, даже не предупредив мирных жителей. Не страшно, что будут человеческие жертвы, зато создастся отличный затор для вражеской техники. Они отчаянно воюют друг с другом за место под солнцем. Так, генерал Долбинг вынашивает планы разгрома коварного врага, каковым является другой американский генерал Дридл. Ради генеральских погон нещадно эксплуатирует своих летчиков Кошкарт. Мечтает стать генералом и экс-рядовой первого класса Уинтергрин, и его мечты небезосновательны. Он писарь в канцелярии базы, и от того, как и куда он направит очередную бумагу, зависит очень многое.

Впрочем, истинный вершитель судеб на острове — лейтенант Мило Миндербиндер. Этот снабженец создает синдикат, членами которого объявляет всех летчиков, хотя и не торопится делиться прибылями. Получив в свое пользование боевые самолеты, он покупает и перепродает финики, хлопок, телятину, оливки. Порой ему приходится привлекать для

перевозок и самолеты люфтваффе, терпеливо разъясняя начальству, что немцы в данном случае не противники, а партнеры. Твердо вознамерившись поставить войну на коммерческую основу, он получает деньги от американцев, чтобы разбомбить контролируемый немцами мост, а от немцев — солидный куш за то, что обязуется охранять сей важный объект. Окрыленный успехом, он подрягается разбомбить аэродром своей же базы на Пьяносе и неукоснительно выполняет все пункты контракта: американцы бомбят американцев.

Лейтенант Шайскопф, в отличие от великого комбинатора Мило, соображает туго, зато он великий мастер по части смотров и парадов. Это позволяет ему сделать головокружительную карьеру: из лейтенанта в считанные месяцы он превращается в генерала.

Абсурд, фантазмагория в порядке вещей на Пьяносе, и те, кто сохранил в себе что-то человеческое, погибают один за другим. Зато отлично чувствуют себя военные бюрократы и омашинившиеся летчики — они поистине и в огне не горят и в воде не тонут.

Ужаснувшись разгулу безумия и повального упоения войной, Иоссариан приходит к выводу: если он не позаботится о себе сам, то его песенка скоро будет спета. «Жить или не жить — вот был вопрос», читаем в романе, и герой однозначно склоняется в пользу того, чтобы жить. Он мечется между военной базой и госпиталем, симулируя различные болезни и одерживая любовные победы над медсестрами. Сюжет движется кругами, и центральным эпизодом становится гибель товарища Иоссариана Снегги, буквально растерзанного осколками во время очередного боевого вылета, после чего Иоссариан и объявил «войну войне».

Этот эпизод воспроизводится снова и снова, словно навязчивый кошмар, обрстая дополнительными и жуткими подробностями. После гибели Снегги Иоссариан снимает военную форму — на ней кровь друга, которую можно, наверное, отстирать, но нельзя выкинуть из памяти, — и исполняется решимости никогда впредь не надевать ее. Он будет разгуливать по военной базе в чем мать родила и в таком виде получит из рук бесстрастного начальства медаль за отвагу. Он будет передвигаться задом наперед и с револьвером в руке, твердя, что все происходящее — вся вторая мировая! — есть дьявольский заговор с целью уничтожить именно его. Иоссариана сочтут психом, но он не имеет ничего против. Так даже лучше. Раз он не в своем уме, его обязаны списать. Но начальники не такие уж идиоты, какими кажутся. Иоссариан узнает о существовании Поправки-22, которая в изложении полкового врача Дейники гласит: «Всякий, кто хочет уклониться от боевого задания, нормален и, следовательно, годен к строевой».

Не раз на протяжении повествования возникает в разных формулировках эта загадочная Поправка-22, полноправная героиня романа. Поправка-22 не существует на бумаге, но от того не менее действенна, и согласно ей, те, у кого в руках власть, вольны делать все, что им заблагорассудится с теми, кто такой властью не наделен. Ставить под сомнение реальность Поправки — значит навлекать на себя подозрения в неблагонадежности. В нее положено верить и ей подчиняться.

Честные простачки Нейтли, Клевинджер, майор Дэнби убеждают Иоссариана, что он не прав в своем желании заключить сепаратный мир и выбыть из участия в войне. Но Иоссариан теперь уже твердо убежден, что идет война не с нацизмом, но за преуспевание начальников, и тому, кто в простоте своей поддается на пустые слова о патриотическом долге, угрожает перспектива погибнуть или превратиться в «солдата в белом», обрубок без рук, без ног, утыканный трубками и катетерами, дважды появившийся в госпитале в виде своеобразного памятника Неизвестному солдату.

Пока Иоссариан пугает начальство своими эскападами и предается пьяно-эротическим загулам, его товарищ Орр спокойно и методично готовится совершить задуманное. К удивлению окружающих, его самолет все время терпит аварии, странно, что именно Орр — мастер на все руки. Но эти аварии — не результат ошибок летчика и не следствие неблагоприятного стечения обстоятельств. Это отработка пилотом плана дезертирства. В очередной раз потерпев аварию, Орр пропадает без вести с тем, чтобы вскоре объявиться в нейтральной Швеции, куда он, по слухам, доплыл на надувной лодочке аж из Средиземного моря. Этот подвиг вселяет надежду в сердца тех, кто, как и Иоссариан, страдает от прихотей начальства, и вселяет в них новые силы для сопротивления.

Впрочем, капризная фортуна вдруг улыбается Иоссариану. Его заклятые враги, полковник Кошкарт и подполковник Корн, внезапно сменяют гнев на милость и готовы отпустить Иоссариана домой. По их мнению, он дурно влияет на летчиков в полку, и, если он уберется, это только будет на пользу всем. Впрочем, за свою отзывчивость они требуют самую малость. Как говорит Корн: «Надо полюбить нас, вспылать к нам дружескими чувствами. Хорошо отзываться о нас, пока вы здесь и потом в Штатах». Короче, начальники Иоссариану предлагают стать «одним из нас». Если же он откажется, его ожидает трибунал — компромат собран обильный. Иоссариан недолго размышляет и соглашается.

Но тут его ожидает неприятность. Подруга его погибшего друга девятнадцатилетнего Нетли, итальянская проститутка, которую тот тщетно пытался отучить от ее недостойного ремесла, вдруг увидела в Иоссариане средоточие тех темных сил, что стали причиной гибели ее романтического воздыхателя. Она преследует Иоссариана с ножом и, после того как он заключает сделку с Кошкартом и Корном, наносит ему ранение, отчего он снова попадает в госпиталь, и впервые по уважительной причине.

Когда Иоссариан приходит в себя, то узнает две вещи. Во-первых, рана у него пустяковая и жизнь вне опасности, во-вторых, в пропагандистских целях по базе распространяется слух, что он пострадал, преградив дорогу нацистскому убийце, получившему задание убить и Кошкарта, и Корна. Иоссариану становится стыдно своей слабости, и он пытается расторгнуть сделку. На это ему сообщают, что в таком случае его отдадут под трибунал, ибо наряду с рапортом о том, что Иоссариана ударил ножом нацистский диверсант, имеется и второй рапорт, согласно которому его «пырнула невинная девица, которую он пытался вовлечь в незаконные операции на черном рынке, саботаж и продажу немцам наших военных тайн».

Положение Иоссариана в высшей степени шаткое. Пойти на сделку с Главным Врагом ему не позволяет совесть, но и перспектива маяться в тюрьме с уголовниками тоже не очень нравится. Защиты искать не у кого. Мило Миндербиндер был всегда могущественней Кошкарта, но теперь они объединились. Лейтенант Миндербиндер сделал полковника своим заместителем по управлению синдикатом, а тот устроил так, что чужие боевые вылеты будут присваиваться Миндербиндеру, чтобы его считали настоящим героем. Собственно, все деловые люди на военной базе объединились в единое целое, и против этой монополии сопротивление бесполезно.

После мучительных раздумий Иоссариан принимает решение дезертировать в Швецию, и его непосредственный начальник майор Дэнби не находит аргументов, чтобы отговорить его. Более того, он дает ему на дорогу денег. Желает успеха ему и полковой капеллан. Иоссариан выходит за дверь, и снова на него набрасывается с ножом подруга Нетли. «Мелькнувший нож чуть было не вспорол рубаху Иоссариану, и он скрылся за углом коридора». Побег начинается.

«ПОПРАВКА-22» («Catch 22») — роман Джозефа Хеллера. Опубликованный в 1961 году, роман стал одной из культовых книг Америки 60-х. Главный герой, Капитан Иоссариан, служит в эскадрилье американских бомбардировщиков, расквартированной на итальянском островке Пьяноса (подобно тому, как сам Хеллер в годы Второй мировой войны в звании лейтенанта ВВС США служил на Корсике, откуда совершил около 60 боевых вылетов). Впрочем, читался роман на фоне уже другой войны — вьетнамской, в контексте «жаркого» десятилетия в американской истории. Взаимное убийство на расстоянии, при посредстве тяжелых машин и дальнобойных орудий рисуется как бред, кровавый абсурд, повторяющийся с печальной неизбежностью. Армия — странный мир, где все держится на буквоедских уловках и ритуалах, подлинности человеческого страдания. Там, где царствует Поправка-22 (неизвестно к какому закону или пункту устава, неизвестно в чем состоящая), человек замещен цифрой, бумажкой: случайная ошибка, опечатка, проциркулировав вверх-вниз по команде и этажам бюрократической пирамиды, превращается в непререкаемую псевдоистину: даже если ты физически жив, ты мертв, раз смерть документально удостоверена. Пребывая в стихии законопослушного неразумия, люди необратимо утрачивают ум, волю, даже инстинкт самосохранения: по мнению Иоссариана, у большинства «не хватает мозгов, чтобы бояться» или чтобы отличать действия, которыми стоит гордиться, от тех, которых надо стыдиться. В этом призрачном лабиринте, пронизанном эхом бессмысленных слов, приказов, рапортов и сообщений, отправляемых никому в никуда, капитан Иоссариан — одновременно свой и чужой: его странное (ассирийское) имя, свиристящее сдвоенным «с» и раскатистым «р», на слух вышестоящего офицера, ассоциируется с чем-то «неприятельским, иностранным, красным и даже бунтарским». Иссариан — разом и герой войны, и антигерой, храбрец и безнадежный трус, безумец и мудрец, честный человек и обманщик. Голый, в одних тапочках он предстает начальству в парадном строю для получения боевой награды. Откровенный

симулянт, скрывается в госпитале, обнаруживая у себя все новые экзотические болезни. Разгуливает по расположению эскадрильи задом наперед, с пистолетом на боку. А главное — напроочь отказывается летать, поскольку знает заранее, что его хотят убить. Зенитчики из дивизии Германа Геринга не более, а менее опасны, чем «свои». На войне все в заговоре против человека, желающего выжить. Одна из версий вездесущей Поправки-22 звучит так: «Всякий, кто хочет уклониться от выполнения боевого задания, нормален». Предполагается, что нормальный человек, озабоченный своим спасением перед лицом опасности, отказался бы от полетов, но тем самым дал бы начальству основание обязать его к полетам по долгу воинской службы. Верность долгу (абстрактному) и верность собственной жизни (единственно осязаемой) находится в неразрешимом конфликте. Один за другим гибнут или загадочно исчезают боевые товарищи, но он-то не согласен безропотно проследовать в небытие и решает «выжить или по крайней мере бороться за свою жизнь до последнего вздоха» и в финале дезертирует, бежит в нейтральную Швецию, предвосхищая своим поведением тактику радикалов «антивьетнамской» Америки: «Остановите планету, я хочу сойти».

ПОПРАВКА-22 (Catch 22) (роман, 1961) Йоссариан (Yossarian) — капитан в эскадрилье американских бомбардировщиков, расквартированной на вымышленном островке Пьяноса в Средиземном море (сам Х. Д. в годы второй мировой войны в звании лейтенанта ВВС США служил на Корсике). Впрочем, читался роман на фоне уже совсем другой войны — вьетнамской, и взаимное убийство при посредстве тяжелых машин и дальнобойных орудий изображается в нем как ситуация внеисторическая, непреходящая в своем кровавом абсурде. Армия предстает как странный мир, где все держится на буквоедских уловках и ритуалах, мир, замкнутый в себе и не имеющий иного смысла, кроме воспроизводства собственной бессмыслицы: подлинности человеческого страдания, беды и боли он безмятежно и безжалостно потусторонен. Там, где царствует Поправка-22 (неизвестно, к какому закону или пункту устава, неизвестно в чем состоящая), человек замещен цифирькой, бумажкой: безлично-случайная ошибка, опечатка, проциркулировав вверх-вниз по команде и этажам бюрократической пирамиды, превращается в непререкаемую псевдоистину: даже если ты физически жив, ты мертв, коль скоро смерть документально удостоверена. Пребывая в стихии законопослушного неразумия, люди и сами необратимо утрачивают разум, волю, даже инстинкт самосохранения: у большинства «не хватает мозгов, чтобы бояться» или отличать действия, которыми стоит гордиться, от тех, которых надо стыдиться. В этом призрачном лабиринте, пронизанном эхом бессмысленных слов и сообщений, отправляемых никому в никуда, капитан Й. — одновременно свой и чужой: его странное (ассирийское) имя, свиряющееся сдвоенным «о» и раскатистым «р», на слух вышестоящего офицера, полковника Кошкарта, «прыскало россыпью подрывных словес вроде эсэсовский и неприятельский, иностранный, красный и даже бунтарский. Это было гнусное, отвратное, враждебное имя,

которое не вызывало ни малейшего доверия. Оно в корне отличалось от таких истинно американских, бодрых, солидных и честных имен, как Долбинг, Дридл или Кошкарт». Й. — разом герой войны и антигерой, храбрец и безнадежный трус, безумец и мудрец, честный человек и обманщик. Голый, в одних тапочках он предстает начальству в парадном строю для получения почетной боевой награды. Откровенный симулянт, скрывается в госпитале, обнаруживая у себя все новые экзотические болезни. Позволяет себе на учебных занятиях задавать не относящиеся к делу вопросы: «А где сейчас прошлогодние Снегги?» Разгуливает по расположению эскадрильи задом наперед и с пистолетом на боку. И главное — напрочь отказывается летать, поскольку знает заранее, что его хотят убить: конечно, на войне вообще убивают, но это «вообще» бессодержательно в сравнении с лично моей, конкретной и неминуемой, гибелью. Ею грозит столько же неприятель, сколько «свои», те, что с чинами и при власти: эти последние даже опаснее, чем знаменитые зенитчики из дивизии Германа Геринга, и для сопротивления им нужны мужество и изворотливость не меньшие, чем для маневров в воздухе над расположением врага. Одна из версий вездесущей Поправки-22 звучит так «Всякий, кто хочет уклониться от выполнения боевого задания, нормален». Предполагается, что нормальный человек, озабоченный своим спасением, перед лицом опасности отказался бы от полетов, но тем самым дал бы начальству основание обязать его к полетам как всякого нормального пилота, по долгу воинской службы. Верность долгу (абстрактному) и любовь к собственной жизни (единственно осязаемой) находятся в неразрешимом конфликте, отстаивают каждая «свою изначально порочную правоту». Один за другим гибнут или загадочно исчезают боевые товарищи Й., но он-то не согласен безропотно проследовать в небытие и решает «выжить или по крайней мере бороться за свою жизнь до последнего вздоха». Комментируя драму своего героя, Х. Д. позднее в интервью настаивал на том, что его дезертирство, побег в нейтральную Швецию есть способ сохранения не просто жизни (того же можно было достичь и путем лицемерия или компромисса), но качества жизни. В чем состоит искомое качество, из романа не ясно: в жизни капитана Й. нет любви, и, по сути, спасти ему нечего, кроме права на физическое выживание. Прием навязчивого повторения, нелепого и зловещего совпадения, «*deja vu*» играет важную роль в языке и композиции романа. Так, например, снова и снова описывается сцена гибели бортового стрелка Сноудена (в русском переводе Снегги), преследующая Й. как неотвязный кошмар. На протяжении всей книги выпотрошенный осколком снаряда Сноуден истекает кровью в холодном небе над Авиньоном, в то время как Й. отчаянно и безнадежно ему пытается оказать первую — и последнюю — помощь. Сквозь «возвышенный цинизм» комедии абсурда вопиет человеческая боль.

Курт Воннегут

ВОННЕГУТ КУРТ (Vonnegut Kurt) (род. 1922), американский писатель, автор рассказов, пьес, романов «Механическое пианино» (1952), «Сирены Титана» (1959), «Тюремная пташка» (1979), «Малый не промах» (1982), «Синяя борода» (1987) и др.

Бойня номер пять, или Крестовый поход детей (Slaughterhouse five or the Children's Crusade) Роман (1969)

«Почти все это произошло на самом деле». Такой фразой начинается роман, который, как явствует из авторского предуведомления, «отчасти написан в слегка телеграфно-шизофреническом стиле, как пишут на планете Тральфамадор, откуда появляются летающие блюда».

Главный герой книги Билли Пилигрим, по выражению повествователя, «отключился от времени», и теперь с ним творятся разные странности.

«Билли лег спать пожилым вдовцом, а проснулся в день свадьбы. Он вошел в дверь в 1955 году, а вышел в 1941 году. Потом вернулся через ту же дверь и очутился в 1961 году. Он говорит, что видел свое рождение и свою смерть и много раз попадал в другие события своей жизни между рождением и смертью».

Билли Пилигрим родился в вымышленном городе Илиум, причем в тот же год, когда появился на свет и сам автор. Подобно последнему, Билли воевал в Европе, попал в плен к немцам и перенес бомбежку Дрездена, когда погибло более ста тридцати тысяч мирных жителей. Он вернулся в Америку и уже в отличие от своего создателя поступил на курсы оптометристов, обручился с дочкой их владельца, Он заболевает нервным расстройством, но его быстро вылечивают. Дела его идут отлично. В 1968 г. он летит на международный конгресс оптометристов, но самолет попадает в аварию, и все, кроме него, погибают.

Полежав в больнице, он возвращается в родной Илиум, и поначалу все идет как обычно. Но затем он выступает по телевидению и рассказывает о том, что в 1967 г. побывал на планете Тральфамадор, куда его доставило летающее блюдо. Там его якобы показывали в голом виде местным жителям, поместив в зоопарк, а затем спарили с бывшей голливудской кинозвездой Монтаной Уайлдбек, тоже похищенной с Земли.

Тральфамадорцы убеждены, что все живые существа и растения во вселенной машины. Они не понимают, почему земляне так обижаются, когда их называют машинами. Тральфамадорцы, напротив, очень рады своему машинному статусу: ни волнений, ни страданий. Механизмы не мучаются вопросами насчет того, как устроен мир. Согласно научной точке зрения, принятой на этой планете, мир надлежит принимать, как он есть. «Такова структура данного момента», — отвечают Тральфамадорцы на все «почему» Билли.

Тральфамадор являет собой торжество научного знания. Его обитатели давно разгадали все загадки вселенной. Им известно, как и когда она погибнет. Тральфамадорцы сами взорвут ее, испытывая новое горючее для своих блюд, «когда создастся подходящая структура момента». Но грядущие катаклизмы не портят настроения тральфамадорцам, руководствующимся принципом «не обращать внимания на плохое и сосредоточиваться на хороших моментах».

Билли в общем-то и сам всегда жил по тральфамадорским правилам. Ему не было дела до Вьетнама, где исправно функционирует его сын Роберт. В составе «зеленых беретов» эта «стреляющая машина» наводит порядок согласно приказу. Запомнил Билли и про дрезденский апокалипсис. До тех пор, пока не слетал на Тральфамадор после той самой авиакатастрофы. Но теперь он постоянно курсирует между Землей и Тральфамадором. Из супружеской спальни он попадает в барак военнопленных, а из Германии 1944 г. — в Америку 1967 г., в роскошный «кадиллак», который везет его через негритянское гетто, где совсем недавно танки национальной гвардии вразумляли местное население, попытавшееся «качать свои права». А торопится Вилли на обед в Клуб Львов, где некий майор будет с пеной у рта требовать усиления бомбежек. Но не Дрездена, а Вьетнама. Билли как председатель с интересом слушает речь, и доводы майора не вызывают у него возражений.

В скитаниях Пилигрима хаотичность только кажущаяся. Его маршрут выверен точной логикой. Дрезден 1945 г., Тральфамадор и США конца шестидесятых — три планеты в одной галактике, и вращаются они по своим орбитам, подчиняясь закону «целесообразности», где цели всегда оправдывают средства, а чем больше человек напоминает машину, тем лучше для него и для машинно-человеческого социума.

В дрезденском фрагменте не случайно столкнутся две гибели — огромного немецкого города и одного военнопленного-американца. Дрезден погибнет в результате тщательно спланированной операции, где «техника решает все». Американец Эдгар Дарби, до войны читавший в университете курс по проблемам современной цивилизации, будет убит по инструкции. Раскапывая завалы после налета союзной авиации, он возьмет чайник. Это не останется незамеченным немецкими конвоирами, он будет обвинен в мародерстве и расстрелян. Дважды восторжествует буква инструкции, дважды совершится преступление. Эти события при всей их разнокалиберности взаимосвязаны, ибо порождены логикой машинного прагматизма, когда в расчет принимаются не люди, а безликие человеко-единицы.

Отключенный от времени, Билли Пилигрим в то же время обретает дар памяти. Памяти исторической, удерживающей в сознании моменты пересечения частного существования с судьбой других людей и судьбой цивилизации.

Узнав о намерении автора-повествователя сочинить «антивоенную книгу», один из персонажей восклицает: «А почему бы вам не сочинить антиледниковую книгу». Тот не спорит, «остановить войны так же легко, как остановить ледники», но каждый должен выполнять свой долг. Выполнять свой долг Воннегуту активно помогает рожденный его

воображением писатель-фантаст Килгор Траут, дайджесты из книг которого постоянно встречаются на всем протяжении романа.

Так, в рассказе «Чудо без кишок» роботы бросали с самолетов желеобразный газолин для сжигания живых существ. «Совесть у них отсутствовала, и они были запрограммированы так, чтобы не представлять себе, что делается от этого с людьми на земле. Ведущий робот Траута выглядел как человек, мог разговаривать, танцевать и гулять с девушками. И никто не попрекал его, что он бросает сгущенный газолин на людей. Но дурной запах изо рта ему не прощали. А потом он от этого излечился, и человечество радостно приняло его в свои ряды».

Траутовские сюжеты тесно переплетаются с реальными историческими событиями, придавая фантастике реальность, а реальность делая фантазмагорией. Разбомбленный Дрезден в воспоминаниях Билли выдержан в лунной тональности: «Небо было сплошь закрыто черным дымом. Сердитое солнце казалось шляпкой гвоздя. Дрезден был похож на Луну — одни минералы. Камни раскалились. Вокруг была смерть. Такие дела».

Бойня номер пять — не порядковый номер очередного мирового катаклизма, но лишь обозначение дрезденской скотобойни, в подземных помещениях которой спасались от бомбежки американские пленные и их немецкие конвоиры. Вторая часть названия «Крестовый поход детей» раскрывается повествователем в одном из многочисленных чисто публицистических вкраплений, где авторские мысли выражаются уже открытым текстом. Повествователь вспоминает 1213 г., когда двое жуликов-монахов задумали аферу — продажу детей в рабство. Для этого они объявили о крестовом походе детей в Палестину, заслужив одобрение папы Иннокентия III. Из тридцати тысяч добровольцев половина погибла при кораблекрушениях, почти столько же угодило в неволю, и лишь ничтожная часть малюток энтузиастов по ошибке попала туда, где их не ждали корабли торговцев живым товаром. Такими же невинно убиенными оказываются для автора и те, кого отправляют сражаться за великое общее благо в разных точках современного мира.

Люди оказываются игрушками в военных развлечениях сильных мира сего и сами в то же самое время порой испытывают неодолимую тягу к смертоносным игрушкам. Отец военнопленного Роланда Вири вдохновенно собирает различные орудия пытки. Отец повествователя «был чудесный человек и помешан на оружии. Он оставил мне свои ружья. Они ржавеют». А еще один американский военнопленный Поль Лазарро уверен, что «слаще мести нет ничего на свете». Кстати, Билли Пилигрим знает наперед, что от его пули и погибнет он тринадцатого февраля 1976 г. Предлагая поразмыслить над тем, кто более виноват в нарастающей волне нетерпимости, насилия, терроризма государственного и индивидуального, в заключительной, десятой главе повествователь предлагает «только факты»:

«Роберт Кеннеди, чья дача стоит в восьми милях от дома, где я живу круглый год, был ранен два дня назад. Вчера вечером он умер. Такие дела. Мартина Лютера Кинга тоже застрелили месяц назад. Такие дела. И ежедневно правительство США дает мне отчет, сколько трупов создано при помощи военной науки во Вьетнаме. Такие дела».

Вторая мировая война окончена. В Европе весна и щебечут птички. Одна птичка спросила Билли Пилигрима: «Пьюти фьют?» Этим птичьим «вопросом» и заканчивается повествование.

«БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ» («Slaughterhouse Five or The Children's Crusade») — роман Курта Воннегута. Вышел в свет в 1969 г. Его центральный персонаж Билли Пилигрим — классический антигерой, жалкий, печальный и беспомощный клоун поневоле, попавший совсем молодым в пекло Второй мировой войны. Последующая его жизнь протекает как бы в двух разных измерениях: в одном он ведет ничем не примечательное, почти безвыездное существование в городке Илиум (штат Нью-Йорк), в другом совершает причудливые перелеты во времени, взадвперед, между собственными рождением и смертью, а параллельно пребывает на фантастической планете Тральфамадор, где в местном зоопарке выставлен в качестве образца земной фауны. Инопланетная тральфамадорская мудрость предполагает возвышенно-циническое приятие всего, что было, есть и будет: с точки зрения Билли (но, может быть, не Воннегута) она вполне применима и приемлема в трагическом земном мире: коль скоро поправить в нем ничего нельзя, почему бы не противопоставить собственной беспомощности — равнодушие, беспамятность, готовность сосредоточиться на приятном? Детское имя Билли (вместо «взрослого» Уильям) Пилигрим сохраняет за собой по совету тестя, опытного бизнесмена: первое лучше запоминается и располагает к себе людей. Оно же, впрочем, как нельзя более подходит человеку, который ощущает себя навеки испуганным ребенком, чьею судьбой властно и бесцеремонно распоряжаются внешние силы. Свои скитания во времени Билли Пилигрим контролирует весьма слабо, то и дело оказываясь перед лицом события, которое, собственно, и положило начало шизофреническому расколу его «я». Событие это — бомбардировка города Дрездена, предпринятая союзной авиацией в феврале 1945 года, бессмысленная в военном отношении, унесшая 135.000 жизней (больше, чем трагедии Хиросимы и Нагасаки) — по преимуществу мирных жителей. Группа американских военнопленных, в которую входит и герой романа (повторяющий в этом отношении опыт автора), загнанная в глубокие подвалы мясобоен, чудом выживает во время бомбардировки. Поднявшись наверх после отмены тревоги, американцы созерцают образовавшийся в результате успешного налета «лунный пейзаж» — немые каменные развалины на месте «Флоренции на Эльбе». Этот жуткий опыт Билли носит в себе всю жизнь как рану, открытую «в четвертом измерении» памяти. Война — воплощение абсурда бытия, перед которым пасуют здравый смысл и воля, к которому неприменимы нравственные критерии. Единственно возможный в этих условиях принцип поведения формулируется в виде смиренной молитвы: «Боже, дай мне силы принять то, что я не могу изменить, храбрость изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого». В действительности изменить в жизни бедный Билли не может ничего. Человеку по силам только переизобрести себя и свою вселенную, чему способствует научная фантастика, —

новейшее болеутоляющее, которое облегчает страдание, его не устраняя. «Бойня №5», балансирующая на грани документалистики и гротеска, — лучший среди многочисленных романов Воннегута, один из лучших американских романов 1960-х годов.

БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ (Slaughterhouse Fivi or Children's Crusade) (роман, 1969) Пилигрим Билли (Pilgrim Billy) — центральный персонаж в лучшем романе В. К. Классический антигерой, жалкий, печальный и беспомощный клоун поневоле, попавший совсем молодым в пекло второй мировой войны. Последующая жизнь его протекает как бы в нескольких измерениях ничем не примечательное, благополучное, почти безвыездное существование в городке Илиум, штат Нью-Йорк (где П. Б. выучился на оптометриста, приобрел профессию и свой маленький бизнес, женился, стал отцом двух детей и т. д.). Перелеты взад-вперед во времени, между собственными рождением и смертью; наконец, параллельное пребывание на фантастической планете Тральфамадор, где он выставлен в качестве образца земной фауны в местном зоопарке. Перешагнув сорокалетие (также пережив авиакатастрофу и увлечение научно-фантастическими книгами писателя Килгора Траута), П. Б. решает обнародовать свои удивительные опыты, чем ужасно конфузит родных. Но сам П. Б. считает себя обязанным поделиться тральфамадорской мудростью с братьямиземлянами: предложить корректирующие линзы для их растерянных душ. Инопланетная мудрость предполагает возвышенно-циническое принятие всего, что было, есть и будет; противоядием беспомощности служит равнодушие, готовность сосредоточиться на приятном, вычеркнув страшное из памяти и воображения. Детское имя Билли (вместо «взрослого» Вильям) П. Б. сохранил за собой по совету тестя, опытного бизнесмена — первое лучше запоминается и располагает к себе людей. Оно же как нельзя более подходит человеку, который по самоощущению — вечно испуганное дитя, чьею судьбой властно и бесцеремонно распоряжаются внешние силы. В отличие от тральфамадорцев П. Б. свои скитания во времени контролирует весьма слабо, в связи с чем то и дело оказывается перед лицом события, которое, собственно, и положило начало шизофреническому расколу его Я. Событие это — бомбардировка города Дрездена, предпринятая союзной авиацией в феврале 1945 г., вполне бессмысленная в военном отношении, зато унесшая 135 000 жизней (больше, чем трагедии Хиросимы и Нагасаки) по преимуществу мирных жителей. П. Б., скромный американский провинциал, призванный в армию в качестве помощника капеллана (должность, в которой он равно бессилен нанести урон врагу и помочь своим), прибыв на европейский театр военных действий, не успевает даже получить обмундирование: в результате неожиданного наступления немцев он оказывается в тылу врага. Голодный, растерянный, обросший бородой, без оружия, в гражданских полуботинках с оторванным каблуком, отчего он ходит, будто пританцовывая, этот странный солдат больше похож на грязного фламинго. Намучившись в плутаниях по лесам и пустошам, он сдается в плен противнику — таким же жалким воякам, из старых и малых, брошенных на пушечное мясо при последнем издыхании

большой войны. Группа американских военнопленных, переправленная на работы в Дрезден, чудом выживает во время бомбардировки, будучи расквартирована в глубоких подвалах мясобоен. Поднявшись наверх после отмены тревоги, американцы созерцают результат успешного налета: «лунный пейзаж» — развалины, под которыми похоронено население «открытого» города, «Флоренции на Эльбе». Этот жуткий опыт П. Б. носит в себе всю оставшуюся жизнь как рану, открытую «в четвертом измерении» памяти. Война — воплощение абсурда бытия, перед которым пасуют здравый смысл и воля, к которому неприменимы нравственные критерии. Единственно возможный в этих условиях принцип поведения сформулирован П. Б. в виде смиренной молитвы: «Боже, дай мне силы принять то, что я не могу изменить, храбрость изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого». В действительности изменить в жизни П. Б. не может ничего. Человеку по силам только переизобрести себя и свою вселенную, чему способствует научная фантастика — новейшее болеутоляющее, которое облегчает страдание, его не устраняя. «Путь пилигрима», по идее, ведет к святыне, одушевлен высшей целью, но их в мире П. Б. нет или он таковых не знает. Маленький человечек «без связей наверху», он всего лишь скиталец, безумец, безответная жертва. Впрочем, он же неожиданно сравнивается с младенцем-Христом: оба не плачут, хотя поводов для слез с избытком. В связи с этим рассказан один из фантастических сюжетов Киогора Траута, любимого писателя П. Б. в новом Евангелии, подаренном жителям Земли инопланетянами, Иисус не сын Божий, а простой бродяга, которого можно распинать безнаказанно, — лишь перед самой смертью он усыновлен высшей силой. Свершится ли акт усыновления, или страдания людей бессмысленны и безысходны? Этот вопрос роман оставляет открытым, не давая и не отнимая надежды.

Джером Д. Сэлинджер

СЕЛИНДЖЕР ДЖЕРОМ ДЕВИД (род. 1919), американский новеллист, автор повестей и рассказов. Наиболее известные повести «Ловец во ржи» (1951) (русск. пер. «Над пропастью во ржи»), «Френни» (1961), «Зуи» (1961), «Выше стропила, плотники» (1955), «Симор: Введение» (1963).

Над пропастью во ржи (The Catcher in the Rye)

Роман (1951)

Семнадцатилетний Холден Колфилд, находящийся в санатории, вспоминает «ту сумасшедшую историю, которая случилась прошлым Рождеством», после чего он «чуть не отдал концы», долго болел, а теперь вот проходит курс лечения и вскоре надеется вернуться домой.

Его воспоминания начинаются с того самого дня, когда он ушел из Пэнси, закрытой средней школы в Эгерстауне, штат Пенсильвания. Собственно ушел он не по своей воле — его отчислили за академическую неуспеваемость — из девяти предметов в ту четверть он завалил пять. Положение осложняется тем, что Пэнси — не первая школа, которую оставляет юный герой. До этого он уже бросил Элктон-хилл, поскольку, по его убеждению, «там была одна сплошная липа». Впрочем, ощущение того, что вокруг него «липа» — фальшь, притворство и показуха, — не отпускает Колфилда на протяжении всего романа. И взрослые, и сверстники, с которыми он встречается, вызывают в нем раздражение, но и одному ему оставаться неважно.

Последний день в школе изобилует конфликтами. Он возвращается в Пэнси из Нью-Йорка, куда ездил в качестве капитана фехтовальной команды на матч, который не состоялся по его вине — он забыл в вагоне метро спортивное снаряжение. Сосед по комнате Стрэдлейтер просит его написать за него сочинение — описать дом или комнату, но Колфилд, любящий делать все по-своему, повествует о бейсбольной перчатке своего покойного брата Алли, который исписал ее стихами и читал их во время матчей. Стрэдлейтер, прочитав текст, обижается на отклонившегося от темы автора, заявляя, что тот подложил ему свинью, но и Колфилд, огорченный тем, что Стрэдлейтер ходил на свидание с девушкой, которая нравилась и ему самому, не остается в долгу. Дело кончается потасовкой и разбитым носом Колфилда.

Оказавшись в Нью-Йорке, он понимает, что не может явиться домой и сообщить родителям о том, что его исключили. Он садится в такси и едет в отель. По дороге он задает свой излюбленный вопрос, который не дает ему покоя: «Куда деваются утки в Центральном парке, когда пруд замерзает?» Таксист, разумеется, удивлен вопросом и интересуется, не смеется ли над ним пассажир. Но тот и не думает издеваться, впрочем, вопрос насчет уток,

скорее, проявление растерянности Холдена Колфилда перед сложностью окружающего мира, нежели интерес к зоологии.

Этот мир и гнетет его, и притягивает. С людьми ему тяжело, без них — невыносимо. Он пытается развлечься в ночном клубе при гостинице, но ничего хорошего из этого не выходит, да и официант отказывается подать ему спиртное как несовершеннолетнему. Он отправляется в ночной бар в Гринич-Виллидж, где любил бывать его старший брат Д. Б., талантливый писатель, соблазненный большими гонорарами сценариста в Голливуде. По дороге он задает вопрос про уток очередному таксисту, снова не получая вразумительного ответа. В баре он встречает знакомую Д. Б. с каким-то моряком. Девушка эта вызывает в нем такую неприязнь, что он поскорее покидает бар и отправляется пешком в отель.

Лифтер отеля интересуется, не желает ли он девочку — пять долларов на время, пятнадцать на ночь. Холден договаривается «на время», но когда девушка появляется в его номере, не находит в себе сил расстаться со своей невинностью. Ему хочется поболтать с ней, но она пришла работать, а коль скоро клиент не готов соответствовать, требует с него десять долларов. Тот напоминает, что договор был насчет пятерки. Та удаляется и вскоре возвращается с лифтером. Очередная стычка заканчивается очередным поражением героя.

Наутро он договаривается о встрече с Салли Хейс, покидает негостеприимный отель, сдает чемоданы в камеру хранения и начинает жизнь бездомного. В красной охотничьей шапке задом наперед, купленной в Нью-Йорке в тот злосчастный день, когда он забыл в метро фехтовальное снаряжение, Холден Колфилд слоняется по холодным улицам большого города. Посещение театра с Салли не приносит ему радости. Пьеса кажется дурацкой, публика, восхищающаяся знаменитыми актерами Лантами, кошмарной. Спутница тоже раздражает его все больше и больше.

Вскоре, как и следовало ожидать, случается ссора. После спектакля Холден и Салли отправляются покататься на коньках, и потом, в баре, герой дает волю переполнявшим его истерзанную душу чувствам. Объясняясь в нелюбви ко всему, что его окружает: «Я ненавижу... Господи, до чего я все это ненавижу! И не только школу, все ненавижу. Такси ненавижу, автобусы, где кондуктор орет на тебя, чтобы ты выходил через заднюю площадку, ненавижу знакомиться с ломаками, которые называют Лантов «ангелами», ненавижу ездить в лифтах, когда просто хочется выйти на улицу, ненавижу мерить костюмы у Брукса...»

Его порядком раздражает, что Салли не разделяет его негативного отношения к тому, что ему столь немило, а главное, к школе. Когда же он предлагает ей взять машину и уехать недельки на две покататься по новым местам, а она отвечает отказом, рассудительно напоминая, что «мы, в сущности, еще дети», происходит непоправимое:

Холден произносит оскорбительные слова, и Салли удаляется в слезах.

Новая встреча — новые разочарования. Карл Льюс, студент из Принстона, слишком сосредоточен на своей особе, чтобы проявить сочувствие к Холдену, и тот, оставшись один, напивается, звонит Салли, просит у нее прощения, а потом бредет по холодному Нью-Йорку и

в Центральном парке, возле того самого пруда с утками, роняет пластинку, купленную в подарок младшей сестренке Фиби.

Вернувшись-таки домой — и к своему облегчению, обнаружив, что родители ушли в гости, — он вручает Фиби лишь осколки. Но она не сердится. Она вообще, несмотря на свои малые годы, отлично понимает состояние брата и догадывается, почему он вернулся домой раньше срока. Именно в разговоре с Фиби Холден выражает свою мечту: «Я себе представляю, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле во ржи. Тысячи малышей, а кругом ни души, ни одного взрослого, кроме меня... И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть».

Впрочем, Холден не готов к встрече с родителями, и, одолжив у сестренки деньги, отложенные ею на рождественские подарки, он отправляется к своему прежнему преподавателю мистеру Антолини. Несмотря на поздний час, тот принимает его, устраивает на ночь. Как истинный наставник, он пытается дать ему ряд полезных советов, как строить отношения с окружающим миром, но Холден слишком устал, чтобы воспринимать разумные изречения. Затем вдруг он просыпается среди ночи и обнаруживает у своей кровати учителя, который гладит ему лоб. Заподозрив мистера Антолини в дурных намерениях, Холден покидает его дом и ночует на Центральном вокзале.

Впрочем, он довольно скоро понимает, что неверно истолковал поведение педагога, сваял дурака, и это еще больше усиливает его тоску.

Размышляя, как жить дальше, Холден принимает решение податься куда-нибудь на Запад и там в соответствии с давней американской традицией постараться начать все сначала. Он посылает Фиби записку, где сообщает о своем намерении уехать, и просит ее прийти в условленное место, так как хочет вернуть одолженные у нее деньги. Но сестренка появляется с чемоданом и заявляет, что едет на Запад с братом. Вольно или невольно маленькая Фиби разыгрывает перед Холденом его самого — она заявляет, что и в школу больше не пойдет, и вообще эта жизнь ей надоела. Холдену, напротив, приходится поневоле стать на точку зрения здравого смысла, забыв на время о своем всеотрицании. Он проявляет благоразумие и ответственность и убеждает сестренку отказаться от своего намерения, уверяя ее, что сам никуда не поедет. Он ведет Фиби в зоосад, и там она катается на карусели, а он любуется ею.

«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» (буквальный перевод названия: «Кэтчер в ржаном поле» — «The Catcher in the Rye») — роман Д.Д.Салинджера. Писатель начал работать над романом в середине 40-х годов, опубликовал в 1951. Роман представляет собой исповедь семнадцатилетнего Ходцена Колфидда, сына богатых родителей, сбежавшего из частной школы в Пенсильвании. Действие происходит в сочельник 1949 г. Герой романа, юноша, нервически-взвинченный «пофигист», в чьей нелюбви к окружающим сквозит капризная нетерпимость избалованного подростка, ругает «дурацкую школу», «кретинов»-

одноклассников, «показушников»-учителей. Ненавидя всех и вся, он как бы в отместку нарушает общепринятые правила поведения, нарочно проваливает экзамены и убегает в НьюЙорк. Вместе с тем образ Холдена Колфидда имеет и символическое измерение. Знаменательно, что свой рассказ герой ведет, находясь на лечении в санатории. Болезнь — распространенный в мировой литературе знак конфликтности героя со средой, метафора его отчужденности от общества (ср. тематику безумия и психиатрической лечебницы в романе К. Кизи «Полет над гнездом кукушки»). Как литературный герой Холден Колфилд имеет давнюю родословную, восходящую к фольклорным героям-дуракам. Он обладает даром отстраненного незамутненного зрения, благодаря которому остро ощущает лицемерие и фальшь многих социальных ритуалов («липу и показуху», как он выражается). В этом плане герой романа близок средневековым шутам и юродивым, своим поведением и поступками подрывавшим поведенческие и моральные стереотипы общества (надетая задом наперед красная охотничья шапка Холдена Колфилда — парафраз шутовского колпака). Герой романа не просто хулиганистый смутьян, а бунтарь-одиночка, связующее звено между изгоями и отшельниками американского романтизма и героями «контркультуры» 60-х гг. Его одинокий, эгоистичный по сути протест, в полной мере вписывается в темы социологической критики американского общества потребления 50-х гг. Герой, к примеру, мотивирует свой отказ учиться тем, что не желает становиться потом каким-нибудь «пронырой», а потом работать «в какой-нибудь конторе, зарабатывать уйму денег, ездить на работу в машине или в автобусах по Мэдисон-авеню, и читать газеты, и играть в бридж все вечера, и ходить в кино...». Этому унылому проекту существования в «одинокой толпе» Колфилд противопоставляет вполне утопическую мечту бегства на Запад и уединения в «хижине у ручья». Мотив Запада в размышлениях героя не случаен: в американской культуре Запад всегда был олицетворением вольной, не стесненной никакими социальными ограничениями и условностями жизни в союзе с природой. Ироническим осуществлением этой мечты в романе выглядит помещение героя в калифорнийскую клинику. Символический смысл названия романа поясняет сам Холден, вспоминая в разговоре с Фиби строчку из стихотворения Роберта Бернса «Если ты ловил кого-то вечером во ржи». Не видя для себя никакой удовлетворительной социальной роли в «обществе потребления», он представляет себя стоящим посреди огромного ржаного поля, где на краю обрыва играют малыши. Он видит себя в роли ловца (бейсбольного кэтчера) малышей, следящего, «чтобы они не сорвались в пропасть» («кэтчер» — игрок в бейсболе, принимающий летящий мяч). Своеобразным зеркальным отражением фигуры бунтаря Колфидда становится его сестренка Фиби, которая тоже по-детски мечтает, собрав огромный чемодан, сбежать куда подальше. Впрочем, ей, в отличие от Холдена, достает интуитивной мудрости понять ущербность морали и поведения одинокого бунтаря. В образе Колфилда намечена архетипическая для американской литературы параллель между искупительной ролью героя (ср. например, фигуру Джо Кристмаса в романе У.Фолкнера «Свет в августе») и евангельским мифом о Спасителе. Спустя десятилетие после публикации роман стал важнейшим произведением культуры молодежного протеста, объединяющей самые

разнородные явления: поэзию А.Гинсберга, прозу Д.Керуака, К.Кизи, рок-музыку Д.Моррисона и Д.Джоплин и т.п.

НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ (The Catcher in the Rye) (повесть, 1951) Колфилд Холден (Caulfield Holden) — шестнадцатилетний юноша из поколения тинэйджеров 50-х гг. (подростков от 13 до 19, обозначение возраста которых — age — содержит суффикс -teen), впервые появляющийся в небольшой зарисовке 1945 г. «Я — сумасшедший», затем в рассказе «Легкий бунт на Мэдисон-авеню», которые стали вариантами глав романа (считают, что его фамилия — сокращенное от Копперфилд) Хотя сам он и не любит рассказывать о своих родителях и «всякой дэвидкопперфилдской мути», но существует прежде всего в своих семейных связях. Его родители разной веры, но, видимо, считают этот факт несущественным. К. Х не свойственна религиозность, хотя он верит в беспредельную доброту Христа, который, по его мнению, не мог послать Иуду в ад, и терпеть не может апостолов. К. Х. — второй ребенок в семье, в которой четверо детей. Старший брат К. Х — А, Б, — писавший прекрасные рассказы, работает в Голливуде и, по мнению К. Х, расходует свой талант впустую. Во время войны он четыре года как проклятый торчал в армии, возил генерала в штабной машине и ненавидел армейскую службу больше, чем войну. Младшим братьям — К.Х.И Алли, — он сказал, что, если бы ему пришлось стрелять, он не знал бы, в кого пустить пулю. Второй брат К. Х, рыжеволосый Алли, был младше К. Х на два года и, как считал К. Х, раз в пятьдесят умнее его. Алли любил стихи до такой степени, что исписал строчками из Эмили Диккенсон, которая жила у ручья, свою бейсбольную рукавицу; он был очень славным, любил хохотать. В восприятии К. Х. Алли был настоящий колдун, потому что К. Х часто чувствовал, когда Алли смотрел на него. Алли умер от лейкоза, и тогда К. Х, которому было тринадцать лет, разбил голый рукой все окна в гараже, попал в больницу, и потом всю жизнь рука у него побаливала и он не мог ее крепко сжать. Младшей в семье была десятилетняя Фиби, к которой К. Х был трогательно привязан: «Такой хорошенькой, умной девочки вы, наверное, никогда не видели», — говорит он о сестре. У нее одни отличные отметки. Волосы почти такие же рыжие, как у Алли. Она худая, но очень складная, очень привязчивая, обожает слонов, здорово танцует. Все время пишет книжки про девушку-сыщика, у которой отец «высокий привлекательный блондин лет двадцати», только никогда не дописывает, у нее целая уйма записных книжек. К. Х. очень чуток к фальши и выше всего в отношениях ценит искренность. Он терпеть не может кино, потому что оно испортило старшего брата, который, пока жил дома, был настоящим писателем. К. Х. даже отказывается сниматься в короткометражке, когда его приглашают на съемки как первоклассного игрока в гольф. В кино его коробит неестественность поведения актеров. Он понимает, что именно от кинобоевиков идут его фантазии о методах расправы с обидчиками. У него есть свое представление о том, каким должен быть Гамлет — «чудаком, немножко чокнутым», — и ему не нравится в этой роли Лоренс Оливье, который больше похож на какого-то генерала.

Больше К. Х. нравится эпизод, в котором Полоний дает советы Лаэрту, а Офелия при этом беспрестанно балуется: то кинжал вынет из ножен, то его поддразнивает, а Лаэрт делает вид, что слушает назойливые советы. Ту же фальшь К. Х. видит и не приемлет в театральных спектаклях. Из литературных персонажей ему больше всего нравится Великий Гетсби и совсем не нравится лейтенант Генри из «Прощай, оружие». Одна из любимых его книг — «В джунглях Африки» Исаака Дансена (под этим именем писала датская писательница Карен Бликсен, 1885—1962). Из-за нетерпимости к фальши К. Х. не может ужиться ни в одной из школ, учась уже в четвертой по счету (как и сам писатель), но и из нее оказывается исключенным, поскольку не принимает многого и в учителях, и в учениках, и в существующих в школе порядках. Он перестает заниматься, явно обладая замечательными способностями, особенно к сочинительству, владению словом. Его раздражает живущий в соседней комнате прыщавый, с плохими зубами, неопрятный, очень высокий, страшно сутулый навязчивый Роберт Экли, которому восемнадцать лет. Экли учится в школе уже четыре года, но его все равно все называют только по фамилии. У него никогда не видно носового платка, и во сне он храпит. Сосед К. Х. по комнате Уорд Стредлейтер занимается спортом, довольно красив, но какой-то альбомной красотой, с роскошной шевелюрой, всегда куда-то летит, довольно приветлив, безумно в себя влюблен, полжизни проводит возле зеркала, часто ходит на свидания с девчонками. К. Х. замечает, что он всегда бреется чисто, два раза, но ржавой бритвой, в волосах и с засохшей пеной, которую никогда не смывает. К. Х., зная, что Стредлейтер сильнее его, набрасывается на него с кулаками, когда тот небрежно отвечает на его вопросы о том, как прошло свидание с Джейн Галлахер — девочкой, с которой К. Х. был знаком несколько лет. Они были соседями по дачам в Мейне, часто играли в шашки, каждое утро в теннис, а после обеда в гольф, ходили в кино, держась за руки, что было замечательно. К. Х. знал, что родители Джейн в разводе и ее мать замужем за каким-то писателем-алкоголиком. Из-за него Джейн приходилось плакать, чему К. Х. стал свидетелем, тогда он подсел к Джейн и стал целовать в глаза, в брови, в нос и даже в уши. Она не была красавицей, но нравилась К. Х. Несмотря на привязанность к Джейн и постоянно возникающее желание позвонить ей, К. Х.» возвращаясь из школы в Нью-Йорк, звонит красивой, но недалекой Салли Хейс, напичканной сведениями о театрах, спектаклях и литературе. Когда К.Х.В душевном порыве говорит ей, что любит ее, она отвечает: «Я тебя тоже люблю, только обещай, что ты отпустишь волосы. Теперь ежик уже выходит из моды, а у тебя такие чудесные волосики!» К. Х. все же делится с ней своим желанием сбежать из Нью-Йорка и зажить где-нибудь своей настоящей жизнью у ручья, безо всякой липы. В ответ она говорит ему, как взрослая, трезвые вещи, он ссорится с ней, понимает, что никогда бы ее с собой не взял, и удивляется, как мог совершенно искренне звать ее с собой. Из учителей К. Х. выделяет старика Спенсера, преподающего историю, сгорбленного, который еле ходит. Правда, если о нем много думать, начинаешь удивляться, зачем он еще живет. Решив покинуть школу, К. Х. идет к нему попрощаться и жалеет об этом, как только пытающийся установить с ним человеческий контакт Спенсер сбивается на нотации, на штампованную

учительскую речь: «Неужели ты совершенно не думаешь о своем будущем? <...> Как вдолбить тебе в голову то, что нужно». К. Х не позволяет никому решать, что ему нужно. Он из великодушия может принять правила игры. Но ему не нравится говорить: «Очень приятно с вами познакомиться», — когда это совсем не приятно. Учителем, которого К. Х. считает лучшим, становится мистер Антолини из школы Элктон-Хилл. Он молод, живет в шикарной квартире в Нью-Йорке, преподает английский язык. Поступком этого человека, за который его стоит уважать, К.Х считает его поведение во время трагического события, произошедшего в школе. Худенький, маленький Джеймс Касл, у которого руки были, как карандаши, не захотел отказаться от своих резких слов о Филе Стебле, даже когда тот с шестью мальчишками пришел для того, чтобы применить насилие, потом Джеймс выпрыгнул из окна. Когда все растерянно стояли над его телом, мистер Антолини накрыл его своей курткой и унес в здание. Мистер Антолини выписывает для К. Х цитату из Вильгельма Штекеля, которую тот долго хранит «Признак незрелости человека — то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости — то, что он хочет смиренно жить ради правого дела». К. Х нравится не наносное в людях, отношениях, в искусстве. Когда он говорит сестренке Фиби о том, что он тайком уедет из дома, его останавливают ее слезы. Именно Фиби задает раздраженному К. Х существенный вопрос «Назови хоть что-нибудь одно, что ты любишь». К. Х при этом вспоминает монашек-учительниц, с которыми завтракал в вокзальном буфете, и говорит, что в «Ромео и Джульетте» больше всех ему нравится веселый и умный Меркуцио. (Он не мог простить Ромео того, что по его вине Меркуцио убивают.) И еще К. Х вспоминает Джеймса Касла, потому что тот тоже совершает настоящий поступок. Но Фиби он отвечает: «Я люблю Алли, и мне нравится вот так сидеть тут с тобой и разговаривать». Второй вопрос Фиби не менее значим. Она спрашивает К. Х, кем бы он хотел стать. И это не раздражает его, как слова старика Спенсера о том, что он совсем не думает о своем будущем. При разговоре с Фиби К.Х. вспоминает свои впечатления от готовящегося к Рождеству Бродвея. Там он встретил бедную семью: родители разговаривали друг с другом, а их замечательный шестилетний сын напевал песенку: «Если ты ловил кого-то вечером во ржи». И К.Х. «себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю сумасшедшего оврага <...> Я просто хочу быть ловцом во ржи». Ловец — это и название игрока в бейсбол, у которого есть определенное место на поле, «ловцами человеков» именуют к тому же апостолов. Ценя в детях их непосредственность и чистоту, ненавидя наносное и фальшивое во взрослых, К.Х. ставит перед собой весьма трудную и благородную задачу, и это становится вехой его взросления. Он хочет быть праведным и правильным апостолом. Ему не хватает слов, чтобы сказать об этом, потому что в мире, в котором он живет, нет слова Любовь, к которой он тянется и без которой ему холодно. Его все время беспокоит судьба уток, которые зябнут на замерзающем пруду. Узнать, куда они деваются зимой, для него значило бы найти ответ на вопрос о том, как противостоять холоду. Холод и тьма сгущаются над К. Х. Ночью, в темноте он убегает из школы, приезжает в Нью-Йорк в ночной электричке.

Заболевает, пробираясь по ночному выстуженному парку к пруду, чтобы посмотреть, есть ли на нем утки. Болезнь К. Х. — это происходящая в нем ломка. Весь роман — повествование от первого лица, ведущееся из больницы. У К. Х. слабые легкие, а его истовое отношение окружающему приводит к неоднократным рекомендациям показать его психиатру. К.Х. замечателен тем, что впервые правдиво выразил мятущееся сознание своего поколения, его отчаяние и надежды, его высоту и приземленность.

Трумэн Капоте**Лесная арфа** (The Grass Harp)

Роман (1951)

Коллин Фенвик осиротел в одиннадцать лет — сначала умерла его мать, а через несколько дней и отец погиб в автокатастрофе; его взяли к себе незамужние двоюродные сестры отца Вирена и Долли Тэлбо. Вирена — самая богатая женщина в городке: ей принадлежат аптека, магазин готового платья, заправочная станция, бакалейная лавка; наживая все это добро, она отнюдь не стала покладистым человеком.

Долли тиха и неприметна; хотя она старше, кажется, что она тоже приемыш Вирены — как и Коллин. Еще в доме живет кухарка Кэтрин Крик, негритянка, выдающая себя за индеанку, — она выросла вместе с сестрами, их отец взял ее в услужение еще девочкой. Долли, Коллин и Кэтрин дружат, несмотря на разницу в возрасте. Вирена стыдится своих домашних — гостей у них не бывает, а в городке судачат, что у Долли Тэлбо винтиков не хватает и что она — Виренин крест. Долли действительно нелюдима, но зато мудра во всем, что касается природы. Раз в неделю Долли, Кэтрин и Коллин отправляются в лес собирать травы и коренья для снадобья от водянки, которое Долли варит по рецепту, полученному ею в детстве от старой цыганки, и рассылает своим заказчикам по всему штату. Во время таких вылазок они и обжили дом на дереве.

Миновав поле, поросшее индейской травой, что к осени становится пурпурной и такой жесткой, что ее шелест и звон подобны звукам арфы, они выходили на опушку леса, где растет платан с двойным стволом, в развилине которого настланы доски, так что получился древесный дом. Наросты на его коре словно ступеньки, а перилами служат плети дикого винограда, опутавшие стволы. Спрятав провизию на дереве, они расходились в разные стороны, а наполнив мешки, забирались в платан, лакомились цыпленком, вареньем и тортом, гадали по цветам, и казалось им, что они плывут сквозь день на плоту в ветвях дерева, сливаясь с этим деревом в одно, как серебрящаяся на солнце листва, как обитающие в нем козодои.

Как-то они подсчитали выручку от продажи снадобья за год — она оказалась такова, что Вирена заинтересовалась: на деньги у нее был нюх.

Коллину было шестнадцать лет, когда однажды Вирена вернулась из очередной поездки в Чикаго с неким доктором Морисом Ритцем — галстуки-бабочки, костюмы кричащих цветов, синие губы, сверлящие глазки. Стыд и срам, говорили в городке, что Вирена связалась с этим еврейчиком из Чикаго, к тому же еще и лет на двадцать моложе ее. В воскресенье доктор удостоился приглашения на обед. Долли хотела отсидеться на кухне, но Вирена не позволила, и хотя Долли разбила хрустальную вазу, уронив ее в соус, который забрызгал гостя, Вирена настаивала на том, что этот обед устроен в ее честь. Доктор Ритц вытащил пачку типографски отпечатанных наклеек «Зелье старой цыганки изгоняет водянку», а Вирена

сказала, что купила заброшенный консервный завод на окраине городка, заказала оборудование и наняла ценнейшего специалиста Мориса Ритца для промышленного производства снадобья Долли. Но Долли наотрез отказывается открыть рецепт, проявив несвойственную ей твердость. «Это единственное, что у меня есть», — говорит она. Вечером сестры ссорятся: Вирена заявляет, что работала всю жизнь как вол и все в этом доме принадлежит ей; Долли шелестит в ответ, что они с Кэтрин всю жизнь старались сделать этот дом теплым и уютным для нее и полагали, что для них тут есть место, а если это не так, то они завтра же уйдут. «Куда ты пойдешь!» — бросила Вирена, но Коллин, который подслушивает на чердаке, уже догадался куда.

Ночью Долли, Кэтрин и Коллин уходят в лес, в дом на дереве, прихватив теплое одеяло, сумку с провизией и сорок семь долларов — все, что у них было.

Первым их обнаруживает Райли Гендерсон, который охотится в лесу на белок. В пятнадцать лет он остался без родителей с двумя младшими сестрами на попечении: его отца, миссионера, убили в Китае, а мать в сумасшедшем доме. Дядя-опекун пытался прикарманить наследство матери. Ралли разоблачил его и с тех пор стал сам себе хозяин: купил машину, гонял по окрестностям со всеми шлюхами городка и воспитывал сестер в строгости. Райли тоже аутсайдер в городке, и ему понравилось на дереве.

Вирена, найдя утром записку Долли, объявляет розыск. Она успела разослать множество телеграмм с их приметам, когда становится известно, что они совсем рядом. К дереву приходит целая делегация официальных лиц городка: шериф, пастор с женой; их сопровождает старый судья Кул; от имени Вирены они требуют возвращения беглецов, угрожая применить силу. Судья Кул неожиданно оказывается союзником тех, кто на дереве, — он объясняет, что закона никто не нарушал. После легкой потасовки высокая делегация удалась, а старый судья остался на дереве.

Судье Кулу было под семьдесят; он окончил Гарвард, дважды бывал в Европе, имел жену из Кентукки, всегда хорошо одевался и носил цветок в петлице. За все это в городке его недолюбливали. После смерти жены (она умерла в Европе; когда она стала болеть, он ушел с поста окружного судьи, чтобы отвезти ее туда, где прошел их медовый месяц) он остался не у дел: два его сына с женами разделили дом поровну, уговорившись, что старик живет по месяцу в каждой семье. Неудивительно, что дом на дереве показался ему уютным...

Вечером вернулся Ралли — с извинениями, что невольно выдал беглецов, с провизией и с новостями: шериф уговорил Вирену разрешить подписать ордер на их арест за похищение ее собственности, а судью он намерен арестовать за нарушение общественного порядка.

Утром шериф уволок Кэтрин в тюрьму; Коллину удалось удрать, а Долли и судья спаслись, забравшись еще выше на дерево. Беглецы легко отделались потому, что шерифу принесли весть об ограблении Вирены доктором Ритцем: он очистил сейф ее конторы, унеся 12 700 долларов, присвоил деньги на закупку оборудования и скрылся. От такого удара судьбы Вирена серьезно заболела,

В субботу в городок приехал фургон, украшенный самодельным щитом с надписью: «Дайте малышу Гомеру заарканить вашу душу для Господа нашего», а в фургоне — сестра Айда с пятнадцатью своими детьми, рожденными от разных мужчин. Молитвенное собрание обновленцев пришлось по душе горожанам, пожертвования оказались щедрыми настолько, что вызвали яростную зависть пастора Бастера, который, солгав Вирене, что сестра Айда якобы называет Долли Тэлбо богоотступницей и нехристью, заставил ее позвонить шерифу и приказать выгнать обновленцев из городка. Шериф повиновался, а преподобный Бастер силой отобрал у детей все собранные деньги. Айда хочет найти Долли, чтобы та «уладила это дело», ибо они остались без денег, без еды и без бензина.

Узнав об этом, Долли в ужасе, что ее именем вырывают у детей кусок изо рта, отправляется ей навстречу и приводит к дереву всю ораву. Детей кормят, Долли отдает Айде свои сорок семь долларов и золотые часы судьи, но к ним направляются Вирена, пастор, шериф и его подручные с ружьями. Мальчики, забравшись на деревья, встречают незваных гостей градом камней и шумом трещоток и свистуллек;

пальнув наудачу, один из подручных шерифа подстреливает Райли. Начинается гроза.

На этом трагическом фоне происходит объяснение Долли и Вирены. Вирена, увидев новую Долли, Долли, которой сделал предложение судья Кул и которая бросает ей в лицо, что вообще-то немного чести от имени Тэлбо, если, прикрываясь им, обкрадывают детей и бросают в тюрьму старух, надламывается и стареет на глазах; Вирена умоляет сестру вернуться домой, не бросать ее одну в доме, где все создано и обжито Долли.

Беглецы вернулись, но еще долго жизнь для них подразделялась на до и после этих трех осенних дней, проведенных на дереве. Судья ушел из дома сыновей и поселился в пансионе. Вирена и Коллин простудились под дождем, Долли выхаживала их, пока не слегла сама с ползучей пневмонией. Не до конца оправившись, она с увлечением создает для Коллина маскарадный костюм к вечеринке в День Всех Святых и, разрисовывая его, умирает от удара. Через год Коллин покидает городок, где он вырос; на прощание ноги сами ведут его к дереву; застыв у поля индейской травы, он вспоминает, как Долли говорила: «Арфой звенит трава, она собирает все наши истории, день и ночь рассказывает она их, эта арфа, звучащая на разные голоса...»

Маккалерс. Сердце – одинокий охотник [компиляция].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ В городе было двое немых, они всегда ходили вместе. Грек Спирос Антонапулос работал у своего двоюродного брата, владельца этого магазина. В его обязанности входило изготовление конфет и сладостей, распаковка ящиков с фруктами и уборка помещения. Высокий немой, Джон Сингер, прощаясь, клал руку на плечо товарищу и заглядывал ему в лицо. Потом он переходил на другую сторону улицы и продолжал свой путь до ювелирного магазина, где гравировал столовое серебро. Ведь, не считая выпивки и довольно невинного порока, которому он предавался в одиночестве, Антонапулос больше всего на свете любил покушать. Антонапулос сидел, лениво развалившись, и смотрел на Сингера. Если он и шевелил руками, а это бывало редко, то только для того, чтобы сказать, что ему хочется есть, спать или выпить. Эти свои три желания он выражал одними и теми же неопределенными неуклюжими движениями. И вдруг грек заболел. Доктор прописал Антонапулосу диету и сказал, что ему нельзя больше пить вино. Сингер непреклонно выполнял предписания врача. Антонапулос больше не болел, но очень изменился. Он стал раздражительным и уже не желал мирно проводить вечера дома. Шли месяцы, и причуды Антонапулоса становились все опаснее. Однажды в полдень он спокойно вышел из фруктового магазина своего двоюродного брата, пересек улицу и стал мочиться у стены Первого национального банка на глазах у прохожих. Встречая людей, чьи лица ему не нравились, он нарочно налетал на них, толкаясь животом и локтями. Как-то он зашел в магазин и выволок оттуда, не заплатив за него, торшер, а в другой раз попытался стащить с прилавка игрушечный электрический поезд. Для Сингера настало очень тяжелое время. В обеденный перерыв он то и дело водил Антонапулоса в суд, чтобы улаживать его противозаконные выходки. Сингеру пришлось хорошо изучить судебные порядки, и он не знал ни минуты покоя. Деньги, которые он откладывал, были истрачены на штрафы и залого. Все свои силы и средства он употреблял на то, чтобы спасти друга от тюрьмы за такие преступления, как кражи, нарушение общественного порядка и драки. Родственник, у которого Антонапулос работал, не желал вмешиваться во все эти дела. Чарльз Паркер (таково было имя, которое он себе взял) не увольнял своего двоюродного брата, но неотступно следил за ним с угрозой на бледном, костлявом лице и не ударил о палец, чтобы ему помочь. Сингер испытывал незнакомое ему чувство к Чарльзу Паркеру. Он его недолюбливал. Сингер жил в постоянной тревоге и волнениях. Но Антонапулос был по-прежнему невозмутим: что бы ни случилось, с лица его не сходила добрая, безвольная улыбка. В прежние годы Сингер видел в улыбке друга мудрость и душевную глубину. Он никогда толком не знал, что у него на уме и многое ли достигает его сознания. А теперь лицо толстого грека, на взгляд Сингера, стало выражать хитрость и лукавство. Сингер был глух с самого младенчества, но не всегда был совсем немым. Он очень рано остался сиротой и попал в заведение для глухих. Там он научился разговаривать руками и читать. Ему еще не было девяти лет, а он умел разговаривать одной рукой по американской системе и пользоваться

обеими руками, как в Европе. Он научился следить за движением чужих губ и понимать, что они произносят. И наконец его стали учить там разговаривать. Ему было мучительно трудно разговаривать ртом, но руки всегда были готовы выразить любые слова, какие ему хотелось. В двадцать два года он приехал из Чикаго в этот южный город и почти сразу же познакомился с Антонапулосом. Питался он в ресторане по соседству. Этот ресторан, в двух кварталах от его дома, был расположен в конце Главной улицы и назывался "Кафе "Нью-Йорк". Алиса Бреннон; Джейк Блаунт, пьяный; Биф Бреннон, работник ресторана; Биф сказал Алисе правду: ему нравились ненормальные. Он испытывал какую-то особую приязнь к больным и увечным. Стоило войти в ресторан человеку с заячьей губой или чахоткой, как он тут же угощал его пивом. Если же посетителем был горбун или явный калека, он бесплатно поил его виски. Мик Келли, девочка, курящая сигареты. мисс Браун, живет в доме Мики. Ральф, Братишка - братья Мики. Хейзел и Этта - сестры. Отец не похож на других цветных людей. Даже не объяснишь - чем. Отец все время учится. И с самого начала вбил себе в голову, какая должна быть у него семья. Чтобы все в доме было по его, до последней мелочи, а по ночам хотел сам нас, детей, еще учить. он всегда сидит тихо как мышь. Но ночью на него иногда что-то находит - вроде припадок какой. Я таких бешеных в жизни не видела. Все, кто его знает, говорят, что он самый настоящий псих. Такое он вытворял, просто ужас, и наша мама его бросила. Мне тогда одиннадцатый год пошел. Наша мама увезла всех нас к бабушке на ферму, и мы там выросли. Папа все время просил, чтобы мы к нему вернулись. Но даже когда мама умерла, мы, дети, жить у него не захотели. И теперь мой отец живет один как перст. Вилли, сын Копленда; Длинный Джейк устраивается на работу механиком аттракциона (лошади). История про жулика, который собирал деньги и обещал выплачивать их в виде пенсии после 50 лет. Сингер провел свой летний отпуск в том городе, где Антонапулос сидел в сумасшедшем доме. Копленд, доктор, негр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Люсиль; Бэби, девочка; Лерой Уилсон, отец Бэби. Там была и Лав Джонс - она очень нехорошая девушка. Вилли напился и стал плясать с ней шимми. Он глазом не успел моргнуть, как завязалась драка. Вилли подрался с парнем, которого зовут Майский Жук, из-за этой самой Лав. Сначала пустили в ход кулаки, но потом этот Майский Жук вдруг вытаскивает нож. У нашего Вилли никакого ножа не было, поэтому он заорал и стал бегать по залу. Тогда Длинный откуда-то достал для Вилли бритву. Вилли осмелел и чуть не отхватил Майскому Жуку голову... Ну, глаз у него, конечно, заплыл, и кусочек задницы Жук ему отхватил. Порция: Ты же знаешь, как мы втроем жили. Душа в Душу. У нас был свой распорядок, и все шло как по маслу. Даже из-за денег никогда не тужили. Длинный - он платил за квартиру, я покупала еду, а на Вилли были расходы в субботу вечером. Мы всегда жили как двойняшки, только когда их не двое, а трое. Доктор Копленд: Если бы он мог отдохнуть, он бы, наверно, поправился. У него был туберкулез легких, он четыре раза в день мерил температуру и каждый месяц просвечивался. Но отдохнуть он не мог. Потому что его истинная, высокая цель была сильнее усталости. Джейк: Что же они с нами делают! Истины превратили в ложь.

Идеалы испоганили и оподлили. Возьмите хотя бы Христа. Он был один из нас. Он прозрел. Когда он сказал, что труднее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное, он-то уж знал, что говорит! А вы посмотрите, что с Христом сотворила церковь за последние две тысячи лет. Что она из него сделала! Как она извратила каждое его слово в угоду своим низким целям! Если бы Христос жил сегодня, его подвели бы под монастырь и упрятали за решетку. Ведь он был бы одним из тех, кто прозрел. Братишка держал большое ружье у плеча. Он прицелился и громко произнес "паф". Потом снова позвал Бэби, тихонько и ласково, словно котенка: - Ну иди же сюда, Бэби... Ну пожалуйста... Он сделал движение так быстро, что Мик не успела его удержать. Едва она заметила, что пальцы его дотронулись до курка, как ружье страшно бабахнуло. Бэби как-то странно обмякла и упала на тро Мик словно пригвоздили к ступеньке - она не могла ни двинуться, ни закричать. Тоцца-Моща закрыл руками голову. Один Братишка ничего не понял. Он сказал, что Бэби не умрет, но у нее поврежден череп. Мик: Знаешь начальника тюрьмы Лоуса? Помнишь, мы слышали его по радио? И ты знаешь, что такое Синг-Синг? Ну вот, папа пишет письмо Лоусу, чтобы он был с тобой добрее, когда тебя поймут и пошлют в Синг-Синг. Слова эти так страшно звучали в темноте, что ее самое пробрала дрожь. Она чувствовала, как трясется с перепугу Братишка. - Там у них есть маленькие электрические стулья, как раз на твой рост. И когда пускают ток, ты поджариваешься, как кусок грудинки. А оттуда идешь прямо в ад. После той ночи никто уже не звал его Братишкой. Соседские ребята постарше стали звать его Келли - убийцей Бэби. Но он мало с кем разговаривал, и ничто, казалось, его не трогало. В семье теперь его звали настоящим именем: Джордж. Автором смутившего его сочинения был Лэнси Дэвис. Он узнал его руку прежде, чем перевернул последнюю страницу и увидел подпись. Лэнси ему уже доставил немало хлопот. Его старшая сестра пошла в услужение, когда ей было одиннадцать лет, и ее изнасиловал белый хозяин - уже почти старик. А через год или два доктор получил срочный вызов к Лэнси. С Сингером произошла странная перемена. Он часто совершал дальние прогулки: раньше, в первые месяцы после отъезда Антонапулоса, они помогали ему отвлечься. Во время этих прогулок он вышагивал целые мили по всему городу. Мик Келли Сингер подарил радио. Сингер заранее научился крутить кинокартины. Он поставил экран так, чтобы его было видно всем больным. Потом запустил в ход проекционный аппарат и стал крутить пленку. Сиделка собрала подносы с посудой, и свет в палате выключили. На экране замелькала комическая мультипликация с Мики-Маусом. Алиса умерла. Парень, которого он недавно нанял на неполный рабочий день, появился сегодня рано. Его звали Гарри Миновиц. Деньги стали главной заботой в доме. Они задолжали около двухсот долларов, которые необходимо было немедленно отдать. Дом им уже не принадлежал. Билл получил работу на бутылочной фабрике и зарабатывал десять долларов в неделю. Хейзел работала помощницей косметички и получала восемь долларов в неделю. Этта за пять долларов продавала билеты в кино. Селеста, ученица 6-го класса. Доктора Копленда посадили в камеру. Симс, проповедник-фанатик. Вилли лишился ног. Уилбер Келли ПОЧИНКА ЧАСОВ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сингер - праповедник, спит с Дэзи; покончил с собой по неизвестной причине. Карл Маркс Джейк спасается от собаки, ввязался в драку. Он копался в механизме качелей, и ему захотелось выпить воды. Направляясь к киоску, он увидел белого парня и негра, круживших друг возле друга. Оба были пьяны. Половина людей в толпе тоже была пьяна: сегодня суббота, а фабрики эту неделю работали без простоев. Жара стояла убийственная, отовсюду несло вонью. Он увидел, как драчуны сцепились, но чуял, что это еще даже не начало. Он давно ощущал: большой драки не миновать. Негры дерутся с белыми. Джейк ведет богохульную речь с Симсом. Мик уже взрослая и должна работать у Вулворта. Биф Он устраивал похороны. Все свалили на него. Дела Сингера были в крайнем беспорядке. Он не выплатил ни за одну вещь, взятую в кредит, а тот, кто должен был получить его страховку, сам Денег едва-едва хватило на погребение.

О'Коннор. Хорошего человека найти не легко.

Хорошего человека найти не легко

Действие рассказа происходит на юге США в штате Джорджия. Глава семейства Бейли хочет повезти своих детей — восьмилетнего сына Джона, дочку Джун, жену с грудным ребенком и свою мать во Флориду. Но мать Бейли, бабушка детей, пытается отговорить семейство туда ехать. Во-первых, они там уже были прошлым летом, а во-вторых, и это самое главное, в газетах пишут, что из федеральной тюрьмы сбежал преступник по имени Изгой, который направляется во Флориду. Все увещания бабушки бесполезны, семья в полном составе усаживается в автомобиль и выезжает из Атланты. День стоит прекрасный, бабушка рассказывает о своей молодости, показывает на достопримечательности края, у всех приподнятое настроение путешественников, начавших долгожданную поездку. По дороге они останавливаются, чтобы перекусить в придорожном кафе. Настроение становится еще лучше, когда, бросив монету в музыкальный автомат, они слушают «Теннессийский вальс», а потом Джун под ритм другой музыки отбивает чечетку. Вошедший хозяин кафе по прозвищу Рыжий Сэм вступает в завязавшийся разговор и, жалуясь на свою жизнь, говорит, что, как ни старайся, все равно остаешься в дураках. Вот, например, на прошлой неделе он отпустил в долг бензин каким-то проходимцам, а те укатили на своей машине, и больше он их не видел. На риторический вопрос, почему с ним так всегда бывает, бабушка отвечает, что, по-видимому, причина в том, что он хороший человек. Рыжий Сэм соглашается с бабушкой и уточняет, что нынче хорошего человека найти не легко, никому нельзя верить, не то что раньше, когда, уходя из дома, можно было не закрывать дверь.

После посещения кафе семья Бейли продолжает путь. Бабушка сладко спит на заднем сиденье, но когда они проезжают через город Тумсборо, она просыпается и вдруг вспоминает, что где-то здесь по соседству есть старая плантация, красивый дом, дубовая аллея с беседками. Хотя она была там давно, еще в молодые годы, бабушка утверждает, что хорошо помнит дорогу и настаивает, что нужно непременно посетить эту местную достопримечательность. Сын и невестка не хотят сворачивать в сторону, чтобы не терять времени в пути, но бабушке удается заинтересовать детей, и они добиваются от отца согласия повернуть назад и проехать к плантации по проселочной дороге. Бейли ворчит, так как дорога очень пыльная и неровная, видно, что по ней давно никто не ездил. Внезапно бабушка осознает, что ошиблась: плантация-то находится не в Джорджии, а в Теннесси. Вдруг машина переворачивается и падает под откос. Никто не погиб, но жена Бейли сломала плечо и повредила лицо. Бейли безмолвно и свирепо смотрит на мать. Рядом никого нет, машины по этой дороге, скорее всего, не ездят. Но тут вдалеке, около леса, на холме появляется какая-то машина. Бабушка машет руками и зовет на помощь. В машине, подъехавшей к пострадавшим, сидят трое мужчин. Лицо одного из них кажется бабушке знакомым. Приглядевшись лучше, она понимает, что это тот самый Изгой, о котором она читала в газете. Увидев пистолет у одного из мужчин, бабушка упрасивает Изгоя не делать

им ничего плохого. Она говорит, что в душе он наверняка хороший человек. Изгой приказывает мужчине с револьвером увести Бейли и Джона в лес. Они уходят. Бабушка, сильно встревоженная, уверяет Изгоя, что он еще может стать честным человеком, может остепениться, если только будет молиться Богу. Два выстрела, раздавшиеся в лесу, еще больше нагнетают обстановку. Изгой начинает рассказывать бабушке о своей неприкаянной жизни. Тем временем спутники Изгоя, Бобби Ли и Хайрам, выходят из леса с рубашкой Бейли в руках. Изгой просит жену Бейли и детей взяться за руки и следовать за вернувшимися мужчинами обратно в лес, где они смогут увидеть своих ушедших туда родственников. Оставшись одна, бабушка пытается опять убедить Изгоя, чтобы он молился Богу. Когда из леса слышится отчаянный вопль, а за ним выстрелы, бабушка, обезумев, просит Изгоя не убивать её. Она опять взывает к Иисусу Христу, что еще больше бесит бандита. Бабушка дотрагивается рукой до Изгоя, произнося: «Ты ведь мне сын. Ты один из детей моих». Изгой отскакивает, как ужаленный змеей, и трижды стреляет старухе в грудь. А затем приказывает своим напарникам отнести её тело в лес.